ПИОНЕР



Сентябрь

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“ 1939 г.

9

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ



№ 9

Сентябрь 1939 г.

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"



Первого сентября широко распахнулись двери классов и лабораторий. После летнего отдыха вновь взяты в руки тетради, учебники, приборы. Склонившись над физическим прибором, ребята проводят первый опыт.

Фото Е. Тиханова

Как они учились

Михаил Васильевич Фрунзе



Миша Фрунзе учился в первом классе Верненской[1] гимназии. Учителя сразу обратили внимание на способного, одаренного мальчика. Его кондуит пестрел такими записями: «Получил одобрение от педагогического совета за отличные успехи и поведение», «Переведен без экзамена с наградой 1-й степени».

В конце учебного года, когда ученики уже считали дни, остающиеся до каникул, Мишу вызвал директор.

— Вот что, Фрунзе,— сказал он хмуро,— твоя мать не внесла платы за ученье. Ты должен оставить гимназию.

Мальчик покраснел от смущения и молча вышел из кабинета.

Отец его, гарнизонный фельдшер, выбившийся в фельдшеры из солдат, умер, оставив семью без средств к существованию. Мать Михаила еле сводила концы с концами. С трудом выпросила она у начальства пособие, и мальчик остался в гимназии.

Любознательный и живой, Михаил Фрунзе много читал, увлекался шахматами. Но особенно любил он охоту. Этой страстью Михаил заразился от отца, заядлого охотника. Охота и прогулки по окрестностям города разбудили в Михаиле любовь к природе. Он возвращался с прогулок с огромными охапками цветов и трав. Из них составлял он большие гербарии. Один из этих гербариев был признан настолько ценным, что его даже отправили в Петербург, в Академию наук.

Гимназическая учеба не удовлетворяла передовых юношей. Ведь учителя скрывали от них, как устроено общество, почему одни живут в роскоши и изобилии, а другие — в бедности и нищете. Честная, жаждущая правды молодежь в книгах искала ответа на волновавшие ее вопросы. Создавались «кружки самообразования». Самым деятельным членом одного из таких кружков был Фрунзе. В кружке он впервые познакомился с революционными идеями, и это определило его жизненный путь.

Когда Михаил учился в последних классах гимназии, он должен был сам зарабатывать себе на хлеб. Кончив занятия, он остальную часть дня бегал по городу, давая уроки. Только любовь к труду и настойчивость позволили Фрунзе закончить гимназию.

В гимназическом архиве сохранилась копия аттестата зрелости, выданного М. В. Фрунзе, где говорится:

«...Во внимание к постоянному отличному поведению, прилежанию и отличным успехам в науках, в особенности же историко-филологических, Педагогический совет постановил наградить его золотой медалью и выдать ему аттестат».

Валериан Владимирович Куйбышев

Валериану было 14 лет, когда он выполнил первое поручение революционной организации.

Однажды в воинской команде, начальником которой был отец Валериана, появились революционные прокламации. Откуда они взялись? Отгадать было не трудно. Каждая прокламация была свернута трубочкой и перевязана гарусом. А такой гарус был только у матери Валериана Владимировича. Четырнадцатилетний революционер не умел еще соблюдать конспирацию.

[1] Город Верный — теперь город Фрунзе.

Валериан очень любил читать книги по военной истории, любил военные игры. Когда играли, он всегда был командиром. Любимым героем Валериана был Суворов. Поэтому дома его прозвали Суворовым.

Под видом игры в Суворова Валериан устроил близ города среди скал крепость-склад, в котором хранились запрещенная литература и революционные листовки. Его «суворовское войско» было воспитано в строгой дисциплине, и никто, никогда не выдал тайны.



Так как отец Валериана был военный, учиться Валериану пришлось в кадетском корпусе. Трудно было ему выдерживать корпусную муштру, подчиняться палочной дисциплине, царившей там. Но учиться он старался хорошо. А то, чему не учили в корпусе, узнавал из книг. Часто корпусные начальники находили у Валериана под подушкой книги, которые кадетам читать не разрешалось.

Поэтому, когда Куйбышев переходил из пятого класса в шестой, педагогический комитет постановил: «Кадету пятого класса Куйбышеву В. хотя и выполнившему условия на получение похвального листа, такого не выдавать за не вполне одобрительное поведение...»

Когда в январе 1905 года была расстреляна мирная демонстрация петербургских рабочих, шестнадцатилетний Валериан Куйбышев написал протест. Он услышал, как два кадета тоже возмущались расстрелом, и попросил их, чтобы и они подписались под протестом. Листок с протестом пошел по рукам. Его читали все кадеты.

Начальство всполошилось, обыскали вещи Куйбышева и нашли книгу Энгельса. Начались допросы, объяснения. Только вмешательство отца спасло Куйбышева от исключения из корпуса, а может быть, и от ареста.

С трудом закончил Валериан Владимирович кадетский корпус. Учился он по всем без исключения предметам отлично. Но по закону божьему отказывался отвечать, вступал в споры со священником. В наказание его хотели выпустить из корпуса без отметки по закону божьему. А без этой отметки его никуда не взяли бы учиться дальше.

И только потому, что по всем предметам у Валериана Куйбышева были отличные отметки, ему поставили какой-то балл и по закону божьему.

Сергей Миронович Киров

Сережа Костриков (это настоящая фамилия Сергея Мироновича Кирова) воспитывался в приюте. Приютских ребят, остриженных наголо, одетых в бедную, плохо сшитую одежду, бледных и худых, постоянно дразнили, а иногда и поколачивали на улице упитанные сынки уржумских богатеев.



Напали как-то купеческие сынки и на Сережу, но он так отколотил одного из приставших к нему балбесов, что после этого затрагивать Сережу уже не решались, а сам он сделался подлинным героем приюта.

Обучались приютские в церковно-приходской школе, а потом в городском училище. Сережа был лучшим учеником в классе. Случалось, выбегут ребята в большую перемену на двор. Кострикова нет.

Где же он?

А Сережа, оказывается, сидит, решает

геометрическую задачу и ни за что не хочет встать из-за парты, пока не решит.

Учитель математики любил высмеивать лентяев и тупиц.

— Эх, для чего у тебя голова? — часто спрашивал он сына уржумского торговца Климова.— А еще сапоги начистил!

— Ну-ка, Костриков,— вызывал учитель,— иди помоги.

Костриков быстро решал задачу, и тогда Морозов, поворачиваясь ко всему классу, указывал на Сергея и говорил:

— Вот Кострикову действительно нужна голова. Он с ней большие дела совершит.

В Уржуме было много ссыльных, сюда царское правительство ссылало революционеров. Очень скоро Сергей познакомился со ссыльными, а от них получил он книжки, которые читал дома не отрываясь. Из этих книжек он узнал, почему рабочим живется тяжело и как добиться лучшей жизни.

Как-то у одного из ссыльных четырнадцатилетний Сережа Костриков увидел пачку листовок. Сережа спросил, как они изготовлены, ему объяснили устройство гектографа. Скоро товарищи поручили Сергею осторожно, незаметно для других, покупать желатин и глицерин для гектографа.

Городское училище Сергей окончил первым учеником и уехал в Казань. Там он поступил на механическое отделение Казанского технического училища. У Сергея Кострикова были замечательные способности к математике, физике, химии. Он любил на досуге мастерить и лучше всех строил приборы.

— Золотые руки! — говорили ему товарищи.— Ты наверняка будешь инженером.

Но Сергей знал уже, кем он будет: он знал уже, что жизнь свою отдает революции. И, загадочно улыбаясь, говорил:

— Я буду тем, кем сейчас быть важнее всего.

Сергей жил вместе со своим другом Владиславом в бедной маленькой комнатке. Как-то Сергей построил маленький электромотор. Это стоило ему больших трудов, и он очень дорожил им.

Случилось так, что Владислав порвал свои единственные брюки. Тогда Сергей отправился на базар и, продав единственное свое сокровище — самодельный мотор,— купил товарищу брюки.

Он никогда не отказывал товарищам в помощи. И всегда объяснял отстающим сложные формулы и законы.

Однажды к Сергею обратился одноклассник Яковлев.

— Сережа, дай списать задачку: что-то у меня не выходит,— попросил он.

Костриков ответил:

— Списать решение задачи я тебе не дам, от этого пользы не будет. Садись, решай сам, а я тебе помогу.

31 мая 1904 года Сергей окончил Казанское промышленно-техническое училище.

В аттестате, который выдали Сергею Мироновичу Кострикову, сказано, что он «...показал следующие знания: арифметика и алгебра — отличные (пять), физика — отличные (пять), механика — хорошие (четыре), химия — хорошие (четыре)».

Яков Михайлович Свердлов

В своих первых донесениях о революционной деятельности Якова Михайловича Свердлова царские ищейки называют его кличкой «Малыш». Пятнадцатилетним мальчиком начал Яша Свердлов работать в революционной организации. У отца его была граверная мастерская. В этой мастерской Яша приготовлял штампы для организации, хранил запрещенную литературу.

Яков Свердлов учился в гимназии. Способный и любознательный, он быстро усваивал то, что было изложено в гимназических учебниках, и когда шел на уроки, знал заранее, о чем будет говорить учитель. Ведь учебник-то он вперед прочел, а учителя в гимназии объясняли точно по учебнику, «отсюда досюда».



Поэтому на уроках Яков скучал. А тут еще гимназическое начальство дозналось о

том, что он связан с революционерами, и всячески стало придираться к нему. Пришлось после пятого класса оставить гимназию.

Якову Михайловичу Свердлову еще не было семнадцати лет, когда за ним впервые закрылись двери тюремной камеры. Он был арестован за участие в демонстрации. С тех пор тюрьма стала его университетом. Попадая в тюрьму, он немедленно требовал, чтобы ему пересылали книги, и составлял план занятий.

До конца своей жизни сохранил Яков Михайлович это стремление непрестанно учиться, непрестанно совершенствоваться. Каждый вечер, как бы поздно ни кончал работу, как бы ни был утомителен день, Яков Михайлович два часа отдавал чтению. Без этого он не мог уснуть.

Именно благодаря своим большим знаниям Яков Михайлович смог стать «непревзойденным организатором всей советской власти», как писал о нем Ленин.

Серго Орджоникидзе

В грузинской деревне Гореша в церковно-приходской школе обучался грамоте и счету восьмилетний Серго. Школа ютилась в маленькой хибарке. В одной комнате занимались сразу два класса.

Шел обычный для церковно-приходской школы урок. С одним классом занимался учитель, с другим — священник. Учитель объяснял, как устроена земля, а священник заставлял повторять наизусть главы из священного писания.

Серго слушал одним ухом объяснения учителя, другим — то, что твердил священник, и никак не мог понять: кто же прав — учитель или поп? И как образовалась земля? В течение миллионов лет, как говорит учитель, или ее создал бог в 7 дней, как написано в священном писании?

Хотя этот вопрос мучил Серго, ответ он нашел только через несколько лет, когда поступил в железнодорожную школу. Там нашелся учитель, которого Серго полюбил, которого он осмелился спросить о мучившем его вопросе. Учитель объяснил Серго, что права наука и что попы только морочат народ.

В железнодорожной школе Серго проучился только год. У родителей не было денег, чтобы содержать мальчика. Пришлось ему вернуться в деревню. Только при помощи своего односельчанина, народного учителя Симона Орджоникидзе удалось Серго окончить двухклассное училище и поступить в фельдшерское.

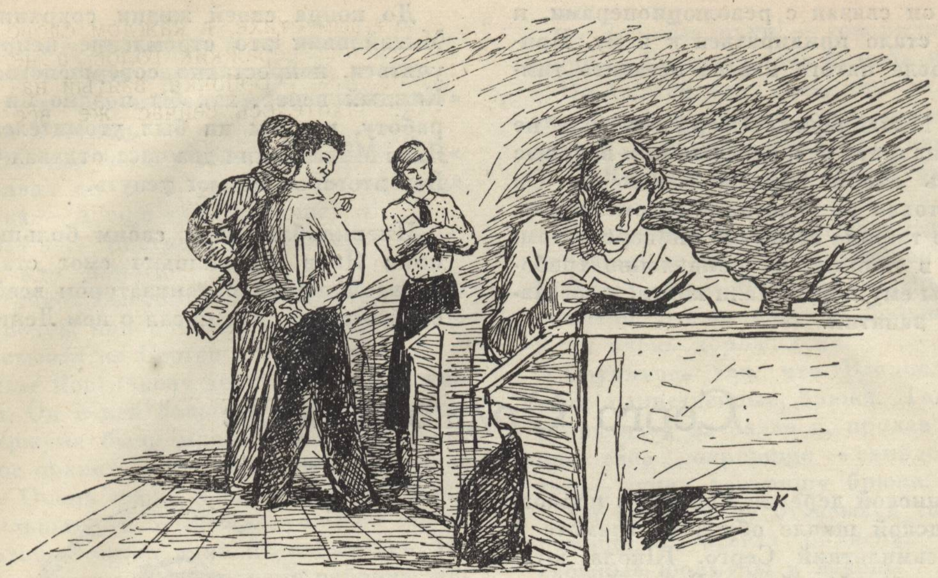
Тогда в Закавказье начинали свою революционную работу товарищ Сталин и его боевые друзья Цулукидзе и Кецховели. Повсюду возникали революционные кружки. Один такой кружок организовался и в фельдшерском училище. Деятельным членом этого кружка был шестнадцатилетний Серго.



Серго окончил фельдшерскую школу в бурном 1905 году. Окончил школу, но не кончил учиться. Товарищи вспоминают его всегда с книгой в руках. Он работал агитатором и пропагандистом в Батуми, и всегда была при нем книга товарища Сталина «Вскользь о партийных разногласиях». По ней он учился сам и учил других.

Прошло несколько лет, и Серго, испытанный революционер, снова за школьной партой. Недалеко от Парижа, в местечке Лонжюмо, Владимир Ильич организовал партийную школу. Серго — прилежный ученик этой школы. Со вниманием слушает он лекции Владимира Ильича, до поздней ночи засиживается за рекомендованными Ильичем книгами.

Доучиться в школе Серго не пришлось. Владимир Ильич послал его в Россию с ответственным заданием.



Победитель

Б. Шатилов *Рис. Ю. Коровина*

Глава первая

Сейчас, когда случилась эта нелепая история с Сережкой Зыбцевым, все трубят, что они будто бы ничего другого от него и не ждали, что он всегда был самоуверенным, заносчивым и даже глупым мальчишкой. Какая ерунда! Я не люблю Сережку, но не люблю и несправедливости. Он всегда был очень скромным, даже застенчивым парнем и уж в чем-чем, а в глупости-то его никак нельзя обвинить. Он очень умен. Я-то знаю!

Еще недавно он был моим самым близким другом. Сколько раз вечерами, после школы, после занятий в литературном кружке, мы бродили с ним по пустынным переулкам и выкладывали друг перед другом всю свою душу. Бывало, дождь, ветер, слякоть осенняя, а нам это все равно, бредем куда глаза глядят и говорим, говорим!

Как я любил его тогда! А теперь он мне неприятен.

И все-таки я не могу слышать спокойно, когда болтают про Сережку всякий вздор. И кто же?.. Бобочка Гард!.. Да тут и мертвый может взбеситься!

Бобочка этот — староста нашего литературного кружка. Сейчас он всем надоел, а когда-то слыл у нас чуть ли не самым талантливым поэтом. И только мы с Сережкой всегда считали его обезьяной, ловко перенявшей манеры Маяковского. Но Маяковский-то был огромного роста, и голос у него был, как труба, а Бобочка — маленький, пухленький, смазливый, как кукла.

Когда он выпискивает комариным голоском:

«Это я
Гремящей громадой
По морям проплыву,
Океанам!..» —

можно сдохнуть от смеха.

В стихах он больше всего ценит звучность:

— Как гремит!.. Каждое слово!

— Верно! — сказал ему раз Сережка с самым серьезным видом.— «Шумит, гремит конец Киева!» Только знаешь, в пустых стихах, как в пустом доме, все гремит, даже чох твой, и тот кажется выстрелом из пушки.

Он сказал это на кружке, при всех. Все засмеялись, а Бобочка зубами заскрипел и возненавидел Сережку.

Сережка всегда страшно небрежно относился к своим стихам, писал на каких-

то обрывках, на старых конвертах, часто терял их или засовывал в калошу, если калоша спадала с ноги. И всегда смеялся над Бобочкой, который бережет каждое свое слово для потомства. Отец у Боба — директор типографии, и он поставляет своему «вундеркинду» толстые тетради с прекрасной бумагой, с прекрасным переплетом, на переплете тиснение золотом: «Стихи Бориса Гард». И в эти-то тетради Бобочка чистенько, без помарок, красивеньким почерком вписывает свои стишки и под каждым непременно ставит год, месяц, день и даже час, в коий посетила его Муза. У него уже пропасть таких тетрадей, все они набиты стихами, и все стихи на одно лицо. Он плодовит, как кролик.

И вот этот-то «великий» человек теперь обвиняет Сережку в самоуверенности и глупости! А другие вторят ему: «Мы так и знали!.. И давно говорили!..»

Да ничего вы не знали и ничего не говорили! Говорить-то было нечего! Сережка до того был скромен, что его долгое время даже и не замечали ни в классе, ни в кружке. Он почти никогда не читал своих стихов да и о чужих стихах говорил очень редко и мало, чаще сидел, чертил на бумаге какие-то загогулины и слушал, что читают и говорят другие. Я был уверен одно время, что он вообще ничего не пишет, а на кружок ходит только потому, что ему дома делать нечего. И даже спросил его как-то, когда мы одевались внизу в раздевалке и он добродушно высмеивал одного несчастного рифмача:

— Да ты сам-то пишешь что-нибудь?

— Пишу, пишу! Чем я хуже других? Вот прочти, если хочешь.

Он сунул мне десяток помятых листочков и сконфузился:

— Только не сейчас... Дома прочтешь...

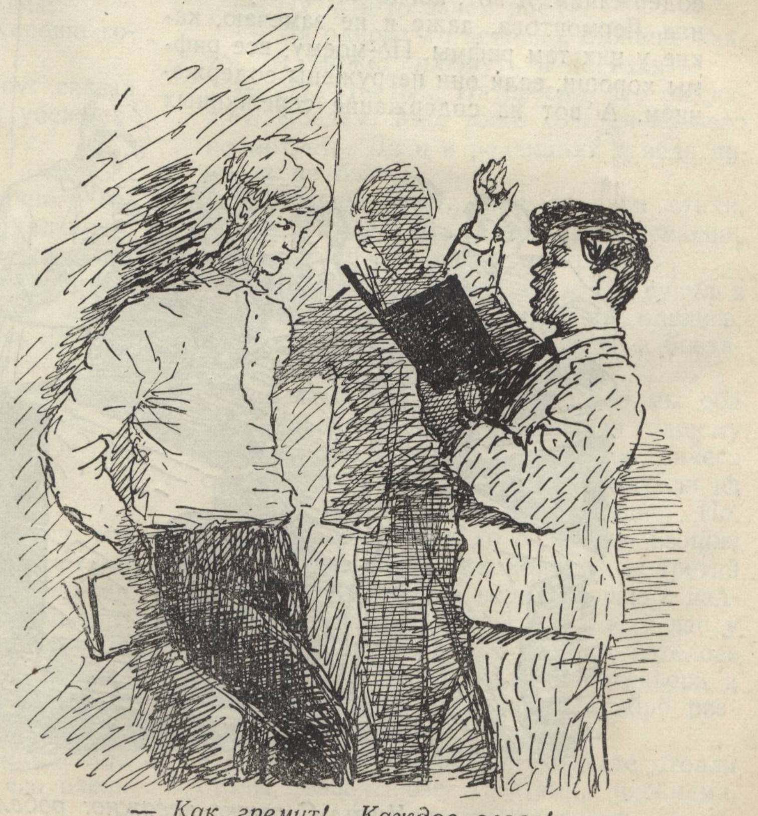
И сейчас же ушел один. Я не утерпел, подошел к окну и прочитал. Стихи поразили меня искренностью и каким-то размахом души, даже удалью, как будто это не мальчик писал, а, по крайней мере, юноша лет двадцати. И вот что удивительно: в каждом стихе, в каждом слове я слышал именно сережкин голос, а не чей-то чужой, как у Бобочки, взятый напрокат. Мне захотелось сейчас же все это высказать Сережке. Я выбежал на улицу, но его уже не было.

На другой день я нарочно пришел в школу пораньше, чтобы поговорить с Сережкой, но он пришел поздно, уже после звонка, и в класс вошел вместе с учителем. Я написал записку: «Стихи твои мне очень, очень понравились» — и послал ему. Он прочитал, покраснел и улыбнулся, но сейчас же сдвинул брови и написал мне: «Вот не думал, что понравится».

После урока я сказал, что ему непременно надо прочитать свои стихи на кружке. Бобочкина трескотня у всех уже в ушах навязла.

— Да ведь разругают!.. — сказал он, улыбнувшись своей удивительной улыбкой.— А впрочем, пусть ругают!.. Прочту.

И он читал, и его разругали в пух и прах. Меня это страшно возмутило! Возмутило то, что когда он читал — а читал он неважно: робел и конфузился,— но все-таки я видел по лицам, что стихи его



— Как гремит!.. Каждое слово!

нравятся, даже кое-кто говорил шопотком:

— Вот это хорошо!.. Хорошо!..

И когда Бобочка, как всегда, выступил первый и авторитетно заявил:

«— Стихи, конечно, плохие. Прежде всего, они не звучат. А что же это за стихи, если они не звучат? Во-вторых, рифмы примитивные, все больше глагольные: сидел — глядел...» Я не стерпел и крикнул:

— А у Пушкина? В «Домике в Коломне»:

«...Уж и так мы голы.
Отныне в рифмы буду брать глаголы.
Не стану их надменно браковать...»

А он, не смущаясь:

— Пушкин! Пушкин писал сто лет назад. А теперь уже мы не голы. Техника стихосложения шагнула далеко вперед. В-третьих, у Сережки масса погрешностей против ритма.

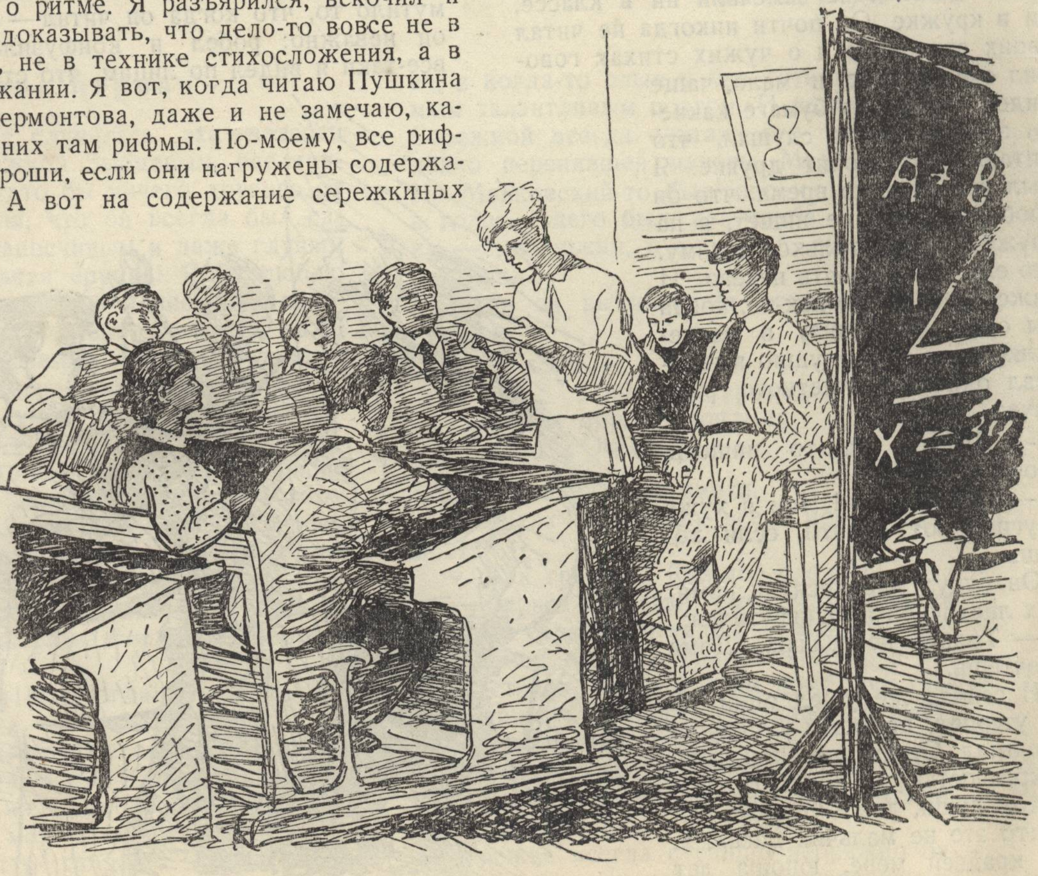
Словом, сел на своего конька и пошел, пошел. Вслед за ним и другие все о рифме да о ритме. Я разъярился, вскочил и начал доказывать, что дело-то вовсе не в рифме, не в технике стихосложения, а в содержании. Я вот, когда читаю Пушкина или Лермонтова, даже и не замечаю, какие у них там рифмы. По-моему, все рифмы хороши, если они нагружены содержанием. А вот на содержание сережкиных стихов как раз никто и внимания не обратил, никто и не заметил, что стихи эти написаны с большим вдохновением.

Тут уж на мой счет посыпались смешки да язвительные остроты.

— Проза тоже нагружена содержанием, а проза — все-таки не стихи,— пропищал Бобочка.

Я разозлился еще больше, начал объяснять, в чем состоит сущность поэзии, запутался и наговорил столько вздора! Я не владел собой, от волнения не мог ясно высказать свои мысли, сам чувствовал, что говорил вовсе не то, что хотел сказать, и это меня совсем уж сбило с толку. Да кроме того в чем состоит сущность поэзии,— все-таки дело темное, и говорить об этом труднее чем о составных или глагольных рифмах. Меня освистали, и защита моя только повредила Сережке.

Руководитель кружка — он же и преподаватель русской литературы — Алексей Васильевич слушал нас и улыбался. Он так смотрел на меня и на Сережку,



...Читал Сережка неважно: робел и конфузился...

что я был уверен: вот он встанет сейчас и распушит всех врагов наших. Он встал, заговорил мягко так и вдруг, к моему удивлению, оказался в полном согласии с Бобочкой. Прицепившись к тому, что я сказал, что стихи Сережки написаны с большим вдохновением, он прочитал нам целую лекцию о мастерстве и вдохновении.

— Современные поэты,— говорил он,— не признают вдохновения. Они трезво смотрят на свое ремесло, работают ежедневно и смеются над теми чудаками, которые в ожидании вдохновения бьют баклуши и ничего не делают. Вдохновение, если оно и существует, то приходит только к труженикам. Поэт прежде всего должен быть мастером, в совершенстве владеть языком, рифмой, ритмом стиха, а это дается только упорным трудом.

Он был в ударе, говорил хорошо, так что мы все разом захлопали в ладоши, когда он кончил говорить. Я был во всем с ним согласен.

И вот, посрамленные, вышли мы с Сережкой на улицу и побрели наугад из переулка в переулок. Ни мне, ни ему не хотелось идти домой. Шли молча. Потом я сказал про Алексея Васильевича:

— А все-таки он молодец! Хорошо говорил.

— Хорошо, да неверно,— вдруг сказал Сережка спокойно и с полной убежденностью.

— Как «неверно»?

— Да так... Мастерство, конечно,— великая вещь, но на нем тоже далеко-то не ускачешь. Мастер может построить корабль, но он никогда не надует паруса, сколько бы ни пыжился. Паруса надувает ветер. И пусть корабль хоть из слоновой кости сделан и самыми искусными мастерами, а что он без ветра? Мертвец. Вот так же и стихи без вдохновения.

Если бы это слышал Бобочка! Он не преминул бы съязвить:

— Где ты это вычитал?

Ну и пусть он вычитал! Мало ли что мы читаем, а запоминаем-то все-таки только то, о чем сами думаем. Пусть он взял эти сравнения напрокат, но мысли-то, я уверен, были его собственные. Он много думал и много читал, и меня всегда поражало: о чем бы я ни заговорил, он, оказывается, уже думал об этом и составил какое-то свое определенное мнение. Потому-то я и считаю его очень умным человеком.

И как это он при всем своем уме все-таки не удержался и сделался героем этой нелепой и глупой истории? Не понимаю!

Глава вторая

Началось это вот с чего. Как-то раз утром приходит ко мне Сережка. Я только что проснулся, сидел за столом и пил чай. Я глянул на Сережку и сейчас же понял, что он пришел неспроста, что он чем-то взволнован, что-то хочет сказать и не решается: мамы стесняется. Она сидела тут же за столом и штопала чулки.

Я увел его к себе в комнату. Он и там еще долго мялся, а потом вдруг сказал:

— Слушай, поедем со мной!..

— Куда?

— В редакцию одного журнала.

— Зачем?

— Да, видишь ли, я послал туда стихи. А сегодня утром вдруг получаю открытку, просят зайти. У них консультантом там...

Он назвал фамилию одного очень известного поэта.

— Вот он хочет со мной поговорить.

— Ну, а я-то зачем поеду?

— Да одному-то неловко, страшно както... А, может, плюнуть и не ездить?

— Ну, что ты!.. Интересно, что он скажет. Поедем! Мне тоже хочется на него посмотреть. Да и в редакциях я ведь никогда не бывал.

— Знаешь, что?.. Возьми свои стихи, покажешь ему. Ну, разругает, подумаешь, дело какое!.. А вдвоем нестрашно.

И вдруг нам стало весело. Я сунул в карман тетрадь со стихами, мы оделись, вышли на улицу, сели в автобус и поехали в редакцию.

Нам было весело потому, что мы оба не придавали никакого значения нашему первому путешествию в редакцию, ничего особого не ждали от него и смотрели на это, как на забавное приключение. Но, когда мы добрались до редакции, взошли по широкой лестнице с коврами на третий этаж и остановились перед дверью с надписью «Редакция журнала . . .», у нас у обоих ёкнуло сердце. Мне так хотелось пуститься по коридору прочь от двери и убежать домой, но Сережка храбро рванул дверь и вошел. Я за ним.

В большой накуренной комнате стояли столы, заваленные газетами, письмами, рисунками, рукописями, гранками, за сто-

лами какие-то люди. На диване, направо, у двери с надписью «Ответственный редактор», сидели в пальто, повидимому, пришлые люди — писатели — и мрачно курили. Какой-то балагур лет тридцати, плотный, румяный, стоял у стола, за которым сидела красивая дама, и весело о чем-то болтал по телефону.

Когда мы вошли, он как-то особенно весело взглянул на нас, положил трубку и вдруг, как маску надел, уставился странным подслеповатым взглядом и спросил совсем другим голосом, суетливо, отрывисто:

— Вы ко мне?.. Что?.. Стихи принесли?

Все захохотали. И только красивая дама рассердилась не на шутку:

— Да перестаньте вы, наконец!.. Как вы не понимаете...

Тут вдруг распахнулась редакторская дверь, на пороге появился солидный мужчина и, как бы передразнивая румяного балагура, уставился на нас подслеповатыми глазами и сказал:

— Вы ко мне?.. Что?.. Стихи принесли?..

Опять все засмеялись. И только балагур с самым серьезным видом подошел к нему и поздоровался с большим почтением:

— Как ваше здоровье?

— Здравствуйте, дорогой! Неважно... Идемте, идемте! Все, все! Как фамилия? Зыбцев? Валя, Валя (это он красивой даме), идемте! Вам это тоже интересно.

И вот мы всей гурьбой вошли в редакторский кабинет с диваном и тяжелыми креслами, обитыми кожей.

Поэт сел за редакторский стол, усадил нас рядом с собой и уткнулся носом в листочки с сережкиными стихами. Сережка был бледен, как подсудимый, ожидающий приговора сурового судьи.

Поэт читал про себя, а остальные смотрели на него в каком-то благоговейном молчании.

— Хорошо, хорошо! Талантливо! — вдруг сказал поэт, продолжая читать.

Сережка покраснел и, опустив голову, стал крутить кепку. Я был рад за Сережку. Наконец-то его оценили!

Я искоса смотрел на поэта с большим любопытством, и он мне нравился все больше и больше. Да, это не Бобочка, да и не Алексей Васильевич!

— Из какой вы школы? — спросил поэт, повернувшись к Сережке.— У вас есть литературный кружок?.. Кто у вас еще пишет? Гард?.. Борис Гард? Знаю... Он был у меня... Это уже испорченный мальчик...

Я чуть не бросился ему на шею от восторга. Вот если бы он руководил нашим кружком! Мы бы с Бобочки сразу сбили спесь! Потом он прочитал несколько стихотворений Сережки уже вслух. Голос у него был глухой, задушевный. И он с такой ясностью объяснил, что в них хорошо и что плохо! Замечания его были так умны, так неожиданны, что слушать его было одно удовольствие. Попутно он приводил множество примеров из русских, иностранных поэтов, которых он, повидимому, знал в совершенстве.

Я был покорен им, до того покорен, что у меня все в мозгу перевернулось. Когда я входил в этот кабинет, я твердо решил: ни за что не покажу ему свои стихи. А тут вся робость с меня соскочила. Мне так захотелось узнать, что он скажет о моих стихах, что я сам вытащил из кармана тетрадь и попросил его прочитать и сказать, хорошо это или плохо.

Он прочитал, но уже с меньшим как будто удовольствием чем сережкины стихи, но все-таки хвалил их, разобрал так же внимательно и для чего-то оставил у себя и мои стихи и сережкины.

Потом встал, пожал нам дружески руки, и мы вышли. Уходя, мы слышали, как он сказал тихо и как бы с умилением:

— Какие талантливые ребята!

Мы выскочили в коридор и чуть не пустились в пляс от радости.

— Какой человек!..

— Да замечательный!—подтвердил Сережка.

Тут мы глянули на часы и отрезвились. Через час нам надо было быть уже в школе на уроке, а мы заехали за тридевять земель. Бегом сбежали по лестнице на улицу, вскочили в автобус и поехали молча, в раздумье.

Вдруг Сережка спросил:

— Слушай, а зачем он весь этот народ собрал? А?.. Вот чудак-то!

«Да, в самом деле? — подумал я.— Странно...»

Глава третья

Похвалы поэта нисколько не переменили Сережку. Это вздор, будто бы он именно с этого дня поглупел, вообразил себя гением и стал совершенно неснос-

ным. Нет, он остался все тем же Сережкой. Правда, в тот день он был очень возбужден и сильно донимал Бобочку.

— Боб, Боб! — говорил он.— Мы, знаешь, с кем сейчас познакомились? С поэтом С... Он тебе кланяется. И знаешь, что он сказал про твои стихи? «Как они звучат! Как сотни фанфар, как сотни барабанов! И все это сразу в ухо! Я,—говорит,— чуть не оглох! Спасибо, уши заткнул».

Бобочка разъярился, но в драку не полез. Он и в ярости не теряет благоразумия: Сережка-то — великан перед ним. Он с величественным презрением обругал Сережку и ретировался куда-то.

На другой день возбуждение с Сережки слетело, и он стал прежним Сережкой, как будто ничего и не случилось. Вскоре он увлекся историей, запоем читал исторические романы, историю Соловьева и как-то сказал мне, что хочет сам написать большую поэму о Суворове.

Через месяц после того пришел я както в класс, сел за парту. Все уже были в сборе. Вдруг вбегает Таня Жихарева, возбужденная, глаза горят, размахивает журналом и кричит:

— Сережка!.. Сережка!.. Где Сережка?

— Не пришел еще... А что такое?

— Смотрите! Сережкины стихи напечатаны!..

Мы с грохотом вскочили из-за парт — и к Тане.

«А мои?..» — чуть не вырвалось у меня.

Но моих стихов не было. Мне это было так досадно, что я всю свою злость тут же сорвал на Бобочке.

— Стишки-то дрянь,— сказал он.— Зачем их напечатали? Мы же их разругали тогда на кружке.

Это и в самом деле были те самые стихи, какие так лихо разругал Бобочка, а за ним и все ребята за примитивные рифмы и за то, что они не звучат.

— И вообще не знаю... Почему это редакция думает, что нам интересно читать стихи, состряпанные нашими товарищами? Почему детские стихи должны нравиться детям? Этот вопрос надо поставить на кружке.

— Ставь! — крикнул я со злостью.— А если бы твои стихи напечатали, ты тоже поставил бы?

Сережка так и не пришел, но он был настоящим героем этого дня. Журнал со стихами переходил из рук в руки, о нем



— Смотрите! Сережкины стихи напечатаны!..

говорили, многие меняли свое прежнее мнение о стихах и открыто заявляли:

— А все-таки это здорово написано!

А Сережка сидел дома, ничего и не подозревал, может быть. Глупая моя досада скоро прошла совершенно, и мне уже не терпелось побежать к Сережке и ошеломить его потрясающей новостью. Как только кончились уроки, я забежал домой, наскоро пообедал и побежал к Сережке.

Дверь мне открыл Валька, младший братишка Сережки. Смешной мальчуган, курносый и какой-то страшно серьезный. Кто-то в шутку назвал его за эту серьезность «председателем колхоза», и прозвище это так за ним и осталось.

— Здравствуй, председатель! Сережка дома?

— Дома...— ответил он хмуро.— Он ногу сломал.

— Да что ты?.. Как же это так?

— На коньках вчера... Лежит и ругается с мамой, что стихи напечатали...

— Да, мама-то при чем?

— Не знаю... А он все ругается.

«Что за чушь?» — подумал я. Вошел в комнату, в комнате полумрак. Смотрю: навстречу мне мать Сережки, вся в си-

янье. Она простая, удивительно кроткая, добрая женщина. Муж у нее умер лет пять назад, и она осталась одна с двумя детьми, служит не то в сберкассе, не то еще где-то. Живется им нелегко. Детей своих она обожает, особенно Сережку. В них вся ее жизнь.

— А Сереженька-то... Стихи напечатал!.. — сказала она с таким умилением.

— Да брось ты, мам! — вдруг грубо и зло крикнул Сережка откуда-то из полумрака с кровати.— Вот расхвасталась!

— Ну, не буду, не буду!

— Да что это на самом деле! И в коридоре и в кухне всем докладывает... Это невыносимо!.. И прошу тебя, никому не говори больше об этом.

— Не буду, не буду, Сереженька.

Она зажгла свет и, как-то виновато улыбаясь, ушла на кухню с чайником кипятить чай. Мне жалко ее стало.

Сережка лежал в углу на кровати с забинтованной ногой и щурился от яркого света электрической лампы, висевшей у него над головой. Я чувствовал себя крайне неловко и не знал, что сказать. Что же говорить-то, когда он все уже знает? Поздравить, высказать всю свою радость? Но он уже так грубо одернул родную мать? Мне-то чего же лезть?

— Что у тебя с ногой? — спросил я, чтоб с чего-нибудь начать разговор.

— Да вывихнул вчера на катке... Распухла, проклятая! Теперь неделю проваляешься.

За спиной у него, у стены, я заметил тетрадь и в ней карандаш... «Писал, должно быть»,— подумал я и спросил:

— Ну, а как твой Суворов? Пишешь?

Он быстро глянул на Вальку (Валька сидел у окна на полу и стругал рубанком полено) и замотал головой:

— Не надо при них.

Ему не хотелось говорить о стихах при братишке и матери. Это я понимаю. Я сам никогда бы не признался ни отцу, ни матери, что пишу стихи. А почему? Не знаю. Странная и непонятная это какая-то стыдливость!

Мать сережкина принесла кипящий чайник, напоила нас чаем. Сережка почти все время молчал и хмурился. Но вот «председатель» завалился спать на сундук и скоро заснул, мать ушла куда-то к соседям, чтоб не мешать нам. Мы остались одни. Сережка разговорился.

— Как это глупо! — вдруг сказал он.— Мама меня так раздражает!.. А я ведь ее очень люблю! Ты не думай... Это удивительный человек! Она для нас из последних сил выбивается. Здоровье у нее скверное, а она и виду не показывает. И мне так хочется помочь ей!.. На службу, что ли, поступить? Или написать бы книгу, настоящую, чтоб все говорили!.. Да нет, она умрет от счастья... А вот как начнет она хвастаться: «Сереженька-то...» — я не могу, все кишки переворачиваются, и я начинаю грубить ей, как самый последний хам. Мне это так неприятно и жалко ее! Ну, да ладно... А что у нас в обезьяннике?

Я рассказал ему, как вбежала Таня Жихарева с воплем: «Сережка! Сережка!» — как вознегодовал Бобочка. Сережка смеялся. Мы поговорили еще о том да о сем, и я ушел домой.

Глава четвертая

Пока он был болен, я навещал его каждый день. Как-то раз вечером прихожу к нему. Он уже выздоравливал, мог ходить по комнате, хотя и прихрамывал. Он сидел один за столом и с веселым видом читал газету.

— Смотри-ка, что этот поэт про нас накострячил? Целый подвал! Вот садись и читай.

Я взял газету и стал читать:

«Юные таланты

В редакцию пришли два школьника, С. З. и А. Н., скромные, застенчивые. Оба поэты».

Я уже не помню теперь всей этой статьи. Помню, что поэт с восхищением писал о том, что советские ребята — чрезвычайно талантливые ребята, и в доказательство приводил цитаты из моих, но больше из сережкиных стихов, что в стихах С. З. уже чувствуется какая-то зрелость, жизнерадостность и этим они очень похожи на стихи юного Пушкина. С. З.— мальчик с большим дарованием, которое, несомненно, разовьется и окрепнет, этот С. З.— организатор и вдохновитель лучшего в Москве школьного литературного кружка. В кружке кипит жизнь, там идут споры, настоящие литературные бои, чем не могут похвастаться литературные кружки других школ.

В конце статьи поэт с благородным негодованием обрушился на бездушие, на ту рутину, какая царит в школьных кружках, и рекомендовал для оживления ор-

ганизовать обмен опытом. Например можно было бы попросить того же С. З. придти в школу, в которой литкружок влачит жалкое существование, и рассказать товарищам, как работает у них кружок, наконец, прочитать свои стихотворения. Это, несомненно, оживило бы работу кружков.

— Вот наврал! — сказал Сережка, когда я кончил читать.— Никогда я не был ни организатором, ни душой литературного кружка. И не хочу я присваивать себе лавры Бобочки. Прямо хоть пиши опровержение! Бобочка съест меня теперь!

— Ну, это-то он мог перепутать. А вот это, по-моему, правильно. Нам надо бы организовать обмен опытом. Это оживило бы кружки.

— Конечно, конечно,— согласился Сережка.

Как раз в это время в коридоре затрещал звонок, потом прошлепали старушечьи туфли, кто-то приоткрыл дверь и сказал скрипучим, старушечьим голосом:

— Сережа, тебя... к телефону.

Сережка на одной ноге, как воробей, ускакал в коридор, оставив дверь открытой настежь.

— Да, слушаю... Кто, кто?.. Из 213-й школы?.. Да я болен, ногу вывихнул... Что? На автомобиле?.. Ну, что ж... Адрес: Арбат, Трубниковский переулок... Это на третьем этаже... Через четверть часа?.. Хорошо! До свиданья!

Он вернулся из коридора красный и как бы совершенно ошеломленный:

— Вот, понимаешь... Просят приехать... У них литературный вечер нынче в школе... Настоящие писатели выступают... Я не хотел... Куда я с ногой-то? А она говорит: «Мы все равно за писателем машину посылаем, заедет за тобой...» Фу, чорт! Наговорю я там семь бочек арестантов... Вот дурак! Надо было отказаться...

Он запрыгал по комнате, достал чистую рубашку, костюм, отцовский галстук и стал быстро одеваться, поглядывая на стенные часы. Руки у него дрожали, он волновался. Вот он подошел к зеркалу, повязал галстук, надел пиджак. Я его не видал еще в таком параде, и мне показалось, что он сразу вырос и стал каким-то совсем другим Сережкой.

Едва он успел одеться, как под окном послышались автомобильные гудки.

— Пойдем! Пойдем!..

Сережка заторопился. Забыл про ногу, наступил неосторожно и закряхтел от боли. Я взял его под руку и свел по лестнице вниз на улицу. В автомобиле сидел уже кто-то в серой шляпе и в сером пальто. Должно быть, писатель.

— Ну, скорей! Скорей! — крикнул он строгим голосом.

Сережка засуетился, неуклюже всунулся в машину. Шофер захлопнул дверцу, и автомобиль покатил по переулку. Я посмотрел вслед и побрел домой. Мне вдруг живо вспомнились те вечера — давно это было, в раннем детстве,— когда старшую сестру мою возили в театр, а я оставался дома с завязанным горлом. Я плакал тогда, а бабушка совала мне в руки карты и уговаривала добрым старушечьим голосом:

— Ну, давай, давай домик построим...

Я расшвыривал карты, а потом унимался и, засыпая в тишине, мечтал: поскорее, поскорее бы вырасти, сделаться взрослым! Я бы ездил в театр, а сестра, чтоб дома сидела...

Как когда-то к сестре, так теперь и к Сережке у меня впервые зародилось недоброе чувство. «Да, наши дороги расходятся»,— подумал я. И так мне грустно вдруг стало!

Глава пятая

Наутро Сережка пришел в школу. Я встретил его в коридоре и поймал себя на том, что мне совсем не хочется с ним встречаться, что в наши отношения вкралась какая-то фальшь и мне надо будет сейчас что-то скрывать, притворяться. Я хотел пройти мимо, как бы не заметив его, но он схватил меня за рукав:

— Стой!.. Куда ты?.. Ну, и потеха, брат, вчера была!

Он сказал это так просто, с открытой душой, что с меня сразу слетела эта боязнь фальши.

— А что такое?

— Да я всунулся в автомобиль и, как на ежа, наскочил на этого писателя. Ох и колючий он! Знаешь, кто это был?

Он назвал фамилию одного замечательного писателя, книги которого мы очень любили с Сережкой.

— Влез я, а он строго так, как будто отец мне или начальник какой:

«— Что это у тебя с ногой?»

«— Вывихнул»,— говорю.

«— Ну и сидел бы дома, чего же едешь?»

— Я еще не знал, кто он, думал: так старичок, пишет детке про синичку в клетке,— обозлился и говорю:

«— Еду так же, как и вы, выступать, стихи свои читать».

А он — такая язва:

«— А-а, так ты поэ-эт! И печатаешься и выступаешь без малого в шестнадцать лет!»

«— Да при чем тут возраст?»

«— А при том,—говорит,—что в шестнадцать лет мы можем рассказать только то, что всем давным-давно известно».

«— Ну это как «рассказать»! — говорю.— Все дело в таланте».

Он аж подпрыгнул:

«— В таланте!.. А что такое талант? Ты думаешь, если пошляк и дурак талантливо выложит в стихах всю свою глупость, получится поэзия? Глупость в золото оправь, все равно останется глупостью! Поэт — вовсе не тот, кто умеет красно говорить или звучными стихами пересказывать анекдоты или то, что вычитал в газете. Надо свой ум иметь, и жизнь надо знать, а жизнь — не арифметика, ее, сидя за партой, не выучишь».

«— А Пушкин! — говорю.— Он с пятнадцати лет начал печататься».

«— Пушкин!.. А ты вот подсчитай, сколько миллионов людей рождалось и умерло за время существования России, а Пушкин-то был один. Да и он в двадцать лет написал «Руслана и Людмилу», а «Медного всадника» — только в тридцать четыре года. Вглядись в Пушкина-то и увидишь, что поэзия не в красивых словах, не в пышных сравнениях, не во всей этой пошлой литературщине, а в мыслях, в чувствах. У кого другого было столько ума и силы, чтобы одному своротить такую махину, сделать с нашей литературой то, что сделал Пушкин? Кто так умел любить друзей? Кто так ненавидел подлецов и не боялся прямо сказать подлецу, что он подлец? Он и сейчас — открой стихи — так и обжигает жаром души: то гневом, то радостью, то тоской, то грустью! И у Пушкина-то никогда не кружилась голова от славы, он работал, как каторжник, а другой, глядишь, взлетел орлом, а сел мокрой курицей».

Тут мы приехали. Он взял меня под руку, помог подняться по лестнице и все ругал:

«— Лежать надо, а ты...»

Чудак! Но он хороший человек. И знаешь, он такой рассказ прочитал! Я просто влюбился в него, и мне уж стыдно стало, что я так глупо с ним спорил дорогой. Потом я должен был выступать. Он подошел ко мне и так, по-товарищески:

«— Ну, дрожит хвост? А ты слюни-то не распускай, говори дело, да покороче».

Я вышел на эстраду — ребят было много, полный зал,— рассказал про наш кружок и прочитал два стихотворения. И, знаешь, понравились, так хлопали... Пойдем! — вдруг спохватился он.— Урок уж начался.

И, в самом деле, мы уже одни были в пустом коридоре. Вошли в класс, я — впереди, Сережка — за мной. Учитель уже сидел за столом. Все ребята смотрели на Сережку с веселым любопытством. Я сел за парту со странным чувством.

После уроков я хотел уйти домой один, без Сережки, но у него опять разболелась нога, он взял меня под руку и попросил проводить домой. Мы оделись и вышли. Он еле ступал, временами останавливался, поджимал ногу и морщился от боли.

— Фу, чорт! Видно, рано встал с постели... А знаешь,— вдруг сказал он,— я все думаю о том, что говорил мне вчера этот писатель. Неверно он говорил. Поэт будто бы — тот, у кого есть мысли и чувства. А у кого их нет? Вот Белинский, Чернышевский, например, какие мысли-то высказывали! И что они, не любили, что ли, и не ненавидели? А поэтами все-таки не были. Значит, дело не в мыслях и в чувствах, а в чем-то другом.

— В чем же? В даре божьем? — спросил я насмешливо.

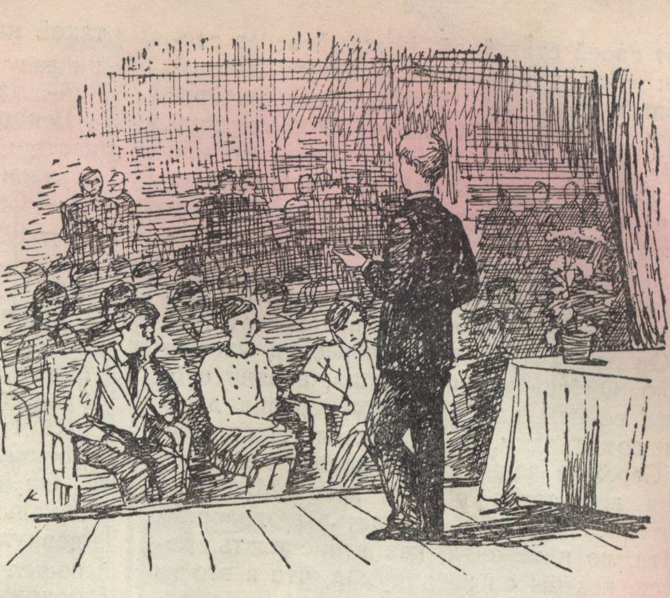
— Нет, это-то глупость! А в какой-то особой способности. Ну, словом, все дело в таланте. Есть талант,— значит, ты поэт, а нет, сколько бы ты ни мыслил и ни чувствовал и проживи ты не шестнадцать, а хоть сто шестьдесят лет,— все равно стихов не напишешь... Жалко, я не сказал ему это вчера. Интересно, что бы он ответил?

Я проводил Сережку до дома, а к нему не зашел, хоть он и звал меня:

— Пообедаем, а потом я тебе прочитаю начало поэмы о Суворове.

Я отказался под каким-то предлогом и ушел домой. Шел и думал: «Почему мне так тяжело с ним? Ведь не зависть же грызет меня? И что случилось? Поехал

в школу, сделал доклад, прочитал стихи. Подумаешь, дело какое! И он все тот же, у него нет и тени высокомерия, заносчивости». И все-таки я всем сердцем чувствовал, что пути наши разошлись, что теперь он уже не может быть прежним Сережкой, по крайней мере, для меня. Я уже не могу к нему относиться, как прежде. А почему? Этого-то я и не понимал.



«Я вышел на эстраду, рассказал про наш кружок и прочитал два стихотворения».

Глава шестая

Нога у Сережки, видимо, разболелась, и он не был в школе дней десять. Я не звонил и не заходил к нему. Вероятно, и ему не хотелось меня видеть, потому что и он не звонил мне.

Какое-то недоброе чувство к нему у меня все росло и росло, а вместе с тем без него как-то пусто было у меня на душе. Я привык к нему, привык к задушевным беседам с ним, и мне так его не хватало!

Как-то раз в школе Таня Жихарева спросила меня с беспокойством:

— Слушай, что такое с Сережкой?

— А я не знаю. Должно быть, нога болит.

— Как!.. Разве ты у него не бываешь?.. Ну, уж это — безобразие! Я думала, ты каждый день к нему заходишь.

Мне стыдно стало. В самом деле, какая же я свинья! Человек болен...

— Зайду, зайду, сегодня же зайду.

— Эх, ты, друг!..— упрекнула меня Таня, повернулась и ушла.

Таня эта — удивительно добрая девочка, вечная защитница всех униженных и оскорбленных. Я ее очень люблю.

Когда я шел к Сережке, меня все время грызла совесть. Я вспоминал до мельчайших мелочей все, что было за последнее время, и решительно ни в чем не мог упрекнуть Сережку. И что это взбрело мне в голову, будто между нами пала какая-то тень? Какая глупость! Если уж кто и переменился, так скорее я к нему, а не он ко мне.

Вот в таком покаянном настроении я пришел к Сережке. Он, к моему удивлению, был совершенно здоров, но какой-то возбужденный. Мне так и бросилась в глаза какая-то странная перемена во всем его облике. Это уже был не Сережка, а совсем, совсем другой человек! Меня это поразило. Ведь прошло всего десять дней — и такая перемена! Впрочем, чего же удивляться? Говорят, люди седеют и совершенно перерождаются в одну ночь.

Он встретил меня приветливо и как бы покровительственно, но, может быть, это мне показалось.

— А-а! Здравствуй!.. А я все пишу... С утра до ночи и даже ночью вскакиваю и записываю... Вот, Алексей Васильевич, помнишь, говорил: вдохновенье — это чепуха. Врет он! Вдохновенье — это такая силища! Прямо не знаешь, откуда что и берется. Как будто не ты это пишешь, а кто-то диктует тебе, а ты только записываешь. Строчишь день и ночь — и никакой усталости. Наоборот, чувствуешь такой подъем, как будто у тебя крылья растут за спиной. И какой ерундой тогда кажутся все эти алгебры, геометрии, химии, мумии и антимонии! Я, откровенно говоря, просто боялся ходить в школу, как бы не перебилось вдохновение. Вот смотри, сколько я накострячил.

Он показал мне целую кипу разношерстных листков, сплошь исписанных неровным, размашистым почерком.

— Не знаю, может быть, это и ерунда все, но пока мне нравится. И это, конечно, куда лучше того, что я раньше писал. То все дрянь!.. Только вот донимают завшколами... Наделал мне хлопот этот

поэт своей статейкой. Каждый вечер звонок: «Вот у нас плохо работает литературный кружок... Не сможешь ли приехать к нам?..» Да мне-то, в конце концов, какое дело?! Что они, сами, что ли, не могут наладить работу? Нашли мага и чародея! Я, понимаешь, нарочно держусь теперь таким нахалом! «Хорошо,— говорю,— приеду, только машину пришлите, по трамваям не стану трепаться: нога болит». И, знаешь, присылают!..

Он захохотал как-то чересчур уж весело. Он говорил и говорил, нервно ерошил волосы или бестолку теребил листки со стихами. А я молчал. Неприязнь к Сережке все росла и росла, вся душа моя восставала против него. Мне так хотелось встать, оборвать разговор и уйти, но я не знал, как это сделать. Боялся, как бы он не подумал, что я это из зависти.

— Да, я и забыл тебе сказать самое главное,— продолжал он.— Помнишь, когда мы бродили с тобой по улицам и нам то и дело встречался этот человечек в шляпе, белобрысый, смешной такой? Мы еще думали: наверное, он из деревни и пишет стихи под Есенина. Помнишь?.. Ну вот, мы угадали. Я недавно познакомился с ним тут в одном доме. Он печатается под псевдонимом Андрей Мятежный, а настоящая его фамилия — Похлебкин. И, знаешь, он совсем не глупый малый! У него есть хорошие стихи! Ему двадцать два года, а он уж женат, и ребенок есть. Не знаю, уж почему, но он вдруг почувствовал ко мне симпатию, взял у меня отрывок из «Суворова», а сегодня утром звонит:

«Я,— говорит,— твои стихи пристроил не в детский, а во взрослый журнал. Журналишка,— говорит,— неважный, но Чехов правильно говорил: «Не все ли равно птице, на какой ветке петь, лишь бы петь». Дней через десять пойдем вместе за гонораром...» Это так кстати! Мама купила Вальке ботинки, пальтишко, и сейчас у нее ни копейки. Вот она обрадуется-то! Только ты, пожалуйста, не думай, что я хвастаюсь. Я это говорю тебе, как другу. У меня, понимаешь, одна мечта теперь — зарабатывать деньги, чтоб мама не служила, а сидела бы дома и отдыхала. Она так устала, бедняжка! И, понимаешь, именно для нее мне так хотелось бы сделаться настоящим поэтом, напечатать книгу стихов с посвящением маме. Но это все мечты пока... А ты что такой кислый? Я болтаю, а ты и языком ни разу не ворохнул.

— Да так, рассказывать-то нечего.

В коридоре зазвонил телефон. Сережка насторожился. Через минуту в дверь постучали:

— Сережа, тебя!..

— Фу, чорт!.. Опять из какой-нибудь школы... Вот, послушай, как я нахальничаю.

Он подмигнул мне и вышел.

— Да, у телефона... Нет, не могу, нога болит... Что? Так вы уж сами как-нибудь там... Ну, ладно, пришлите машину... Не можете?.. А почему же другие могут?..

Он и в самом деле говорил это таким нахальным тоном, что меня всего передернуло. Мне показалось, что он уже вошел во вкус, и это уж вовсе не было похоже на шутку. Я встал, быстро оделся, вышел в коридор и сказал Сережке:

— Я ухожу! Прощай!

Он прикрыл ладонью трубку и тихо:

— Подожди, подожди, сейчас кончу.

— Нет, ухожу,— сказал я с твердостью, какой даже и не подозревал в себе, и ушел, дав в душе клятву больше никогда к нему не приходить. Он мне был противен до крайности.

Глава седьмая

Наутро я пришел в школу в таком раздражении! Когда Таня Жихарева спросила у меня при Бобочке Гард: «Ну, как Сережка?» — я даже не счел нужным скрывать свои чувства и рассказал все, приправив рассказ злыми насмешками Бобочка возликовал, и, признаюсь откровенно, мне это не было противно. Бобочка мне был даже приятен, и я не возмущался, когда он пересказывал мой рассказ всему классу, издеваясь над Сережкой. Может быть, это и подло было с моей стороны, но это было так.

А Таня Жихарева по доброте своей не поверила мне:

— Не может быть! Ты что-то преувеличиваешь...

Я не стал убеждать и перестал разговаривать.

Я был очень рад, что Сережка опять не пришел в этот день в школу, мне тяжело было бы с ним встретиться.

«Но когда-нибудь-то мы же встретимся,— думал я.— И что же будет? Неуже-



— ...Ну, ладно, пришлите машину...

ли надо притворяться и фальшивить? Нет, не хочу! Скажу прямо».

И вот вечером дома я написал Сережке письмо, в котором высказал все, что думал о нем, и кончил так: «Я и не подозревал, что ты можешь оказаться таким ничтожеством. Наши пути разошлись. Я не могу считать тебя своим другом. Между нами все кончено, и нам уже незачем больше встречаться».

Письмо резкое, оскорбительное для Сережки. Когда я перечитал его перед тем, как вложить в конверт и заклеить, я чуть не заплакал. И это я, я пишу Сережке!.. Я сам порываю с другом, которого так любил!..

Но я пересилил себя и письмо отправил. Потом сентиментальность прошла, я вспомнил, как он разговаривал последний раз по телефону, и опять все во мне закипело. Я взял перо и написал эпиграмму с эпиграфом из статьи поэта «Юные таланты»:

«В стихах С. З. уже чувствуется какая-то зрелость и жизнерадостность, и этим они очень похожи на стихи юного Пушкина».

«Есть сходство! Есть! И вот какое:
С. З. на Пушкина похож,
Как детский перочинный нож
На саблю грозную героя!»

Эпиграмму эту я пустил в школе по рукам. Бобочка был в восторге от нее:

— Как это остро! Как метко!.. И как звучит: «На саблю грозную героя!» Замечательно!

Да я и сам был доволен своей эпиграммой.

И вот однажды в классе появился Сережка. Он, видимо, сразу же почувствовал, что между ним и классом уже образовалась если и не пропасть, то здоровенный овраг, насторожился и принял вид бойцового петуха. На меня он даже и не глянул, чему я был очень рад.

Кто-то, кажется, тот же Бобочка, вручил ему мою эпиграмму. Он прочитал, вспыхнул, порывисто схватил карандаш и начал строчить на клочке бумаги, вероятно, ответную эпиграмму. Но этот род стихотворства не в его духе. Он не умел писать эпиграмм. И тут он что-то писал, писал, потом вдруг разорвал и бросил под парту.

Над Сережкой все подсмеивались, кроме Тани, конечно. Она как-то странно смотрела на Сережку. Я даже думал, что она вот-вот крикнет: «Какие дураки!» — и разревется. А Сережка, надо отдать ему справедливость, держался молодцом. Он сидел за партой, читал книгу и делал вид, что ничего не видит и не слышит. Но это внешнее спокойствие стоило ему огромных усилий. Я это понял, когда подошла к нему Таня и спросила удивительно ласковым голосом:

— Что это ты читаешь, Сережа?

Он не выдержал, так и вскинулся на нее:

— Да тебе-то какое дело! Что бы ни читал...

Бедная Таня так и шарахнулась от него и страшно огорчилась.

Я уже не удивился на следующий день, когда увидел во время урока, что сережкино место за партой пусто. Но он все-таки появлялся время от времени: видимо, мать не хотел огорчать,— а потом вдруг исчез совершенно, бросил школу «по собственному желанию», как объявил нам классный руководитель.

Вот тут-то и пошли разговоры, будто бы этого и надо было ожидать, что Сережка будто бы всегда был самоуверенным, глупым и т. д. Не буду повторять этот вздор.

. . . .

Вот уже три месяца, как я не видел Сережку, впрочем видел раз на улице издали (он шел со своим новым другом Андреем Мятежным и о чем-то весело разговаривал с ним), а больше я его не видел и ничего не слышал о нем.

Время притупило мое недоброе чувство к нему, и мне сейчас только жалко Сережку. Все-таки он хороший был парень! А что с ним будет теперь?.. Куда кривая его вывезет?.. Как-то страшно за него...

Глава восьмая

Вот уже никак не думал, что у этой печальной истории будет еще продолжение и конец, совершенно для меня неожиданный. А я-то уж написал было под вышеизложенным жирными буквами «конец» и хотел даже, по примеру Бобочки, маленькими буковками начертать год, месяц, день и час, в коий закончил свое творение. Может быть, я это и сделал бы, если бы это и в самом деле было мое творение. Но эту историю сочинила жизнь, а я, как летописец, только записываю все, как было, без всяких прикрас.

В школе у нас скоро забыли про Сережку. И вдруг как-то раз, не помню уже кто из ребят, притаскивает в класс газету и показывает:

— Вот, должно быть, опять про Сережку...

Я выхватил газету и стал читать. Писал тот же поэт, у которого мы были когда-то с Сережкой.

«В редакцию пришел шестнадцатилетний С. З. Еще полгода назад это был скромный, застенчивый школьник с поэтическим дарованием, а теперь?.. А теперь он уже не школьник, он бросил учиться, возомнил себя профессиональным поэтом, ходит по редакциям с заносчивым видом непризнанного гения, где-то уже выступает на каких-то литературных вечерах и получает гонорар за свои выступления...»

К сожалению, у меня и эта статья не сохранилась, и я не могу ее привести дословно. Помню, жестоко разбранив Сережку, поэт так же жестоко обрушился на тех педагогов, бездушных людей в футлярах, которые с помощью Сережки «оживляли» школьные литературные кружки и даже посылали за ним автомобили. Вот эти в футлярах-то и погубили Сережку, скромного отрока превратили в наглеца. Что-то в этом роде.

Я возмутился и закричал на весь класс:

— Да ведь он же сам, этот писака, советовал организоват обмен опытом, пригласить, например С. З.!..

— Да он и пишет об этом,— сказал Бобочка.— Ты, значит, плохо прочитал. Вот смотри: «Можно извратить всякую разумную мысль, и самые прекрасные идеи в мозгах нечутких, бездушных людей превращаются в глупость».

— А-а... Это он себя выгораживает!— сказал я со злостью.

И вот я представил себе, что творится с Сережкой, с его матерью, если эта газета попала им в руки. Какой ужас! Мне страшно хотелось пойти к Сережке и что-то сделать для него, но я не пошел, потому что не знал, что сделать. Да и боялся: ведь он вправе был выгнать меня после письма-то моего.

А вечером вторая неожиданность. Я сидел дома один. Родители ушли куда-то. Вдруг звонок. Открываю дверь. Входит незнакомый человек небольшого роста, седой, в сером пальто, в серой шляпе.

— Здравствуй, молодой человек. Батька дома?

— Нет,— говорю,— но он скоро придет.

Он разделся и в скромной курточке стал совсем какой-то домашний. Вошел в столовую, сел за стол так, как будто он у нас уже сто раз бывал.

— Это кто яхту делал? — вдруг спросил он, увидев на письменном столе, в углу, модель яхты, которую я сам смастерил, когда мне было лет двенадцать; он надел пенснэ, осмотрел ее острым взглядом и сказал: — Эка напутал! Калоша с парусом, а не яхта. Дай-ка карандаш.

И он сразу нарисовал яхту со всеми деталями и стал объяснять, что и почему в ней так сделано.

И тут я вдруг вспомнил, что я где-то уже видел этого человека, и этот нос с горбинкой, и усы, и взгляд колючий, острый. А главное, голос страшно знакомый. Фу, чорт! Да ведь это же тот самый писатель!.. Это он тогда сидел в автомобиле и крикнул Сережке:

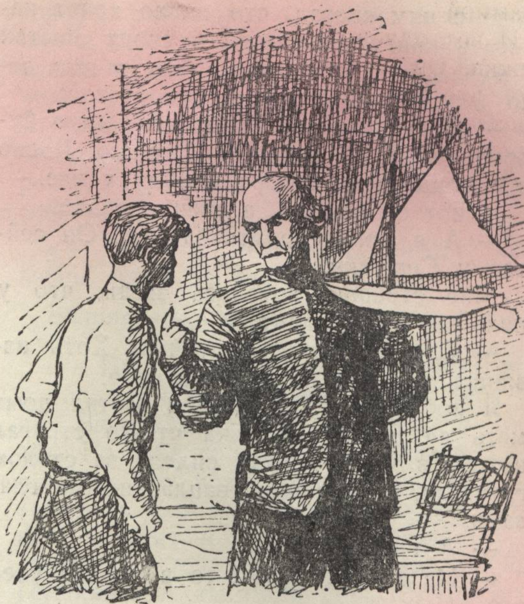
«— Скорее, скорее!»

— Вы писатель такой-то?— спросил я.

— А ты откуда меня знаешь?

Я рассказал ему, как и когда его видел.

— Так ты знаешь Сережку?.. Вот дурак!.. Говорил ему тогда... А он: талант, талант! Теперь доталантился, хватили мордой об стол.



— Эка напутал! Калоша с парусом, а не яхта.

— Да разве он один виноват?.. — заступился я за Сережку.

А он так и взъелся на меня:

— А я что говорю? Он один виноват? Он хороший парень! Из него вышел бы толк, если бы ему не закрутили голову... Что он сейчас делает?

— Не знаю. Я раньше дружил с ним, а теперь...

— А теперь плюешь, как и все! Так всегда все друзья поступают. Идем к нему сейчас.

Но меня резкий тон его обозлил, и я отказался, сказал: не могу оставить квартиру, ограбят. Он вскочил — и в переднюю, надел шляпу, пальто.

— Где он живет?

— Я сейчас запишу вам адрес.

— Не надо, так запомню...

Я сказал ему адрес. Он хлопнул дверью и ушел.

Почти тотчас же пришел отец. Он задыхался, вероятно, бегом бежал по лестнице.

— Не приходил ко мне?.. Был?.. Какая досада!

Он разделся и заметался по комнате, проклиная трамваи, автобусы и все на свете. Оказывается, вчера вечером он совершенно случайно познакомился в одном доме с этим писателем и в разго-

воре с ним сказал, что давно хочет написать книгу для детей о своих опытах с муравьями, но не знает, как за это дело взяться. Писатель вдруг сказал:

— Я вам помогу. Когда вы завтра будете дома?.. В восемь?.. Хорошо. Ровно в восемь часов вечера я буду у вас.

И вот он пришел, а отец опоздал.

— А я могу сходить за ним. Он сейчас у Сережки.

Мне страшно хотелось знать, что у них там происходит.

— Сходи, сходи, голубчик! Хоть извинись за меня, по крайней мере.

Я побежал к Сережке и застал дома мать да Вальку. Валька что-то стругал ножом в углу, а мать сидела за столом грустная, с красными, заплаканными глазами.

— А где Сережка?

— Не знаю... Какой-то в шляпе увел его.

Она заморгала часто-часто. Лицо сморщилось. По щекам покатились слезы. У меня сердце заныло от жалости. Мне так хотелось утешить ее! Я сказал, что это знаменитый писатель и очень хороший человек, он все сделает для Сережки.

— Ну, дай бог, дай бог,— лепетала она, утирая слезы.

Я побежал домой. Отец обедал и спокойно разговаривал с мамой. Писатель уже звонил ему по телефону, сказал, что сегодня он занят, не может придти. Отец успокоился.

Я взял книгу, хотел читать и не мог. В голове у меня гвоздем сидели слова писателя: «А теперь плюешь, как и все! Так всегда все друзья поступают». Я и бесился от злости и сгорал от стыда. Позор! Позор! Ну, Сережка ошалел, сбился с пути, а что сделали я, его друг, и все его товарищи? Плюнули и отвернулись. А вот писателю он никто. А как горячо он принял к сердцу сережкино несчастье! Не раздумывал, сразу сорвался и бросился спасать его, как утопающего. Вот это человек! Оттого-то и рассказы он пишет такие прекрасные!

Я всем сердцем чувствовал всю низость своего поведения. Вместо того чтоб протянуть Сережке руку помощи, я оскорбил его, оттолкнул от себя письмом, злой эпиграммой, натравил ребят на него,— словом, поступил, как «истинный друг». Какая гадость!

Я возненавидел себя и до того разволновался, что уже не мог усидеть на месте. Я вышел из дому и пошел без всякой цели бродить по улицам.

Вечер был тихий, спокойный. На тротуарах, на крышах лежал снег. А сам я был в полном смятении. Я пробродил около часу, но это не успокоило меня. Мне не хватало живой души, друга, которому я мог бы высказать все, чтобы облегчить свою душу.

И тут я вспомнил про Таню Жихареву. Ведь только она одна, пожалуй, изо всего класса всегда защищала Сережку и никогда над ним не смеялась. Мне вдруг страшно захотелось ее видеть и поговорить с ней. Я пошел к Тане.

Глава девятая

Она открыла мне дверь и вдруг растерялась, даже как бы испугалась чего-то. Мне неловко стало.

— Может быть, я не вовремя?..

— Нет, нет! Иди, иди...

Я вошел, разделся, а она молча стояла с какой-то странной улыбкой. Потом повела в свою комнату, раскрыла дверь, и я увидел Сережку. Он сидел на диване и, облокотясь на круглый столик и подперев щеку рукой, размышлял над только что начатой шахматной партией. Я остолбенел от неожиданности.

А он глянул на меня, сдвинул брови и вскочил, намереваясь уйти. Меня как в спину толкнули. Я рванулся к нему и схватил за руку:

— Сережка!.. Извини меня!.. Я очень, очень рад тебя видеть!

Я уж не помню, что говорил, но говорил от чистого сердца. Сережка это понял, молча пожал мне руку и сел на диван. Таня так и запрыгала от радости:

— Как я рада, как я рада, что вы помирились!.. Саша, доиграй за меня, а я чай принесу.

И вот мы стали доигрывать. Оба молчали, думали совсем не о шахматах и делали самые дурацкие ходы.

Когда Таня принесла чай, Сережка вдруг смахнул с доски все фигуры:

— Да ну их!.. Глупая партия!.. — и откинулся на спинку дивана.

Я только теперь заметил, что он похудел и в глазах появилась какая-то растерянность. Видимо, он много пережил за последнее время.

Мы пили чай и говорили о пустяках. В двенадцатом часу, когда мы уходили домой, Таня спросила Сережку:

— Ну, придешь завтра?

Сережка улыбнулся:

— Приду.

— Не струсишь?

— Нет, «Поверьте (совесть в том порукой)...»

Он крепко пожал Тане руку, и мы вышли.

Шли молча, потом Сережка сказал, не глядя на меня:

— С завтрашнего дня я опять буду школьником. Приду в класс, сяду за парту, и пусть все издеваются! Мне это все равно.

— Как?.. К нам?.. В школу?..

— Да, да! И за ту же парту... Тебя это удивляет?

Он пристально посмотрел на меня.

Меня это не только удивляло. Я представил себе, какой вой поднимут ребята, какие насмешки, какие остроты посыплются на смиренную голову бедного поэта, и мне страшно стало. Еще в другую школу, куда бы ни шло. Но к нам, на старое место, после того, что случилось!.. Да я бы ни за что не вынес и одного торжествующего взгляда Бобочки. Так вот что означал этот таинственный разговор с Таней!

— Ну знаешь, если ты это сделаешь, ты герой. Я бы никогда не решился.

— Да и я бы не решился. Я и подумать-то об этом боялся. Я ведь хотел бежать куда-нибудь вон из Москвы, на Крайний Север, на зимовку, лишь бы скрыться с глаз, поступить на службу и высылать маме деньги. Мне до того все опостылело, особенно этот Андрей Мятежный. Жена у него работает с утра до ночи, а он, негодяй, лежит на кровати и дров не принесет или бражничает с дружками в пивной, и все разговоры, разговоры о поэзии. А ни черта они в ней не понимают! Это — такое сложное дело!.. Да и сам я себе опостылел!.. А нынче этот писатель налетел как буря, и сразу кувырком полетели все мои замыслы. Вошел, очень вежливо поздоровался с мамой, даже с Валькой и ко мне:

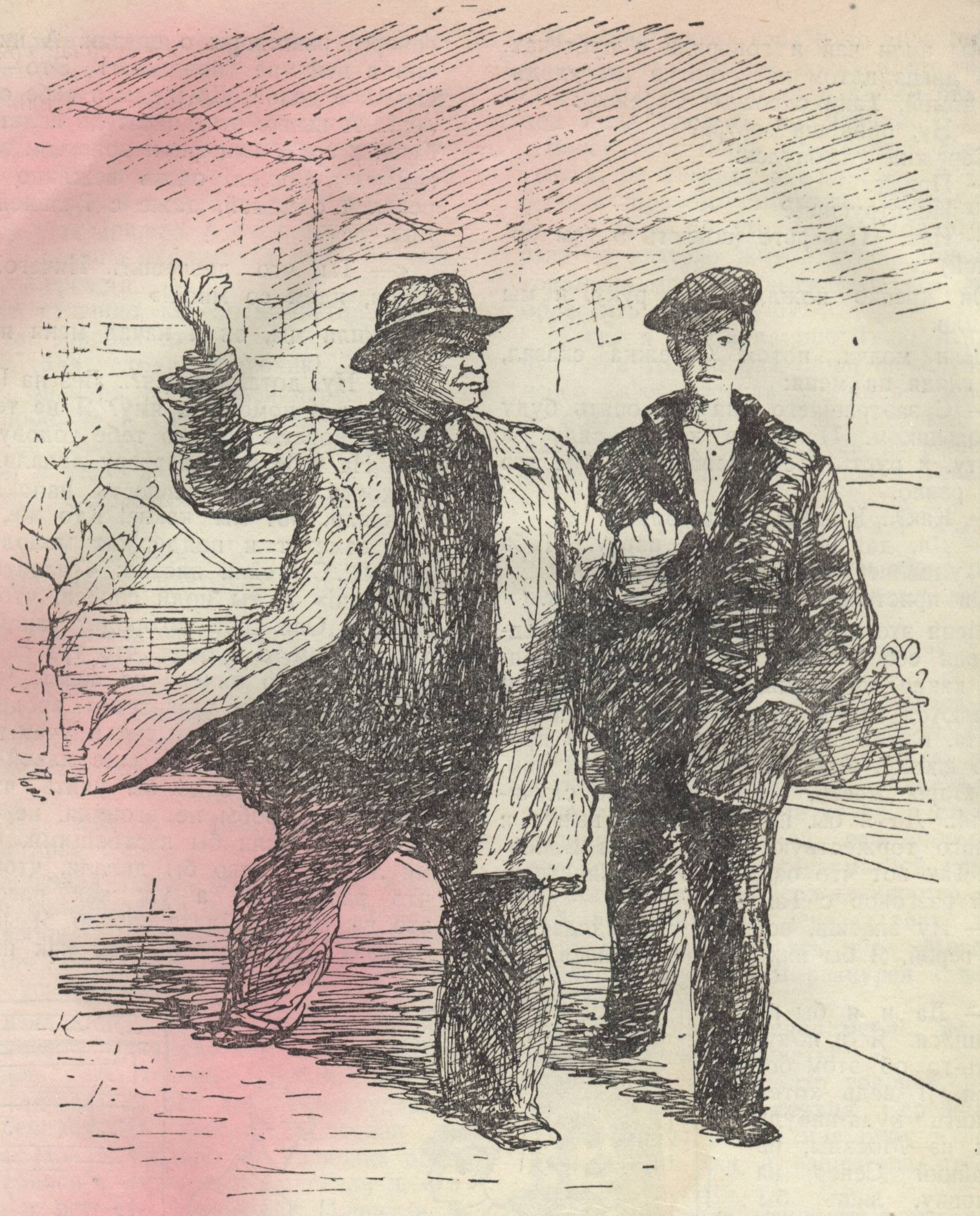
«— Ты что делаешь?.. Ничего? Одевайся, идем со мной!»

Вышли мы, он и начал меня пушить:

«— Ну, доталантился?.. Лез на Парнас, а попал в помойную яму? Я не тебя виню. Виноваты те, кто тебе голову морочил. На тебе ведь карьеру делали. Свою чуткость да задушевность напоказ выставляли. Вот мы какие! Кто же, кроме нас, заметит и поддержит молодые таланты?!. Статейки писали: «Талант! Юный Пушкин!» А ты поди спроси, что такое талант? Они тебе нагородят такой чепухи!.. В том-то и беда, что тут сплошной туман. Никто ничего не знает. Что делать с «юными талантами» вроде тебя? Чему их учить? Вот вас и учат кто хореям да ямбам, а то еще какой-нибудь чепухе. А вас надо бы учить, чтоб вы матерей в гробы не вгоняли, не лодырничали, а были бы настоящими, честными людьми, дело бы делали, чтоб было что рассказать, а уж как рассказать, это вы сами найдете способ. Язык-то не отрезан. Лев Толстой вон как писал, а



— Сережка!.. Извини меня!.. Я очень, очень рад тебя видеть!



— ...И вот, понимаешь, он ругает, а мне не обидно. И верю я ему, как другу.

он и не думал об этом «как». И вот мне интересно знать, как же ты думаешь выкарабкаться из помойной ямы?»

И вот, понимаешь, он ругает, а мне не обидно. И верю я ему, как другу. Я прямо сказал:

« — Уеду куда-нибудь за тридевять земель».

«— Ну я так и знал. Значит, ты такой же трус, как и я. Я трус, это прямо говорю, но я всегда стыдился этого поганого чувства и спуску ему не давал. На твоем месте я никогда бы не уехал. Чтоб меня да пересилила эта погань — трусость? Да ни за что на свете! Знаешь, что я бы сделал? Я бы сделал нарочно самое трудное, что можно сделать в твоем положении. Я бы пришел в школу, в ту же самую,— в другую — это не штука,— сел бы на старое место, и не

как побежденный, а как победитель, и вот, пожалуйста, смотрите и смейтесь надо мной, сколько влезет. А я все равно буду сидеть. Но тут сила нужна. Если ты сможешь это сделать,— значит, не все еще потеряно, можно воевать и выйти в маршалы. И, уверяю тебя, силу сразу почуют, никто и не вякнет, не то чтоб издеваться. Все обалдеют, потому что на твоем месте никто бы из них этого не сделал».

Вот я и хочу завтра испытать свою силу. Приду, а там уж не знаю, как выйдет, может, и сорвусь, не выдержу.

Но он не сорвался и выдержал. Он пришел в класс наутро и сел за парту. Ребята обалдели, как будто в класс средь белого дня явилось привидение. Все затихли.

«Ну,— подумал я,— сейчас грянет гроза...»

Нет!.. Предсказанье писателя сбылось полностью: силу почуяли, никто и не вякнул. Только радостно крикнул кто-то:

— Сережка!..

Сережку окружили с таким доброжелательством, как будто он вернулся после тяжелой болезни и о нем все страшно соскучились. Признаюсь, не ожидал я этого от наших ребят.

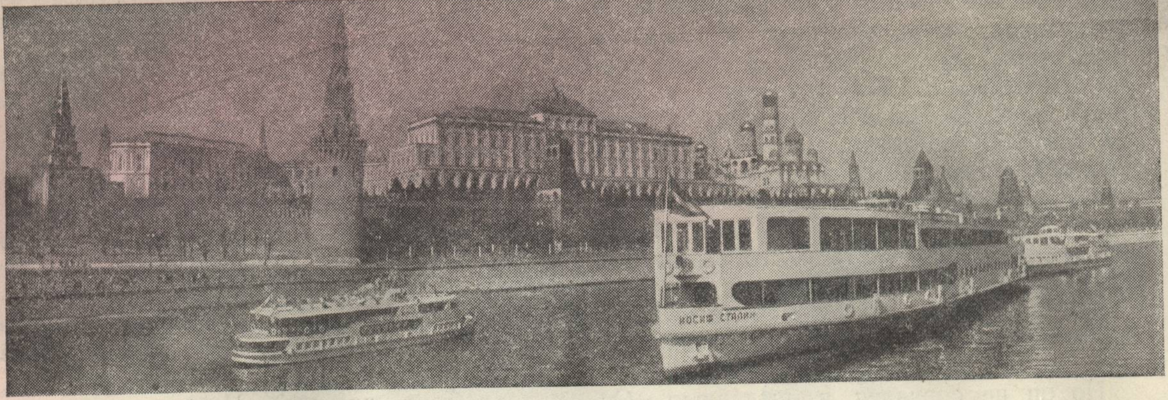
А Таня... Такая чудачка! Она стояла в сторонке одна, с глазами, полными слез, и кусала губы. Я подошел к ней:

— Таня, что ты?.. Чего ты разволновалась?

— Так... Дура я!..

Улыбнулась и убежала. Должно быть, заплакала.





В центре фотографии вы видите Большой Кремлевский дворец. В этом дворце работала 4-я внеочередная Сессия Верховного Совета СССР. К вопросам, которые обсуждала и решала эта Сессия, прислушивался весь мир. Редакция попросила депутатов Верховного Совета СССР Героев Советского Союза тт. Пумпура и Белякова рассказать вам о том, как проходила Сессия.

Мудрые законы

Герой Советского Союза П. Пумпур

Когда я прочел в газете сообщение о том, что через четыре дня — 28 августа — в Москве созывается четвертая внеочередная Сессия Верховного Совета СССР, я подумал: успеют ли все депутаты прибыть в Москву? Депутаты — это лучшие люди нашей Родины. Они плавят руду, убирают богатый урожай, руководят строительством заводов, учат ребят, делают изобретения, водят самолеты, танки, паровозы. Они заняты работой в разных концах нашей необъятной Родины.

За депутатами были посланы специальные самолеты. Со всех концов страны в Москву летели самолеты. «Депутатский воздушный экспресс» из Ашхабада пролетел три тысячи километров за 11 часов. Депутаты пролетали над степями, в которых паслись громадные отары колхозных овец и табуны лошадей, над строительством громадного медеплавильного комбината. Из Актюбинска самолет летел над просторами Сибири, где сотни комбайнов убирали богатый колхозный урожай, над строительством самого большого в мире сооружения — Куйбышевской плотины. Самолет прилетел в Москву уже в сумерки, и депутаты вошли в Большой Кремлевский дворец всего за несколько минут до начала доклада Народного Комиссара Финансов товарища Зверева.

С волнением я вошел в громадный зал заседаний, сверкающий прохладной белизной своих стен. Огромный зал полон. В удобных креслах—депутаты. У каждого кресла телефонные трубки, и вы, не напрягая слуха, можете слушать ораторов.

За резным, украшенным гербами всех советских республик местом президиума появляются товарищи Андреев, Шверник, Лысенко, Асланова. Твердой походкой входит Иосиф Виссарионович Сталин. Я не в силах описать гром аплодисментов, который начался в зале. От всего сердца депутаты приветствовали того, в чьем имени воплощено счастье народов Советского Союза, кто жизнь свою до последней капли крови готов отдать за благо народа.

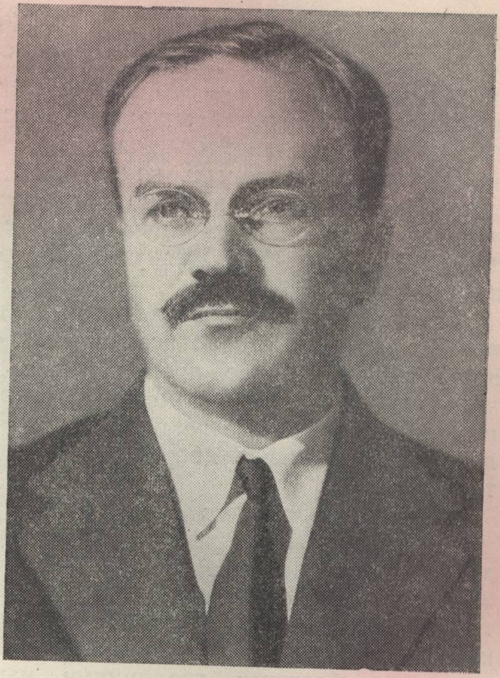
Первым мы слушали доклад Народного Комиссара Финансов СССР товарища Зверева о новом сельскохозяйственном налоге.

Как летчику, мне часто приходится пролетать над колхозами, и даже с воздуха мне видно, как из году в год меняются, богатеют наши колхозы. С каждым годом я вижу, как все больше и больше машин работает на полях, как все больше и больше строится новых зданий в селах. У нас сейчас тракторов в два раза, а комбайнов и грузовиков в пять раз больше,

чем их было пять лет назад. Да, наши колхозы уже не те, что были пять лет назад. Они окрепли, они дают честным колхозникам всё для зажиточной и культурной жизни.

Вместе со всеми депутатами я возмущался, когда один из депутатов рассказывал о колхознике Швеце из Молдавии. В колхозе он для вида выработал всего 50 трудодней, а у себя на участке заработал больше 11 тысяч рублей. Налогу же он уплатил столько же, сколько и честные колхозники, получившие главный доход от работы в колхозе. Поэтому очень мудро новый закон о сельскохозяйственном налоге освободил от налога все доходы колхозников, получаемые от труда в колхозе. Теперь налог будет браться только с тех доходов, которые колхозник получил от своего личного хозяйства. Теперь все колхозники будут заинтересованы в том, чтобы честно работать в колхозе и больше получать на трудодни.

31 августа у нас на Сессии был «большой день», как говорили депутаты. Мы слушали Климента Ефремовича Ворошилова и Вячеслава Михайловича Молотова.



Вячеслав Михайлович Молотов.

Я военный летчик и поэтому с особым вниманием слушал доклад Народного Комиссара Обороны СССР. Когда наш любимый нарком появился на трибуне, мы все встали и принялись аплодировать. Он раза три принимался говорить, но так ему и не удавалось. Товарищ Андреев стал звонком водворять тишину.

Товарищ Ворошилов, улыбаясь, сказал, что ему даже неловко говорить, на сколько процентов выросло у нас количество танков с 1930 года. Он прямо сказал — в 43 раза. Самолетов у нас больше в шесть с половиной раз, артиллерии — в 7 раз. Хотя наша Армия выросла за это время больше чем в 3,5 раза, все же на каждого бойца приходится 13 механических лошадиных сил — в 4 раза больше, чем 9 лет назад.

Слушая эти цифры, я вспоминал, какие замечательные люди управляют этими грозными механическими лошадьми. Два сталинских сокола вели бой над чужой территорией с целой эскадрильей японских самолетов. Они уже сбили несколько японских самолетов, когда один из наших самолетов загорелся. Бесстрашный советский летчик не растерялся и выпрыгнул из кабины горящего самолета на парашюте. Он спускался на территорию врага, ему грозила гибель. Но у сталинских соколов есть твердый закон: никогда не оставлять товарища без помощи, в какой бы беде он ни оказался. Следуя этой традиции, воспитанной в летчиках товарищем Сталиным, второй пилот начал охранять спуск товарища, чтобы японцы его не подстрелили. Отважному сталинскому соколу удалось разогнать японские самолеты. Затем он совершил еще более трудное дело: спустился на чужой территории около благополучно приземлившегося товарища, взял его на свой одноместный истребитель и благополучно прилетел с ним на наш аэродром.

Товарищ Ворошилов сказал на XVIII съезде ВКП(б): «Техника без людей мертва. Техника в руках знающих, овладевших техникой людей — огромная сила». А техника у нас в Армии сейчас сложная, ее надо хорошо знать. Поэтому для рядовых бойцов пограничных войск и авиации и для младших командиров срок военной службы увеличен с двух до трех лет.

Это очень правильно, что наша молодежь будет вступать в жизнь, пройдя через замечательную школу Красной Армии. Я вступил в Красную Армию во время гражданской войны очень молодым человеком, и эта школа дала мне очень

многое. У нас среди ребят еще встречаются расхлябанные, недисциплинированные. Красная Армия — это школа характера. Из нее выходят акуратные, сознательные, дисциплинированные, крепкие люди. Иногда взглянешь на призывника: какой-то он неуклюжий,— но посмотришь на него через полгода — глазам приятно: получился ладный, подтянутый, акуратный боец.

Для всех ребят очень радостно, конечно, было узнать, что во всех школах с 5 по 7-й класс будет преподаваться начальная военная подготовка (по 2 часа в шестидневку). В старших классах будет более серьезная допризывная подготовка.

Товарищ Ворошилов сказал:

«Правильно поставленная начальная и допризывная подготовка сыграет для обороны нашей страны роль, значение которой трудно переоценить. Наши будущие воины получат возможность ознакомиться с боевыми традициями нашей Красной Армии и с основными началами воинской дисциплины. Подростки и юноши обучатся военному строю, стрелковому делу, будут знать правила противовоздушной и противохимической защиты и, главное, получат хорошую физическую тренировку и закалку».

Когда товарищ Ворошилов кончил доклад, все депутаты встали и зал долго сотрясался возгласами в честь Красной Армии и Военно-Морского Флота, в честь товарища Ворошилова, в честь великого Сталина. Чувство гордости за могучую и непобедимую Красную Армию наполняло меня. Родина — самое дорогое и святое для советского человека. И поэтому я вместе со всеми депутатами голосовал за принятие нового закона.

Особенно многолюдно было в зале, когда мы слушали сообщение товарища Молотова о ратификации (утверждении) советско-германского договора о ненападении. В зале стояла тишина: все старались не пропустить ни слова из сообщения. Битком было набито в дипломатической ложе. И мы не раз во время сообщения товарища Молотова посматривали на эту ложу. Смотрели, как действуют его слова на иностранных представителей.

Внеочередная Сессия работала всего четыре дня. Но за эти дни под руководством нашего великого друга, учителя и вождя народов любимого Сталина мы приняли важнейшие исторические решения. По всей стране рабочие, колхозники, интеллигенция горячо одобрили эти решения и новые законы.

Пусть крепнет и цветет наша страна!

Герой Советского Союза А. Беляков

Два года тому назад на основе Сталинской Конституции граждане нашей страны избрали Верховный Совет СССР. Каждый избирательный округ послал своего депутата в Верховный Совет.

Верховному Совету СССР принадлежит высшая власть в стране социализма, и собирается он только для решения важнейших вопросов.

Я удостоился высокой чести и доверия. Меня трудящиеся Саратовского сельского избирательного округа послали депутатом в Верховный Совет.

1939 год в Европе — год неспокойный. Капиталистические страны продолжали угрожать друг другу войной. Все вооружались, делали военные заказы в Америке и увеличивали свои армии. Англия и Франция тайно и усиленно науськивали Германию на то, чтобы она затеяла войну с Советским Союзом. Они советовали немцам захватить у нас Украину, а сами хотели во время этой войны нажиться и укрепиться за счет воюющих.

Но наша партия, наш мудрый и великий Сталин своевременно разгадали махинации поджигателей войны. Еще на XVIII съезде партии товарищ Сталин сказал про эти страны, что они хотят «загребать жар чужими руками».

Наша страна в 1939 году поэтому повела более решительную и твердую внешнюю политику. Мы всеми силами стремились предотвратить новую европейскую войну и предложили Англии и Франции вместе с нами договориться, как обеспечить мир в Европе. Но Англия и Франция, как оказалось, вели с нами переговоры не для того, чтобы их закончить соглашением: они хитрили, пытались обмануть

нас. Они хотели нас втравить в войну, а потом оставить в одиночестве. Это был бы не договор, а, как очень метко назвал его товарищ Молотов, замаскированное надувательство. Видя это, наше правительство решило идти другим путем к устранению угрозы войны между Германией и СССР: договориться с Германией о взаимном ненападении. Наша твердая внешняя политика увенчалась успехом, и мы заключили с Германией не только договор о ненападении, но и торговое соглашение, по которому мы можем закупить в Германии в кредит, т. е. в долг, нужные нам товары и оборудование на огромную сумму — 200 миллионов марок.

Спешно ехали депутаты из самых отдаленных уголков нашей страны на Сессию. Они понимали всю важность вопросов, которые надо было решить. Я был далеко от Москвы и тоже спешил в Верховный Совет, в Кремль.

Обсудив проект закона о сельскохозяйственном налоге, мы перешли к обсуждению проекта закона о всеобщей воинской обязанности. Стоя, долго мы аплодировали появившемуся на трибуне в зале заседаний нашему любимому, славному и бесстрашному наркому обороны Клименту Ефремовичу Ворошилову. С затаенным дыханием выслушали мы, какие меры предлагает наше правительство для еще большего укрепления нашей обороноспособности. Затем Сессия избрала комиссию из депутатов для более подробного рассмотрения закона. Меня избрали в эту комиссию, и я мог тщательно обсудить новый закон вместе с другими депутатами и с руководителями партии и правительства товарищами Ждановым, Ворошиловым, Маленковым, Мехлисом.

А закон очень мудрый. Он совершенно по-новому ставит порядок службы в Красной Армии для молодежи. Раньше все окончившие среднюю школу и поступившие в вузы пользовались отсрочкой. Теперь, по новому закону о всеобщей воинской обязанности, отсрочка для обучения в вузах даваться не будет и все молодые люди, годные к военной службе, по окончании средней школы пойдут в Красную Армию и в Военно-Морской Флот. Отслужив там 3 года, они могут уже более зрелыми продолжать свое обучение в высшем учебном заведении.

А кто пожелает остаться в Красной Армии, тот может прямо после средней школы поступить в любое военное учи-



Климент Ефремович Ворошилов.

лище, окончить его и служить командиром. Выбор очень большой и богатый. В Красной Армии есть много самых разнообразных, очень хорошо оборудованных военных училищ: пехотные, танковые, кавалерийские, артиллерийские, авиационные и другие.

Кого влечет к технике, тому надо поступать в инженерные училища, и можно поступить в академии: в химическую, военно-транспортную, бронетанковую, артиллерийскую или Академию связи. Кого влечет воздух, тому надо идти в авиационное училище или Военно-воздушную академию.

Дружно голосовали депутаты за принятие закона и затем перешли к утверждению договора о ненападении с Германией. Этот договор был утвержден единогласно.

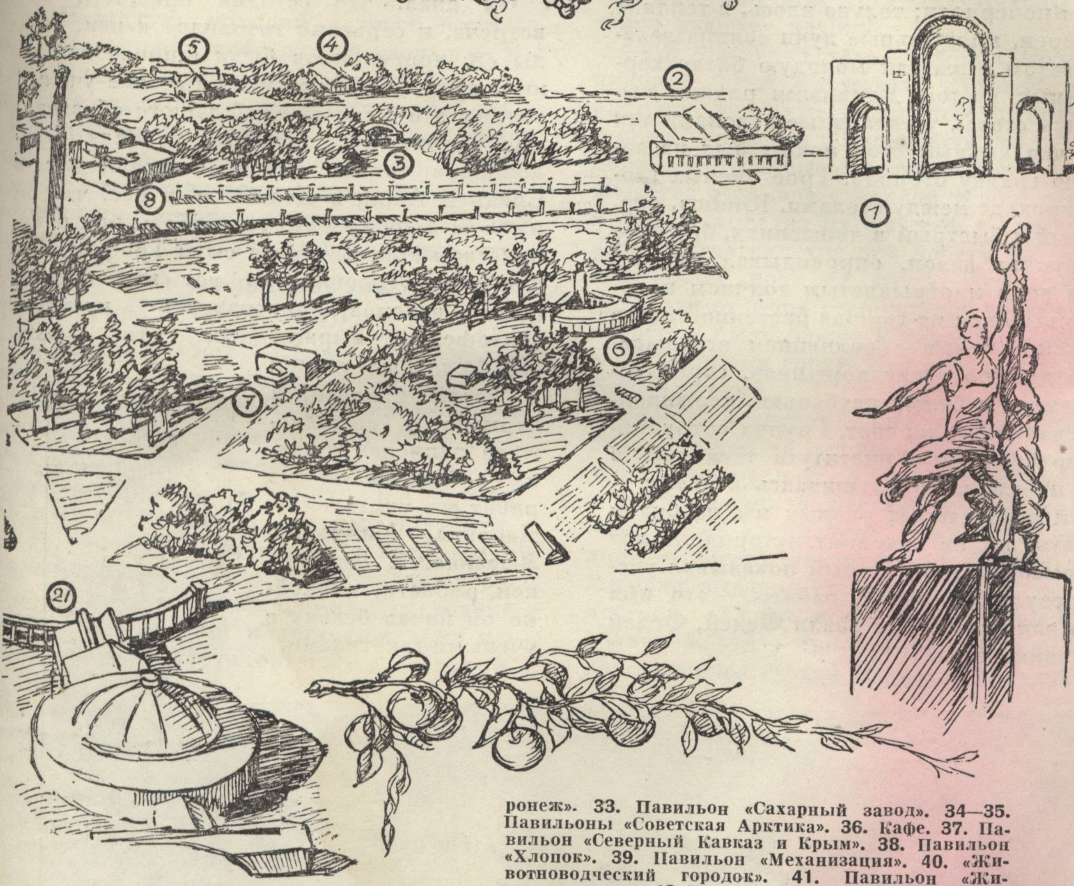
С сознанием исполненного долга, гордые за свою великую Родину, удовлетворенные тем, что наш народ расстроил козни врагов, разъезжались депутаты Верховного Совета из Кремля.

Мы уносили в сердцах незабываемые образы руководителей нашей партии и правительства, образ любимого товарища Сталина, принимавшего участие в работах Сессии Верховного Совета.



1. Главный вход выставки. Перед входом установлена статуя «Рабочий и колхозница». 2. Административный павильон. 3. Чайхана. 4. Эстрадный театр. 5. Ресторан. 6. Павильон «Юные натуралисты». 7. Детское кафе. 8. Павильон «Узбекская ССР». 9. Павильон «Дальний Восток». 10. Павильон «Сибирь». 11. Павильон «Северо-Восток». 12. Павильон «Москва». 13. Павильон «Украинская ССР». 14. Павильон «Поволжье». 15. Павильон «Азербайджанская ССР». 16. Павильон «Армянская ССР». 17. Павильон «Грузинская ССР». 18. Павильон «Казахская ССР». 19. Кафе. 20. «Главный павильон». 21. Цирк. 22. Павильон «Печать». 23. Павильон «Торф». 24. Павильон «Нефть». 25. Павильон «Белорусская ССР». 26. Павильон «Таджикская ССР». 27. Павильон «Татарская АССР». 28. Павильон «Киргизская ССР». 29. Павильон «Центральные области». 30. Павильон «Башкирская АССР». 31. Павильон «Туркменская ССР». 32. Павильон «Курск, Тамбов, Во-

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1939 года



ронеж». 33. Павильон «Сахарный завод». 34—35. Павильоны «Советская Арктика». 36. Кафе. 37. Павильон «Северный Кавказ и Крым». 38. Павильон «Хлопок». 39. Павильон «Механизация». 40. «Животноводческий городок». 41. Павильон «Животноводство». 42. Павильон «Ветеринария». 43. Павильон «Зерно». 44. Отдел «Новое в деревне».

Работа только начинается

Огромная армия молодых ученых показывает на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке свои работы и открытия. Это все пытливые и вдумчивые ученики Дарвина, Тимирязева, Мичурина, Лысенко. Большая смелость требуется от молодого ученого. Он должен прокладывать в науке новые пути, ему приходится бороться против ученых, которые не хотят отказаться от проторенных дорог. Об одном из эпизодов этой борьбы рассказано в этом очерке.

М. Гершензон

Поля почернели; только здесь, в тепляке оранжереи, прощальные лучи солнца зеленым светом зажигали молодую ботву картофельных кустов. Длинными рядами вытянулись столы, уставленные вазонами так густо, что каждый стол похож был на заросшую грядку огорода. Трое ученых стояли в проходе между столами. Юноша, черноглазый и быстрый в движениях, бережно подхватывал вазон, опрокидывал его листьями вниз и отрывистым толчком в донышко выбивал из горшка растение вместе с землей. Ученые с волнением вглядывались в хитрую сетку корешков, скреплявших землю, в белые клубеньки, неожиданно выглянувшие на свет. Группа сотрудников картофельного института теснилась в узком проходе, прислушиваясь к спору.

Имен этих старых ученых мы не будем называть: их не сохранит история. А вот имя комсомольца, который показывал ученым результаты своей работы,— это имя нужно запомнить. Его звали Федей, Федей Солодовниковым.

Он знал, что сегодня предстоит эта встреча, и серьезно готовился к ней. Труды его противников были широко известны заграницей. Они имели высокие ученые звания, это были люди большого образования, европейской культуры. А Федя Солодовников только недавно кончил вуз в Средней Азии, в Ходженте, и все, что он имел за душой,— это год работы под руководством крестьянского сына Трофима Денисовича Лысенко, да вот эти пятнадцать вазонов, пятнадцать кустиков картофеля, выращенных его рукой. Но Федя был уверен в своей правоте; в кармане у него лежала записная книжка с выписками из работ его учителей — Дарвина, Мичурина, Лысенко. И без всякой робости, спокойно он начал беседу с учеными-генетиками.




Межвидовые вегетативные гибриды картофеля.

— Мы прививали на картофель помидор, баклажан, дурман; прививали культурные сорта картофеля на дикие и наоборот. И все эти опыты полностью подтвердили предположения Трофима Денисовича. Путем прививки мы можем создавать вегетативные гибриды, отличающиеся и от привоя и от подвоя. А так как новые признаки, созданные таким образом, передаются по наследству, мы можем направлять вегетативную гибридизацию в нужную нам сторону и создавать новые сорта с необходимыми нам качествами.

— Позвольте, молодой человек,— остановил Солодовникова один из ученых.— В принципе мы не отрицаем возможности получения путем прививки вегетативных гибридов. Но я должен указать, что несомненные факты подобного рода ни мне, ни моим коллегам неизвестны, и этот способ возникновения истинно вегетативных гибридов пока надо считать недоказанным.

Смуглое лицо юноши вспыхнуло, он раскрыл свою записную книжку.

— Простите, мне неловко напоминать вам, что пишет по этому вопросу Дарвин в своей работе «Изменение животных и растений в домашнем состоянии», но...— тут Солодовников виновато улыбнулся,— к сожалению, приходится. Вот: «Мы видели, что клубни картофеля, которые получаются, когда глазок одного сорта вставлен в клубень другого сорта, имеют промежуточную окраску, величину, форму и состояние поверхности; стебли и листья, и даже некоторые особенности организации, например, скороспелость, тоже бывают промежуточными...» А теперь перейдем к фактам...

Он рассказал о том, как на дикий «солянум демиссум» он привил культурный сорт «альму». Черенок «альмы» прижился, сросся с дикарем. Получилось двухэтажное растение: внизу подвой — «демиссум», сверху привой — «альма». Какие клубни образуются на этом растении? Солодовников уверен был, что клубни его будут отличаться и от клубней «демиссума» и от клубней «альмы». Но у него не хватало терпения дожидаться, пока двухэтажное растение завяжет клубни.

— Я рассудил так,— говорил Солодовников,— зачем мне ждать клубней, когда растение дало уже подземные побеги? По теории Трофима Денисовича, подземные побеги — столоны — должны нести в себе качества и привоя и подвоя. Я отделил эти побеги и высадил их, каждый в отдельный вазон. Едва заметно эти побеги уже тогда отличались друг от друга. И с каждым днем эти отличия становились виднее. Одни кусты были ближе к дикарю, другие — к культурному сорту. Вот они, эти пятнадцать растений.

Ученые генетики долго молча рассматривали вазон за вазоном. Растения резко отличались одно от другого. Это прижалось к земле, наершив жесткие мелкие листья, совсем как «демиссум», привычный к холодным ветрам мексиканской Сиерры. Это выгнало высокие стебли с легкой, нежной листвой, каждая долька листа выгнулась лодочкой, как у привоя «альмы», а на стеблях появился густой пушок, как у дикаря.



Гибриды получены путем прививки культурного сорта «альма» на дикий вид — «демиссум».

Разные были и клубни: у одних—круглые, белые, с горошинку, у других — продолговатые, крупные, сине-фиолетовые. Солодовников терпеливо выбивал из вазонов кустик за кустиком, и все объяснял, объяснял, как видоизменились растения, как рождались на свет новые сорта, каких никогда не было в природе. Ему очень хотелось убедить своих противников в том, что маленькое это открытие прокладывает широкую дорогу перед советскими селекционерами.

— Ведь многие сорта картофеля не цветут в наших краях и не приносят ягод. Поэтому скрещивание ограничено небольшим числом сортов и половая гибридизация имеет перед собой узкое поле. Вот клубни, а тем более подземные побеги — другое дело... Подземные побеги есть у многих растений, которые не дают клубней. Хотя бы у малины. Вегетативная гибридизация— это... это...— Солодовников не нашел слов и только широко раскинул руки.

Но ученых-генетиков нелегко было сдвинуть с места. Они упорно отказывались верить своим глазам, потому что это маленькое дополнение к теории Лысенко, так же как и вся теория, вверх тормашками переворачивало всю их науку, кипы университетских курсов, толстые томы учебников и руководств. Они привыкли считать бесспорной истиной, что все свойства любого растения определяются его «генами» — частицами организма, которые переходят из поколения в поколение без изменений, как бы ни менялись условия жизни, климата, почвы. Поэтому не могли они примириться с теорией Лысенко и с этим вот маленьким дополнением, которое еще раз доказывало, что человек властен по своей воле изменять природу растений, нарушать неизменную передачу «ген» из поколения з поколение. Вот почему сейчас в тепляке оранжереи весь опыт, все свои знания они напрягали, чтобы опровергнуть живые доказательства пятнадцати вазонов.

— А может быть, мы имеем здесь дело попросту с механическим засорением? — протирая пенснэ, сказал старый профессор.

— То есть как с механическим засорением?

Солодовников от удивления чуть не выронил вазон, который держал в руках.

— Очень просто. Скажем, вы взяли для ваших вазонов землю из парника, где когда-то выращивались гибриды, полученные от скрещивания культурного сорта с «демиссумом». В земле могли остаться клубеньки или столоны гибрида, а тогда...

С раздражением старый профессор прищемил переносицу пружинкой пенснэ и бросил косой взгляд на юношу.

— Вы хотите сказать, что это результат половой гибридизации, а не вегетативной? — вскинулся Солодовников.—Ну, нет! Почва для вазонов взята была свежая, с торфянистого участка, на котором в тридцать четвертом году росла капуста, а в тридцать пятом, шестом и седьмом — вика и овес.

Профессор в замешательстве нервно поправлял манжеты. Он никак не ожидал, что юноша мог предусмотреть эту деталь. На помощь профессору пришел его ассистент.

— Быть может,— заметил он,— случайно укоренились в земле *надземные* побеги привоя. Ведь это бывает очень часто. В таком случае эти кусты могли развиваться непосредственно из «альмы», и подвой тут не при чем...

Солодовников побледнел. Стиснув зубы, чтобы не сорвалась какая-нибудь резкость, он молча выхватил пачку фотографий и развернул их перед учеными.

— Вот,—сказал он, поборов волнение.— Я, конечно, неважный фотограф, но эти снимки мы делали каждый день. Тут можно проследить все развитие этих растений!

Вдруг он улыбнулся и кинулся к вазону, стоявшему поодаль:

— Чуть не забыл! Вот вам еще одно вещественное доказательство. На всякий случай... на случай спора, один из столонов я не стал отделять от подвоя, а просто вывел его на поверхность. Можете убедиться. Вот это — мое двухэтажное растение, а это, связанное с ним подземным побегом,— новое, вегетативный гибрид. Он мне очень дорог, этот вазон. Но если вы настаиваете на том, что здесь что-то... не так, то я готов продемонстрировать вам подземный побег, соединяющий оба куста...

— Не надо,— глухо пробурчал профессор.

Спор на этом, однако, не кончился. Новые и новые сомнения высказывали ученые генетики, и все их доводы уверенно разбивал юноша в сатиновой косоворотке, Федя Солодовников. Он уже перестал горячиться, и только чуть заметная насмешливая складка легла у его губ. Так и не признав очевидных доказательств, ученые попрощались со всеми присутствующими,

вежливо поблагодарили «своего юного коллегу» Федю и полной достоинства, мерной поступью направились к выходу из оранжереи. Бледный, уставший от напряжения, Федя улыбнулся товарищам:

— Ну, видали? Хоть кол на голове теши!

Меня провожал к поезду создатель первого в мире фитофтороустойчивого сорта картофеля Пушкарев.

— Вы не думайте: это трагедия,— говорил он взволнованно.— Им очень трудно отказаться от старых, привычных взглядов. Дерево — и то пересаживают с места на место вместе с корнями. А они... они ведь чувствуют, как трещат и рвутся корни их знания. Почва уходит у них из-под ног...

Он шел, глядя куда-то в сторону, на небо, начинавшее уже розоветь в лучах заката. Голос его стал тише.

— Счастье им, молодым,— проговорил он задумчиво.— Для них учение Трофима Денисовича о переделке природы растений стало частью мировоззрения. И открытия сами идут к ним в руки. Вот хоть бы Федя. Ему все легко. А возьмите меня. Умом я понимаю, какие огромные возможности открывает теория Лысенко перед нами, растениеводами. Но одно дело — понимать, а другое — творить. Творить можно только тогда, когда новая наука станет кровью твоей, твоим мировоззрением...

Пушкарев замолчал, но видно было, что мысли, горячие, беспокойные мысли, не оставили его в покое. Лицо его, освещенное волнением и отблеском знойного неба, казалось совсем молодым.

— А вы не записывайтесь в старики, Иван Игнатьевич,— сказал я ему.— Помнится, вы говорили, что в свете учения о переделке природы растений вам стало гораздо ясней, как бороться с вашим старым врагом, фитофторой?

Он посмотрел на меня, прищурился и вдруг весело, громко рассмеялся. Широкой шершавой ладонью он сгреб мою руку.

— Правда! Мы еще повоюем! — воскликнул он.— Наше дело такое — учиться, учиться и учиться. Ведь наша работа только начинается!

И до сих пор у меня звенят в ушах эти скромные слова советского ученого, победившего фитофтору.

На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке

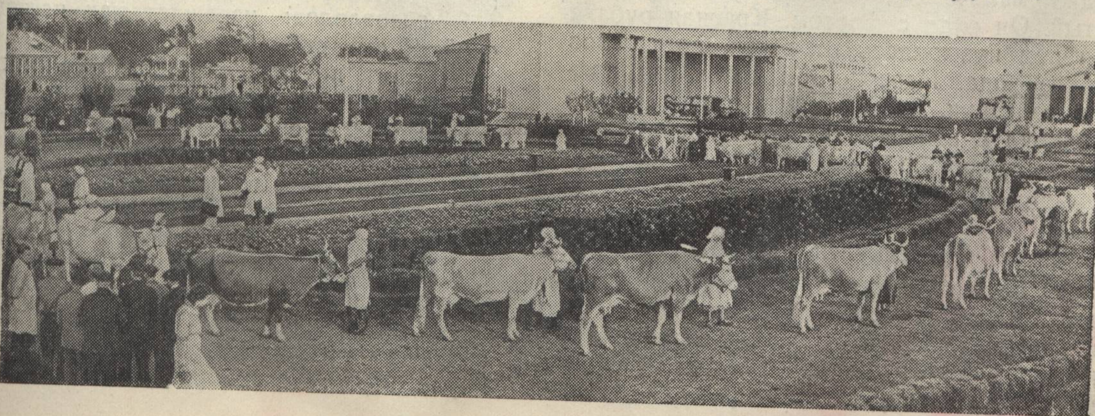
Знаменитые коровы

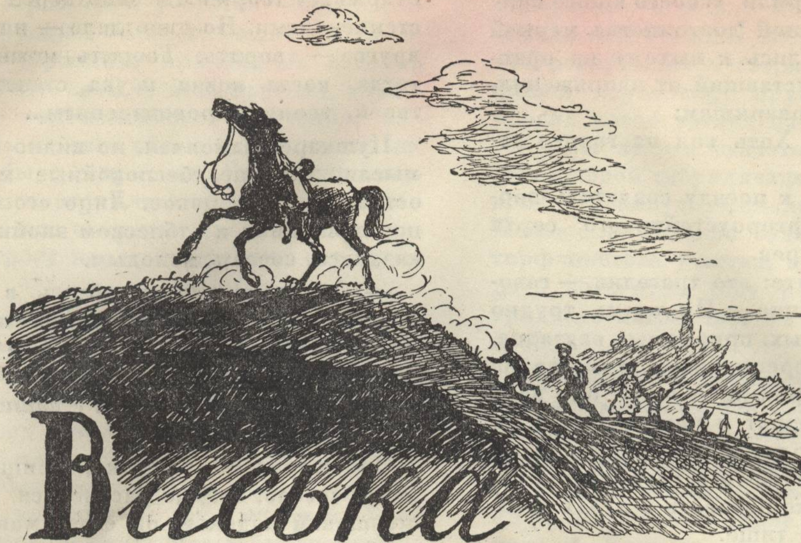
По утрам колхозницы в белоснежных халатах ведут гулять своих питомиц — знаменитых коров. Посетители выставки в один голос просят показать им «Ленту» из колхоза имени Сталина, Сумской области, Украины. Ее воспитала орденоносец Рыльская, депутат Верховного Совета СССР. «Лента» известна всей стране как самая молочная корова, чемпионка. За год она дала 12 623 литра молока. Чтобы увезти это количество молока, нужно 10 грузовиков. Одна «Лента» дает столько молока, сколько давали до революции 16 крестьянских «буренушек».

Славится и корова «Милька». Она дает молока меньше чем «Лента», но зато оно очень жирное. За год из него сбили столько масла, что оно весит больше «Мильки».

Хороша и «Крошка», весящая без малого 40 пудов — больше 600 килограммов.

На фотографии вы видите утреннюю прогулку коров. Вид у них очень важный, да это и не удивительно — ведь они рекордистки.





Васька

Рассказ Л. Парийской *Рис. В. Цельмера*

Знакомство

Мы подошли с теткой к большому оврагу.

У меня отскочила от чемодана ручка: чемодан был тяжеленный,— я остановился приладить ручку, а тетка ушла вперед.

Вдруг из оврага выскочила рыжая лошадь с прижатыми ушами. Поводья у нее волочились по земле, за гриву цеплялся худой мальчишка в разодранной майке и кричал тоненьким голосом. Что он кричал, я не понял. За ним бежали ребята, девчонки тащили за руки маленьких, и все они визжали и кричали:

— Курхом догнал, Курхом!

Ребята шарахнулись в сторону — и из пылищи выскочил верхом на блестящей, мокрой от воды вороной лошади еще один мальчишка, белобрысый и скуластый. Он ехал с форсом. Красная рубаха на нем пузырилась от ветра, со штанов текла вода. Наверно, он прискакал прямо из речки. Он взмахнул рукой, что-то крикнул и швырнул вдогонку рыжей лошади трепаную, без переплета книжку.

Лошадь испугалась, свернула круто вбок, я отскочил, а худой мальчишка сорвался и шлепнулся мне под ноги.

Мальчишка вскочил. Я думал, он заревет. Губы у него тряслись, он был серый и грязный, весь в пыли. Он остановился и вдруг сжал зубы, кинулся на мальчишку в красной рубахе, который сидел на вороной лошади, и стал колотить его по коленке, по мокрым штанам, смешно так, как маленькие ребята колотят.

Тот, что в красной рубахе, бросил повод и захохотал:

— Ой, братцы, убил! Братцы, спасите, Баланда убил!

Какой-то вихрастый выхватил у этого Баланды из рук книжку, которую тот только что поднял. Я ничего не мог понять: зачем они к нему пристают? Я схватил вихрастого за воротник и закричал:

— Ты ч-чего?

Тот испугался и выронил книгу:

— А чего я-то? Это вот... Это Курхом...

В красной рубахе оттолкнул худого мальчишку и наехал на меня лошадью.

— А ты еще откуда? Уставился, баранья голова! Тебе чего надо?

Я разозлился: наезжает как полицейский. Я ему сказал:

— А ты потише, сам-то... Курхом-верхом... полетишь кувырком!..

— Чего?! — сказал Курхом.

Он спрыгнул с лошади — раз — и пошел ко мне. Все ребята сразу замолчали. Я на него глядел; он был весь красный, нос вздернутый, глаза маленькие и веснушки рыжие, как лепешки. Он подошел ко мне и зашипел:

— Это я кувырком? Я? Да я в жизни с лошади не летал! Приехал, тоже! А ну, поучи! Ну! Тебе говорят!

А лошадь вдруг просунула морду ему подмышку и уставилась на меня. Я взглянул: глаза у нее озорные, кожа гладкая, блестящая. Ох, до чего хороша была лошадь! Она задышала мне горячо на руку и зашлепала губами этому самому Курхому по рукаву. У меня сердце так и прыгнуло: целый год я верхом не ездил!

— А думаешь, не поучу? Тоже—ездит, локтями — во! Да разве так ездят?

Я схватил лошадь под уздцы, лошадь задрала голову и попятилась назад.

Курхом свистнул вдруг и ухватил лошадь за холку. Она прыгнула с места всеми ногами сразу.

Кругом меня бесились и свистели ребята, внизу кричала тетка. Я схватил чемодан.

Я никогда не был у тетки. Мы вошли в деревню, а мне ни на что не хотелось глядеть. Был уж вечер. Ребята играли на улице. С огородов шли с ведрами колхозницы из теткиного звена, тетка на огороде работала. Наконец, мы пришли к ее дому; она жила одна. Я вошел в дом и стал возиться с котятами. Тетка хотела меня развеселить, а я все молчал. Она тогда испугалась, не заболел ли я, и стала меня поить каким-то липовым чаем. А я думал: «Ну чего я сюда приехал? Уж лучше бы у сестры под Москвой жил. Лучше бы с отцом на заводе остался. Придется вот теперь с такими-то ребятами целое лето жить...»—а потом заснул.

Курхом

Проснулся я поздно. Тетка уже ушла на работу. На столе чуть слышно гудел самовар. Рядом лежала записка от тетки крупными буквами, чтобы ел и пил и дом запирал.

Я выскочил во двор: во дворе были лужи и солнце... От мокрого навеса подымался пар. Я открыл засов на задних воротах и выбежал в поле.

С берез еще капало, воробьи чирикали как сумасшедшие. На краю деревни, у самого леса, виднелись колхозные конюшни. Я перескочил через плетень и побежал задами. Я прыгал по глинистой волнистой тропинке, которая шла по картофельным бороздам. Картошка только зацветала, зеленая, сочная. Между борозд стояла вода. Я шлепал босыми ногами по лужам,— лужи были холодные, а земля совсем теплая... Нет, хорошо все-таки в деревне!

Около конюшен было пусто. Только две лошади стояли привязанные у телеги и махали хвостами — одна — гнедая, другая — вчерашняя, рыжая. Я заглянул в конюшню: двери были открыты настежь, бревенчатый пол чисто подметен.

Рядом, в новеньком сарае, кто-то возился. Я пригляделся и увидел Курхома. Он снял с гвоздя хомут и прошел мимо, как будто меня и не было. Он был в трусах, вся его широкая спина была в рыжих веснушках. Курхом положил хомут на телегу и стал отвязывать гнедую. От хомута пахло дегтем и лошадиным потом.

Я сразу забыл про вчерашнее. Я сказал:

— Дай запречь!..

Курхом оглянулся и стал на меня глядеть, как будто в первый раз увидел. Он глядел долго, потом медленно сказал:

— Ну, запрягай...



Курхом свистнул, ухватил лошадь за холку и вскочил на нее.

Я сразу понял, что он хочет поиздеваться. Я взял у Курхома лошадь, надел седелку, хомут,— а он сидел на телеге и глядел. Я ввел лошадь в оглобли, вложил дугу в левый гуж и чуть-чуть испугался: вдруг не с этого гужа начинать? Но Курхом не заметил. А когда я стал взнуздывать, Курхом подошел, и я увидел, что он совсем размяк:

— Сойдет,— сказал он,— только чересседельник в другой раз не перетягивай, а то холку хомутом набьет, понял? Ты чей, Николай Михайлыча сын, а? К тетке Анне приехал, да?

А потом отпустил чересседельник и сказал:

— Так на Гнедом и будешь ездить, если хорошо за ним глядеть будешь. Я председателю скажу.

Он мне тут сразу понравился. И когда мы стали рыжую запрягать, я спросил:

— А где же эта... вороная?

— Зорька-то? Я ее на тяжелую не беру, жалею. Видал, какая лошадь? Только этой зимой объездил. Она дикая — во! Полукровка из Ворошиловского совхоза.

Тогда я спросил:

— А вы чего вчера на этого мальца набросились, Васькой, что ли, его зовут?

Он вдруг ужасно разъярился:

— А ты его не разглядел, что ли, да? Ты думаешь, это он сам вчера на коня залез? Да пока мы его на лошадь вкинули, он орал как резаный! Ты, может, думаешь, он лошадь запряжет, да?!

Я сказал:

— Ничего я не думаю, — а я и верно ничего не думал, — почем я его знаю?

И мы поехали за сеном.

Васька

А вечером этого самого Ваську прислали за чем-то к тетке. Тетки не было дома. Я сидел на полу и разбирал книги— я целый чемодан книг с собой привез — и никак не мог найти «Десять лет спустя». Я вывалил на пол все книги — и старые и новые. Я боялся, что дома оставил, и даже не обернулся, когда скрипнула дверь.

Васька постоял у двери и подошел ко мне:

— Дай поглядеть...

Я сказал:

— Гляди.

Он вытер руки о штаны и присел на корточки около меня. Я поглядел на него сбоку. Он был худой, волосы у него выгорели и торчали как у ежа, и нос острый тоже торчал, и коленки тоже. Он быстро, как птица, поворачивал голову, взглядывал в лицо и сразу опускал глаза. Я спросил:

— Ты в каком?

Он обернулся и сказал быстро:

— В шестом. И ты тоже? Ты про что больше любишь читать? Я — про все, а больше всего про путешествия...

Я спросил:

— А тебя почему так дразнят — Баланда-Африканда какая-то?

Он покраснел и залистал книгу.

— Это так... Это за расписание.

— За какое расписание?

— Ну, за железнодорожное, знаешь? Мне дядя подарил, он в проводниках ездит. Это в прошлом году. Я знаю станции, а они все дразнились. Они спросили: Ленинград — Кировск? Ну, я стал говорить... Ну там... Мга, Апраксин, Назия, Жихарево, Пупышево, Волховстрой, Кандалакша, Плесозеро, Пинозеро, Зашеек, Африканда, Хабозеро...

Мне стало интересно.

— И везде знаешь? И по всем дорогам? А в Ашхабад?

— Ашхабад — Ашхабадской железной дороги, — быстро сказал Васька и чуть запнулся... — Москва — Ашхабад, поезд № 7 и 8, мягкий, жесткий, вагон-ресторан... Рязань, Ряжск, Кузнецк, Сызрань, Куйбышев, Бузулук, Оренбург — это я большие станции говорю, а то долго — Актюбинск, Эмба, Аральское море...

— И ты все станции знаешь, все, все?..

— Ну, знаю... — сказал Васька.— Только это что, вот мне бы воздушное международное достать.

Я закричал:

— Да зачем это тебе все, зачем?..

Он придвинулся ко мне и взглянул своими птичьими глазами:

— А чтобы знать, где летают, а где нет. Понимаешь? Ты вот читал про Берда? Нет? Про такого американского летчика? Нет? Ох интересно, знаешь...

Он бросил книгу и стал быстро рассказывать и руками размахивал. И верно, было интересно. Мы взяли карту и стали смотреть по карте... Потом пришла тетка, и мы вместе пили чай. И стал Васька ко мне по вечерам ходить.

Днем я с ним не видался. Я с Курхомом на лошадях работал, а он с ма-

терью — в телятнике. Но Курхом, конечно, услышал, что Васька у меня бывает. Дня через два, когда мы собирались выезжать на поле, Курхом ко мне подошел и сказал, на меня не глядя:

— Сергей, ребята говорят... Это к тебе Васька ходит?

— Может, и ко мне. А тебе что?

— А я тебя спрашиваю, к тебе ходит?

— Ну и ходит! Ну и что?

— Ну и ходи сам с конюшни! — закричал Курхом.— Нашел тоже дружка...

Я сказал:

— А ты что, за председателя, что ли? Председатель скажет, тогда уйду. Понятно? — прыгнул на телегу и уехал за навозом.

Курхом два дня не разговаривал со мной, а затем отошел, потому что дружить со мной хотел и потому что я работал здорово, а ему это — самое главное. Он даже Ваську при мне перестал дразнить, и другие ребята тоже, а без меня еще хуже дразнили.

Трое

Так прошло все лето, и мне осталось жить в деревне только три дня и еще утро. Я лег поздно, и мне показалось, что я только заснул, когда вдруг услышал, как Курхом орет: «Сергей, Сергей!»

Я вскочил. Окошко было открыто — солнце ударило мне прямо в глаза... Тетка возилась у печки, и на всю избу пахло пирогами с капустой. Курхом появился в окне и закричал:

— Заспался, у-у! Пошли на Тутаевку хомуты заказывать.

Я глянул в окно — эх, и денек был на дворе! Я натянул скорее штаны, схватил со стола краюху хлеба, три огурца и выскочил на улицу. Тетка выбежала за мной.

— Куда, куда? А чай пить? А пироги-то? С капустой!

Я махнул рукой: некогда!

Мы побежали бегом по улице.

Под горой мы встретили Ваську; он тащил с ключа воду. Васька увидел нас, поставил ведра и закричал:

— Сергей, куда? И я с тобой!..

Я подумал: «А пусть идет!» — и крикнул Ваське:

— Валяй скорей!

— Я сейчас, я догоню! — закричал Васька и побежал с ведрами в гору.

Курхом ничего не сказал, только посмотрел, как он скрючился под ведрами, а коромыслом мотает его во все стороны, плюнул и потом всю дорогу шел один впереди. А мы с Васькой ели хлеб с огурцами и говорили про Ричарда Львиное Сердце и про Айвенго. Мы незаметно дошли до маленькой речонки; отсюда начиналась гора и высоко на горе была Тутаевка. Я крикнул Курхому:

— Вали один. Мы здесь подождем.

Под горой было жарко. Я снял рубашку и стал купаться. Потом мы ловили с Васькой руками малявок. Сидели, ждали, ждали... Страшно хотелось есть. А Курхом все не шел. Я даже заснул.

Когда я проснулся, солнце было низко и стало прохладно. Васька сидел на берегу и глядел на дорогу. С горы бежал Курхом и что-то кричал. Он подбежал злющий:

— Волынили до ночи. Маленьких, говорят, посылают... Айда напрямки на Тимохинские болота, а то по тракту только крюку давать.

Васька спросил:

— А пройдем? — и покраснел.

— Ты, может, и не пройдешь, я почем знаю,— пробормотал Курхом.—Айда, Сергей.

Мы перешли вброд речонку и пошли к лесу. Курхом говорил про какого-то председателя или бригадира, а я не слушал. Я еще не совсем проснулся. Где-то стучала молотилка, в Тутаевку в гору медленно шли коровы, на деревне лаяли собаки, кричали ребята...

А в лесу было тихо и сумрачно.

Мы шли быстро. Все молчали. Под ногами шуршали прелые листья. Дорога совсем заросла. Мы прыгали по гнилому бурелому, колючая ежевика путалась под ногами. Тропинка поднималась в гору. Вдруг деревья поредели и прямо в глаза ударило красное солнце. Полнеба горело как пожарище — и сразу белая курхомова рубашка, и лицо, и руки — все стало красное и ненастоящее...

Мы остановились на пригорке. Далеко под ногами зеленели болота, блестели озера. Круто вниз спускались лески и кустарники — желтые и темнокрасные. В низинах стоял туман. Где-то чуть слышно загудел самолет. И вдруг вынырнул из-за леса — и сразу кругом все зашумело.

Самолет пронесся совсем низко. Я подумал, как хорошо, верно, лететь над нашими лесами и видеть, как вьется в

лесах наша речка и как стадо пробирается к деревне...

Вдруг Васька дернул меня за руку.

— Знаешь, Сережка, что скажу...

Я поглядел на него и сразу увидел, что он всех Курхомов на свете забыл.

— Знаешь, что скажу... и я летчиком буду, знаешь? Чтобы скорей всех, куда никто бы не летал... Москва — Сидней, беспосадочный перелет, Москва — Рио-Гранде... Пятнадцать тысяч четыреста восемьдесят километров!

Так вот зачем ему понадобилось воздушное расписание!..

Курхом схватил сзади Ваську за штаны:

— О-о-о! Это ты?.. В летчики? Да тебя и в Красную Армию не возьмут, не то что в летчики!

И мне смешно стало — Васька на самолете! Я подумал: «Ну что он, правда, выдумал? Вот обязательно ему летчиком быть. А почему не учителем, например учителем географии. Все бы станции знал!» Я сказал:

— Это ты что-то не того выдумал... Знаешь, какие летчики бывают? Я Чкалова на заводе видал, вот как тебя. Вот это дядя! Они, знаешь, ничего не боятся. Я в газете читал: у одного летчика лыжа сломалась — нельзя ему на землю сесть. Ты думаешь, он с парашютом прыгнул? Он вылез на крыло, уцепился ногами, и стал чинить.

— А ты на дощанике весной не хотел ехать! — закричал Курхом.— У-у, летчик, тоже. Трус ты, вот кто!

И я тоже подумал: «Верно. Лезет куда не надо». А Васька отвернулся и молчал. Я поглядел — уши красные и шея как у цыпленка... И мне вдруг стало жалко, что он такой... несчастный какой-то. Я сказал:

— Да ладно, Васька, ты не больно-то. У меня, знаешь, дядька, говорят, маленький был, ноги крючком, голова — во, как арбуз! Такой дохлый был, вроде тебя. А теперь...

Васька повернулся вдруг и пошел вперед.

Подвиг

Мне сначала неприятно стало: вот так утешил, — а потом я обогнал Ваську и все забыл. Очень хорошо было идти под горку. В лицо дул свежий ветер, небо быстро темнело. Навстречу с болота тянулся туман. Мы скоро спустились вниз и попали в ольшанник. Ветки спутались над головой и закрывали небо. Стало совсем темно и сыро. Ноги разъезжались в жидкой глине, мы шлепали как попало. Курхом оглядывался на нас и почему-то злился. Мне показалось, что и он не очень-то уверен, пройдем ли мы.

Дорога спускалась все ниже, мы вязли в грязи по колено, под ногами стали попадаться бревна... Вдруг ольшанник кончился и начались гати. Кругом было болото и туман, густой, как молоко. В тумане, расплываясь, чуть белела впереди рубашка Курхома. Он прыгал по гнилым бревнам, бревна качались, под ними хлюпала черная грязь. Васька сзади скользил и падал, Курхом ругался, а я уж молчал. Мы шли страшно долго, и мне стало все равно... Внезапно болото кончилось и началась сухая дорога.

— Все в порядочке! — сказал Курхом и вытер о траву грязные ноги.

Туман остался на болоте. На небе появились бледные звезды. Теплый сухой ветер дул с горы. Мы побежали вверх.

Вдруг где-то заржала лошадь... Курхом бросился в кусты, а мы с Васькой за ним. Мы съезжали куда-то под гору по мокрому ивняку, по лицу хлестали сразлету ветки.

— Вот она... — крикнул Курхом.

Я продрался через кусты и увидел за курхомовой спиной болото. Другого берега не было видно в тумане. Резкий сладкий запах ударил мне в нос. Болото заросло, из тумана торчали лохматые кочки, на черной воде блестели круглые листья.

— Да где же она? — я оттолкнул Курхома и разглядел в стороне от нас, у самого берега, что-то черное.

Мы пролезли друг за другом по шаткому краю в высокий сухой камыш. Я увидел лошадь. Это была Зорька. Она стояла по брюхо в трясине и не шевелилась, ее гладкая шерсть покрылась грязью. Зорька вытянула к нам длинную шею и как будто ждала чего-то, уши у нее вздрагивали... И вдруг она заржала тоненько и длинно: Курхома узнала. Я видел, у Курхома задрожали губы, а он молчал. Я не понимал, чего они стоят, чего глядят. Я закричал:

— Тащи ее! — и прыгнул в воду.

Ноги у меня сразу ушли куда-то в мягкую грязь. Дна у нее не было... Я ухватился за осоку, осока оборвалась, я за-



Самолет пронесся совсем низко.

хлопал руками по черной воде, сердце у меня захолодело... Курхом подхватил меня подмышки и выволок на кочку. Мы держались друг за друга на одной кочке и тяжело дышали...

— Дурак, — сказал Курхом, — полез тоже. Пошли...

Мы полезли по кустам в гору... Лошадь жалобно заржала...

— Я здесь останусь, — закричал сзади Васька.

Я подумал: «А ну тебя!» — и побежал за Курхомом.

Мимо мелькали кусты и деревья, мы неслись с горы на гору, с листьев сыпалась роса, ветер свистел у меня в ушах...

— Наддай, наддай! — кричал Курхом.

Я бежал изо всех сил, я совсем замучился, а Курхом уходил от меня все дальше и дальше... Вдруг он остановился. Я чуть не сшиб его сразлету. Что такое? В темноте, под кустами, стоял какой-то малец и, разинув рот, глядел на нас... Курхом закричал:

— Где кони?!

Мальчишка махнул рукой в сторону. Курхом выхватил у него из рук узду и исчез в кустах. Где-то близко захрапела лошадь, раздался топот, и все стихло. Мальчишка захныкал.

Я шел тихо назад. В ушах стучало, рубашка на мне прилипла, по ногам шлепали грязные штаны... И в голове все перемешалось: и Зорька, и болото, и Курхом на чужой лошади...

Большущая желтая луна выползла из-за леса, все стало совсем другое, ветер стих. Где-то тоненько кричала птичка-

сплюшка: «Сплю-у, сплю-у». Туман налезал на меня со всех сторон... Я стал спускаться вниз. Мне показалось, иду долго, а из тумана кругом все торчал ивняк и все не было болота. Я вдруг испугался, что заблудился.

— Васька! — закричал я.

И Васька ответил где-то совсем рядом.

Я остановился и услышал страшное храпение. Я испугался, закричал еще раз изо всей силы:

— Васька!— пролез через густую чащу и разглядел над водой оскаленную запрокинутую лошадиную морду.

Васька поддерживал ее обеими руками. Он держался непонятно на чем, по пояс в болоте, весь скрюченный. Шапка наехала ему на глаза. Он не шевелился, он был как каменный. Я так и обмер:

— Васька! Да ты с ума сошел? Васька!

— Не кричи, — с трудом прошептал Васька, — опять биться начнет... Я на кочке, гнется она. Беги, скажи, чтобы скорее...

А я не мог уйти. Я бегал по берегу и все кричал:

— Вылезай, вылезай тебе говорят, вылезай сию минуту!

Я кричал «вылезай» и сам понимал: ну куда он вылезет, а лошадь? Васька молчал. Я будто с ума сошел. Я полез ползком в гору, падал на кочки, тыкался головой в какие-то колючие ветки. Потом выбрался на дорогу и побежал. Я ничего не видел, только Ваську в болоте и лошадь и кричал кому-то:

— Дяденьки, скорее, помогите скорее!

Вдруг услышал: лошади скачут. Курхом стоял на передней телеге, растопыря ноги. Он крутил над головой вожжами и кричал диким голосом; пристяжные неслись по кустам. Я отпрыгнул в сторону, Курхом меня не заметил... Я выбежал на дорогу и замахал руками — вторая телега остановилась. Ваня Терехин, наш гармонист, втащил меня, лошади дернули, по ногам запрыгали какие-то колья, топоры... Телегу мотало во все стороны. Дядя Василий, еще двое и председатель сидели в телеге, держались за что попало и кричали друг другу на ухо. А Ваня Терехин закуривал. Огонь задувало, и Ваня все чиркал спичками.

Вдруг лошади остановились на всем скаку, мы попадали друг на друга.

— Сюда! — закричал Курхом.

Все с кольями и топорами попрыгали с телеги, под ногами затрещали кусты. Я бежал за Ваней и боялся подумать, что я увижу...

— Да где же она? — закричал рядом председатель.

Курхом растерянно крикнул где-то впереди:

— Я и сам не знаю, где! Васька!.. Васька! Вот чорт! Останусь, говорит!

Я оттолкнул Ваню и выскочил вперед. Здесь они должны быть, вот и камыши, и кочки, и кусты подломаны... От лунного света и полосатых теней все перемешалось — я ничего не мог разобрать... И вдруг я увидел васькину шапку... И все тоже увидели и замолчали. Только зорькины зубы торчали из воды и ноздри раздувались, жадно хватая воздух. Лошадь храпела длинно, со свистом. Васька вцепился ей в морду и будто ничего не слышал. Черная вода дошла ему до груди. Мне показалось, я вижу страшный сон и сделать ничего не могу и проснуться не могу, а Васька все уходит и уходит под воду...

Председатель крикнул над ухом:

— А ну, Вась, подержись, браток!

И все будто проснулись, закричали, засуетились. Курхом тоже надрывался и тащил куда-то дядю Василия. Председатель замахал руками:

— Потом разберем. Вали, ребята, руби кусты.

Кругом затрещали ветки, застучали топоры. Председатель ощупывал сапогом подмытые кочки, тыкал палкой в вязкое дно. Ваня по колени в болоте кричал:

— Слеги давай, давай живей!

Ему кидали доски, колья, которые притащили с телег. Они с дядей Василием укладывали их вперекрест по кочкам, а сверху валили хворост.

Я таскал ветки, прыгал по кочкам и все глядел на васькину шапку и думал: «Вдруг не поспеем...»

Хворосту накидали целую гору. Ваня прыгнул сразлету на ветки и закричал:

— Иван Макарыч, айда, пройдем!

Все сбежались на берег. Председатель подтянул сапоги и сказал тихо Ване:

— Я подхвачу, а ты — мальчонку, понял?

Ваня кивнул головой. Председатель осторожно зашагал по настилу, щупая дорогу... За ним шаг в шаг пробирался Ваня. Ветки гнулись, под настилом хлюпала



— Не кричи,— с трудом прошептал Васька,— опять биться начнет...

грязь... Мы стояли не дыша. Вдруг Васька сказал чуть слышно:

— Я стою... Иван Макарыч... Я на кочке...

— Ладно, молчи уж...— сказал председатель.

Он подошел совсем близко к васькиной шапке, прочно уперся в настил ногами. Потом резко нагнулся и высоко задрал зорькину морду. Зорька страшно захрапела. Ваня подлез председателю под руки и ухватил Ваську подмышки. Колья треснули, настил качнулся, председатель и Ваня с Васькой на руках провалились по пояс. Несколько человек бросилось Ване на помощь.

— Живем! — закричал Ваня.

Шапка у него свалилась в грязь. Его подхватили со всех сторон под руки, и он выскочил по кочкам на берег. Васька болтался у него на руках. С него текла вода. Я дергал сзади Ваську за руку, а он ничего не говорил... На меня со всех сторон полетели пиджаки, куртки. Курхом тоже сунул мне в руку рубаху и убежал.

Мы положили Ваську в кустах на тулуп. Я стягивал с Васьки грязные штаны и рубаху, натягивал сухую и все что-то говорил ему, говорил, что все хорошо, что Зорьку спасут... Я очень рад был, а он только зубы стиснул и весь дрожал...

А на берегу кричали и спорили. Я навалил на Ваську всю одежду и закричал ему в ухо:

— Сейчас приду...

Председатель, по пояс в болоте, держал одной рукой Зорьку и кричал на Ваню. Ваня, мокрый до головы, возился под водой с веревками. Подвязывал их лошади под брюхо и за хвост. Я схватился со всеми за веревку...

— Что б сразу, ребята! Готовы? Ну, раз, два, взяли!

Мы навалились сразу на веревку. Председатель запрыгал по кочкам к берегу, расшвыривая колья. Зорька ушла под воду. Ее перевернуло — ноги задергались в воздухе, кругом запрыгали пузыри...

— Жив-вее!!— заревел председатель.— Раз, два, взяли! Раз, два, сразу!!

На меня навалился спереди Ваня, грязной спиной спихнул меня с кочки.

— Раз, два, дружно!.. Раз, два, взяли!

Зорьку выволокли на берег. Она уткнулась мордой в грязь. Из разодранной кожи текла кровь. В горле у нее булькало. Вдруг она длинно передохнула, и бока у нее часто заходили... Она подняла голову и задергала ногами: захотела встать.

— Теперь отойдет, — сказал весело председатель.

От него шел пар, рубаха на плече разодралась. Все кругом стояли грязные и веселые. Ваня, весь в тине, выливал из шапки воду. Председатель вытер рукавом потное лицо и сказал:

— Ну, герой-то наш как?

Все подошли к Ваське. Я оглянулся: Курхом мокрой травой смывал с зорькиной морды грязь. Потом тоже подошел и остановился сзади. На Ваську ярко светила луна. Он лежал с закрытыми глазами. Председатель присел на корточки и заглянул ему в лицо:

— Ну, как, Вась, дышишь, а?

Васька медленно открыл глаза, поглядел на нас и опять закрыл. Все молчали.

— В больницу его надо,— озабоченно сказал Иван Макарыч и поднялся.— Пойдем, братва, кончим с лошадью—одну ее не оставишь. Вань, снеси-ка мальчонку на телегу.

— Я сам снесу!— Курхом вдруг повернулся и бросился к Ваське.

Я закричал:

— Пусти!..— и схватил Ваську подмышки, а Курхом подхватил его за ноги.

Мы приволокли Ваську и уложили на мягкое сено.

Я осторожно залез на телегу и уселся на чей-то тулуп. Курхом сказал:

— Сергей, а чего ж он молчал-то, когда я звал? А если бы не нашли...

Я дернул его за рукав:

— Тише ты, не видишь — спит!

Вдруг губы у Васьки дрогнули, он улыбнулся и открыл глаза. И глаза у него были живые, веселые даже.

Я страшно обрадовался, хотел закричать, но тут в кустах зашумело: наши возвращались с болота. Я вскочил и замахал руками:

— Иван Макарыч! Иван Макарыч!

Председатель выскочил из кустов:

— Что случилось? Ты чего?

Васька приподнялся.

— А-а! Оживел, браток?— сказал председатель.— А я-то думаю: что я теперь твоей мамке скажу? Ну чего ж, домой теперь, значит, на печку?

— Ага,— сказал Васька и улыбнулся.

Дядя Василий прыгнул на телегу.

— Поехали!.. Живо!

Фото Ю. Ярославцева.



В XXV Международный юношеский день молодость завладела улицами и площадями наших сел и городов. Алели в воздухе знамена и транспаранты, в вечернем небе скрещивались лучи прожекторов, радио разносило на весь мир звонкие песни, смех, твердую поступь советской молодежи.

Юноши и девушки нашей страны, выходя в Международный юношеский день на демонстрацию, рапортовали большевистской партии, любимому Сталину о том, что сделали они, чего добились и достигли за прошедший год. Как, выполняя решения XVIII съезда партии, строят они железную дорогу в опаленных солнцем степях Казахстана, как на Волге, близ города Куйбышева, воздвигают они самую большую в мире плотину, как сооружают они в Москве завод, где будут делать удобные, дешовые, малолитражные автомобили, как комсомольцами, счастливой советской молодежью осваивается Дальний Восток...

Дальний Восток! Край-пограничник. Богатый и красивый. Любимый край советской молодежи. Каждый день поезда увозят на Дальний Восток сотни молодых патриотов нашей родины. Посмотрите, какие веселые лица у отъезжающих. Они гордятся тем, что Ленинско-Сталинский комсомол послал их на Дальний Восток, что они едут туда, где волею советского народа воздвигаются новые города, строятся гиганты-заводы, где через тайгу и горные хребты прокладываются дороги.

Мы рассказываем в этом номере «Пионера» о Дальнем Востоке, о его природе, о его богатствах, о людях, которые перестраивают этот край и охраняют его от врагов.



Я навсегда полюбила этот край

В. Хетагурова, *депутат Верховного Совета СССР*

Прошло уже семь лет с того дня, когда я, семнадцатилетняя комсомолка, вместе с группой товарищей выехала на Дальний Восток. Я полюбила его еще дорогой, которая то вьется между скал и сопок, покрытых непроходимой тайгой, то пересекает большие реки.

Неизгладимое впечатление произвело на меня озеро Байкал. По самому берегу, огибая озеро, змеится дорога. Кругом огромные сопки, на вершинах их снег. Мы проезжали Байкал, когда всходило солнце. Снег на сопках казался розовым, а озеро — бездонным и глубоким.

В Байкал впадает свыше трехсот различных рек, а из него берет свое начало могучая река — красавица Ангара, на берегах которой раскинулся большой сибирский город — Иркутск.

Чем дальше мы ехали на восток, тем больше и больше встречалось совершенно не заселенных мест. Цвели черемуха, дикие яблони. И невольно думалось: у нас в стране есть много городов и сел, в которых не хватает земли, а здесь такой простор, такое приволье.



Я решила поехать работать в тайгу. Ехать пришлось вниз по широкой, полноводной реке — Амуру. Плыли на стареньком колесном пароходе «Свобода». Мы всю дорогу смеялись над нашим пароходом. Он слишком злоупотреблял своим названием и вез нас по принципу «Хочу еду, хочу—нет». Пароход то останавливался грузить дрова, то наскакивал на мель, скрипел и пищал, как немазаная телега. Места, по которым мы проезжали, были изумительно красивы. Я никогда не видела такой широкой реки, как Амур. Я стояла на палубе парохода и любовалась отвесными скалами, покрытыми лиственницей или березой, берегами, замечательными заливными лугами. Местные старожилы рассказывали нам о богатствах Дальнего Востока. Мне все это казалось каким-то чудесным сном, сказкой, и я боялась проснуться. Когда мы пристали около небольшого села, один из спутников сказал мне, что на месте этого села совсем скоро будет построен город — Комсомольск. Я ходила по поселку, за которым глухой стеной начиналась тайга, и думала: «Много лет пройдет, много воды утечет в Амуре, пока на этом месте из тайги и болот вырастет настоящий город».

Я ошиблась... Да разве могла я тогда думать о том, что спустя пять лет здесь будут построены и заводы и большие каменные дома, что население молодежного города Комсомольска изберет меня депутатом Верховного Совета СССР?!



Пять лет я прожила в дикой живописной бухте Татарского пролива. Меня никогда не тянуло обратно в Ленинград. Мы строили дома, воздвигали сооружения, укрепляющие границы родины. Скучать было некогда. В выходные дни мы лазали по сопкам, ходили на охоту, ловили рыбу. Там впервые я увидела изумительное зрелище. Весной из моря в пресные реки идет метать икру горбуша. Она идет такой тесной и сплошной стеной, что поставишь в воду палку — и палка стоит, как будто ее кто-то крепко держит под водой руками.

Помню, как во время хода горбуши один командир убил медведя. Мишки любят полакомиться рыбой. Командир-охотник вышел на полянку к берегу реки и увидел замечательную картину. Недалеко от берега по брюхо в воде на задних лапах стоял мишка. Передними лапами он искусно ловил рыбу и, не поворачиваясь, бросал ее на берег. Увлеченный этим занятием, мишка не замечал, что брошенная им рыба до берега не долетала и падала обратно в воду. Решив, что рыбы наловлено достаточно, мишка приятно фыркнул, вытер лапами вспотевшую от работы забавную морду и повернулся к берегу, намереваясь вкусно позавтракать. Но рыбы не было. Страшно рассерженный, медвежонок встал на задние лапы и заревел. Командир, еле удерживаясь от смеха, прицелился и выстрелил.



Был и такой случай. Красноармейский повар сидел около кухни и ждал, когда привезут воду. Но подвода с водой почему-то задерживалась. Тогда повар взял два ведра, черпак и пошел к ручью, чтобы набрать немного воды. Подходит к ручью, смотрит: какое-то длинное животное с прекрасным золотисто-коричневым мехом неспеша пьет воду. Повар подкрался и так ловко бросил черпак, что уложил его на месте Животное оказалось выдрой.

Богат животный мир дальневосточной тайги. Здесь есть и маленькие зверюшки: белка, бурундук — и большие дикие животные: олени, кабаны, дикие козы, а в приморской тайге можно встретить уссурийского тигра. Природа у нас очень разнообразна. В лесах вызревает дикий виноград, растут грецкие орехи.

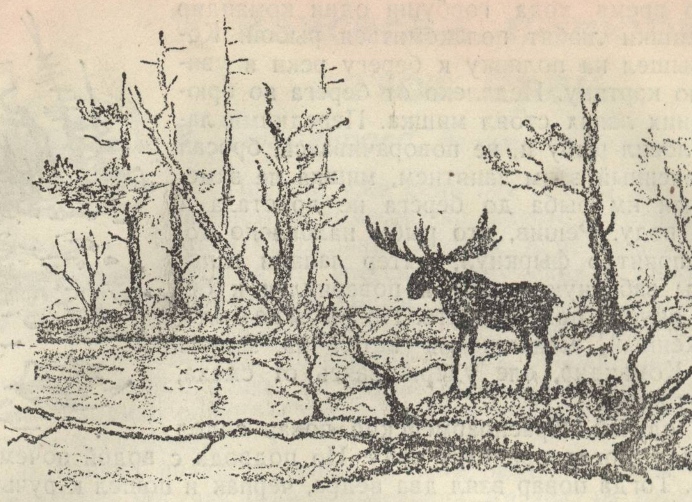


На Дальнем Востоке есть все: золото, нефть, уголь, руда, лес, рыба, пушнина. Единственное, чего там не хватает,—людей Весь Дальний Восток имеет немного больше двух миллионов жителей; это в два раза меньше чем в Москве Много еще потребуется людей, чтобы разведать и освоить все богатства Дальнего Востока.

Тот, кто хоть раз побывал на Дальнем Востоке, кто вложил в его процветание каплю своего труда, — тот навсегда полюбил этот край Там себя чувствуешь каким то особенно нужным человеком. Почти все—от мала до велика—наряду с работой и учебой занимаются военным делом: сдают нормы на значки ГСО, ПВХО, учатся стрелять, чтобы в любую минуту, если потребуется, умело и стойко защищать советские границы.

Мы получаем много писем от ребят, которые стремятся на Дальний Восток. Мой совет вам: учитесь! Растите смелыми, мужественными, прямыми и честными. В Советской стране много людей, которые могут служить вам примером; будьте такими, как наши незабвенные герои Чкалов, Серов, Полина Осипенко. Становитесь специалистами и приезжайте к нам. Дальний Восток можно и нужно сделать самым красивым, самым культурным и богатым краем нашей великой социалистической родины.





Вечер в тайге

Мих. Спиров

Рис. Б. Берендгофа

Вышли лоси из тайги безмолвной
У реки напиться до зари,
Но кострами вспыхивают волны
Многоводной бурной Уссури.

Вечер тих, безоблачен и ясен,
Вот родник мурлычет под сосной,
Старым кедрам что-то шепчет ясень,
Тает день, как рыхлый снег весной.

Пролетает филин — гость случайный,
Взмах крыла — и тонет в синеве.
На костре побулькивает чайник,
Кружки остывают на траве.

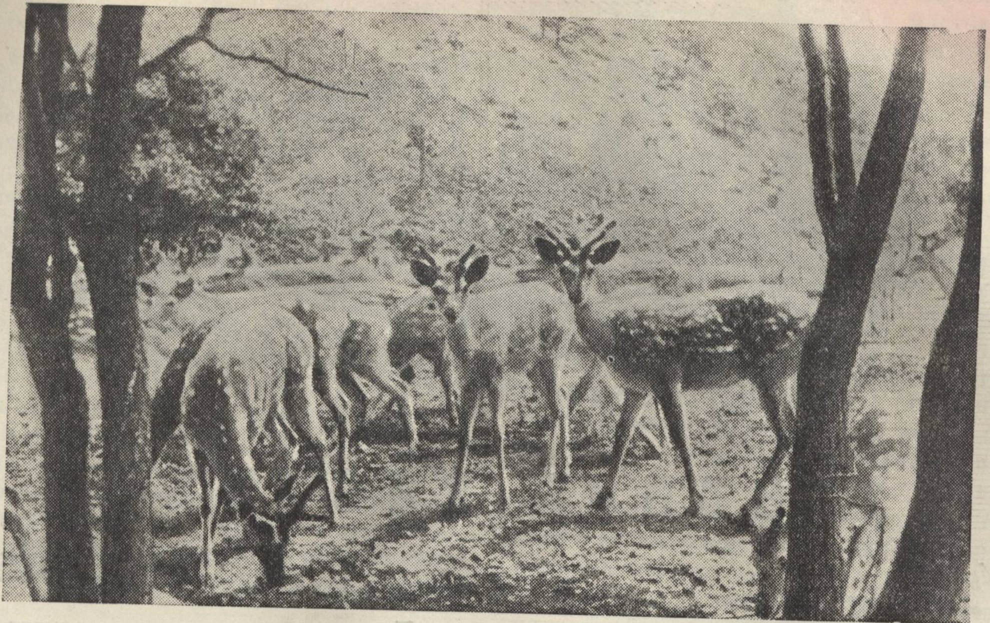
Скоро все задремлет понемногу,
Только будет тлеть издалека
Угольком упавший на дорогу
Огонек холодный светляка.

Скоро хлопья сизого тумана
Занесут овраги до утра.
Сыростью потянет с океана,
С бухты Ольги вырвутся ветра.

Над тайгой луна большая светит.
Кедр скрипит, высок и нелюдим.
Словно поднимаются медведи,
Лапами царапаясь под ним...

Росы с веток падают на плечи,
Легкий шорох листьев под ногой.
Кто тайгу услышит в этот вечер,—
Тот всю жизнь братается с тайгой!





В тайге и тундре Дальнего Востока водится много разных зверей. Соболь и горностай, белые и голубые песцы, медведи и россомахи, пятнистые олени и даже тигры и леопарды. НА СНИМКАХ: молодые изюбры (пятнистые олени) в предгорьях Сихотэ Алиня; медведь в уссурийской тайге.

Фото А. Ливанова.





Лесная застава

В. Мусин

Рис. В. Константинова

В лесу, где сквозь листья деревьев с трудом проскальзывает луч солнца, одиноко приютилась у большого дерева избушка старого лесника Михея Давыдовича Донова.

С рассветом выходит Михеич в обход. За плечами старенькая берданка. На боку небольшая сумка с припасами. На спине мешок и неразлучный котелок. Неторопливо осматривает он лес, прислушивается к шорохам, изучает, запоминает многообразие лесной жизни. Примечает деревья, гнущиеся к земле и уже ослабевшие («Может быть, срубить?»), поглядывает за жучками-короедами. У каждого деревца: у осины, у сосны, у березы — свой враг. Нужно его быстро распознавать, бороться с ним, уничтожать.

Михеич уходит в глубь леса. Он разговаривает с собакой Буяном, шутит с ней, смеется, а то начинает тихо петь свои импровизации:

«Сегодня в лесу
Зайцы съели лису,
А еще беда:
Козы волка разорвали —
Не бывало никогда».

Особенно хорошо в уссурийской тайге летом, перед рассветом. Тайга, как зачарованная, молчит. Еще темно. Но в ночной синеве уже появляются серые тени. Белеет восток.

Проходит еще несколько минут — и восток уже окрасился в алый цвет. По небесному куполу из одной точки на горизонте ринулись стрелы желтых лучей, и над тайгой поднялся красный круг солнца. Тайга наполнилась разноголосым перезвоном птиц. Меж коряжистых лап старого кедра скользнул бурундук и исчез. Прижав уши к спине, на поляну выскочил заяц, стал на задние лапы, оглянулся и, убедившись, что опасности нет, начал скусывать веточки кустарника. Вдруг он замер: где-то хрустнула ветка. Заяц моментально скользнул в кусты.

Шаги ближе. На опушке появился Михеич, привычным глазом осмотрел знакомое место, сел на пенек перекурить...

★

Более восемнадцати лет Михеич служит объездчиком. Лес исхожен до последнего, самого незначительного, затерянного в траве ручейка. Знает он все человеческие и звериные тропы, изучил он повадки больших и малых зверей, знает, где сколько леса вырублено, сколько вывезено. Помнит, где и когда были лесные пожары.

Одинокая жизнь Михеича полна борьбы и напряжения, забот и трудов: он охраняет и растит лес, следит за цветением молодняка, регистрирует смерть стариков.

Случается Михеичу летом увидеть медведя. Он не шумит. Тихонько наблюдает, как медведь орудует у пня: собирает ягоды или ловит рыбу.

У медведя летом шкура плохая, мясо нежирное. Посмотрит Михеич минут десять, а потом улюлюкнет своему лесному другу. А тот со всех ног да в кусты — только треск по лесу.

Много раз Михеич хаживал на медведя. Бил и рогатиной, и ножом, и даже брал живьем.

Было у Михеича два улья. И вот однажды повадился молодой медведь на маленькую пасеку. И Михеич задумал озорника поймать живьем. Для этого он приспособил большой долбленный улей. Верх улья крепко забил, а в днище сделал дверку. Внутри улей густо смазал медом. Эту ловушку он положил на землю. Но, чтобы медведь скорее нашел улей, от улья в разные стороны положил три жерди, также смазанных медом.

На этот раз Михеич не пошел в лес, а решил подождать непрошенного гостя. Вскоре послышался треск веток: медведь вышел на поляну. Вот он наткнулся на жердь. Не торопясь, с удовольствием, начал облизывать мед. Когда медведь дошел до улья, он в нерешительности остановился и с любопытством заглянул внутрь. Соблазн победил: мохнатый лакомка с трудом пролез в улей. В ту же минуту Михеич закрыл дверку. Медведь остался в ловушке.

...Старик отдохнул. Приподнялся с пня. Окинув взглядом поляну, забросил за спину берданку и пошел по чуть приметной тропке дальше в лес.

★

Лес глухо шумел. Где-то, высоко над головой, мерно покачивались могучие вершины кедров, где-то отсчитывала свое бесконечное «ку-ку» бездомная кукушка.

На полянах рубиновыми пятнами алела тигровая лилия. Острый взор старика отмечал черно-желтые пятнышки на верхней стороне лепестков и нежный войлок на нижней.

Хорошо в лесу иметь зоркий взор, острый слух. Много видишь, много слышишь и, кажется, даже понимаешь, о чем шепчет светлозеленая осина.

Да, хорошо в лесу иметь острый глаз и чуткий слух. Не будь этого у Михеича, он, может быть, и не услыхал бы тихих шагов за сотню метров. Михеич направился в ту сторону и вскоре встретился с человеком.

— Здорово, охотничек,— дружески протянул незнакомец руку и любезно предложил закурить.

Михеич взял папиросу. И, рассматривая на ней незнакомую марку, между прочим, спросил:

— Вы по каким делам в тайгу пожаловали?

— Я ботаник. Приехал кое-что изучить,— непринужденно отвечал незнакомец.

Выбрав удобную минуту, Михеич вскинул ружье и скомандовал.

— Ложись! Руки вытянуть вперед!

Потом, неторопясь, спокойно отобрал оружие:

— Знаем мы вас, ботаников-охотников за чужим лесом...

И повел незнакомца на заставу.

★

Восемнадцать лет не прошли даром. За эти годы узнал Михеич привычки и тропы двуногих зверей, вооруженных маузерами и гранатами.

Хитер и изобретателен этот зверь; он встречается то под видом заблудившегося охотника, то под видом топографа. Но Михеича не проведешь. С этим зверем у него особые счеты.

Как-то раз он также вот шел неспеша по лесу, присматривался к причудливым кружевным кронам бархатного дерева, к стремительно бегущим вверх тонким стволам актинидий, к листве винограда, к колючим стволам аралий.

Вечерами Михеич долго не гасит свет в своей избушке. Ему кажется, что кто-нибудь из колхозников-охотников, завидев огонек, зайдет, принесет новости. Он ждет до поздней ночи, выглядывает в окно и видит только лес, освещенный большой луной.

Однажды долго засиделся Михеич. Время было далеко за полночь. Перед сном вышел из избушки посмотреть Буяна.

...Ночь. Глухая, таежная ночь. Высоко над лесом сияет бледная луна... Где-то звонко капает вода и стрекочут кузнечики. Какая-то ночная птица пронеслась мимо на своих мягких крыльях. Приласкав Буяна,

Михеич вернулся в избушку и тотчас же, потушив свет, лег спать.

И вдруг он услышал тихое ворчанье Буяна. Михеич быстро подошел к окну. К избушке нерешительно шел человек. Останавливался, прислушивался и снова делал несколько шагов вперед. Михеич на всякий случай зарядил ружье и поставил за занавеску, в угол. Буян заворчал громче, Михеич вышел навстречу незнакомцу.

— Цыц, Буян! На место!

Успокоившись, Буян лег.

— Проходи, дорогой, проходи,— обратился Михеич к стоявшему в десяти шагах от него человеку.— Из города, что ли?

Ободренный спокойным голосом Михеича, ночной гость подошел ближе.

— Из города. Я научный работник. Моя фамилия Селезнев.

Оба зашли в избушку. Михеич торопливо приготовил чай и предложил гостю. Человек отказывался.

— Мне бы в колхоз скорее попасть. Далеко ли еще осталось?

Михеич спокойно поднял глаза на Селезнева.

— Колхоз? Да он остался у тебя позади километров на двадцать. Как же это ты прошел его?

Человек насторожился.

— Прошел? Ты шутишь, дед?

— Какая тут шутка! Наверное, впервые в этих местах — вот и заблудился.

— Впервые.

Селезнев встал:

— Покажи дорогу, пойду.

— Час поздний, заночуй,— предложил Михеич.— Утречком быстренько дойдем.

Селезнев не соглашался оставаться до утра. Решительно направился к дверям.

— Ладно, пойдем,— сказал твердо Михеич и взял ружье.

— Зачем ружье? — спросил с нескрываемым беспокойством Селезнев.— Оставь.

— Что ты? В тайгу и без ружья?

Рука незнакомца быстро скользнула в карман. Михеич уловил это движение. Энергичным, сильным ударом он свалил Селезнева и всем телом навалился на него. В следующую секунду «гость» был разоружен.

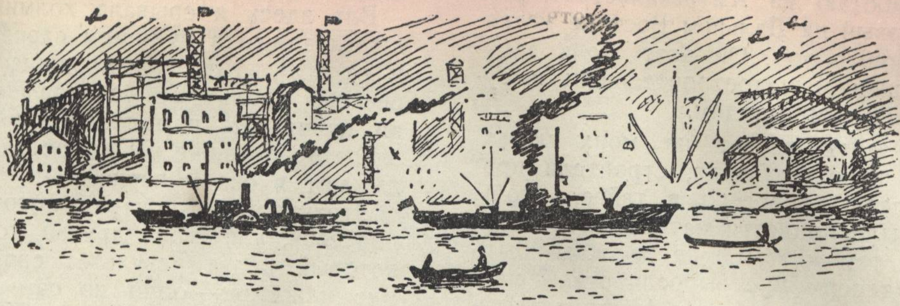
— Медведя ворочаю, как малое дитя, а с тобой-то уж справлюсь! — приговаривал Михеич, связывая «научного работника».— До рассвета осталось немного. Лежи спокойно. Шутить не люблю. Чуть-что — разом изничтожу. А я попью чайку на дорожку...

Чуть свет Михеич повел задержанного на заставу. На этом кончилась «научная работа» ночного гостя.

★

Любит Михеич тайгу. Оберегает ее как что-то родное и близкое. Зря и стебелька не сломит. И если появится враг, Михеич не даст ему топтать родную землю. Его избушка для врагов — грозная лесная застава.





Для чего я поехала на Дальний Восток

(Письмо комсомолки)

Нас было четыре закадычных подруги. Мы вместе учились начиная с четвертого класса и до десятого. Вместе готовили уроки, вместе ходили по выходным дням на утренники в театр драмы и потом всегда ссорились. У каждой был свой любимый актер, и каждая хвалила именно его. Мне больше всего нравилась игра Симонова. Весной мы ездили вчетвером в Петергоф, любовались его знаменитыми фонтанами; все мы были влюблены в свой город — Ленинград — и страшно гордились тем, что мы ленинградки.

Но вот наступили последние месяцы школьной жизни. Надо было решать, куда идти дальше, чем заняться, окончив школу. Теплыми весенними вечерами ходили мы по набережной Мойки и говорили, говорили до одурения. Решить вопрос оказалось не так-то просто. Столько перед нами открывалось дорог, столько заманчивых перспектив, что мы не знали, куда броситься.

— Девочки, я решила твердо,— заявляла вдруг Нюша,— еду на зимовку и больше никуда!

— А что ты там будешь делать? — ехидно спрашивала ее Соня.— Обеда сварить — и то не можешь как следует.

— Ну, поступлю на курсы радистов,— не сдавалась Нюша.— Вчера в газете объявление было. Срок обучения — шесть месяцев, стипендия — 180 рублей.

— А мы из Ленинграда — никуда! — говорила Соня и смотрела на меня.

Дело в том, что мы с ней давно уже условились поступить в университет на ботанический факультет. Соня-то решила твердо, а я — не совсем... Зимой к нам приехал папин товарищ, инженер — строитель железных дорог. Он три года проработал на Дальнем Востоке и так интересно рассказывал об этом крае, что я готова была слушать его ночи напролет. Выискивая трассу для будущих железных путей, он изъездил и исходил по тайге сотни километров. Но больше чем рассказы о тайге захватили меня рассказы о людях, которые там работают. Были у него на участке техники — брат и сестра,— тоже наши, ленинградские. Он их направил в контору строительства, дал им хорошую комнату. Вдруг они приходят к нему обиженные, расстроенные:

— Павел Степанович, не хотим в конторе работать, пошлите нас на участок.

— Да ведь и в конторе люди нужны,— увещевал он их.

— А мы хотим туда, где потрудней,— говорили они и добились того, что их отправили на самый далекий участок, куда добраться можно только верхом на лошадях, потратив на это две недели.

После его рассказов я только и думала, что о Дальнем Востоке. Прочитала много книжек о тайге, об Амуре. И теперь мне предстояло окончательно решить, оставаться ли учиться в Ленинграде или ехать на Дальний Восток.

Дальний Восток победил! Я поехала работать в Комсомольск и ни чуточки не

жалею. Вот уже скоро восемь месяцев, как я работаю на Амурстальстрое. Это будет первый на Дальнем Востоке металлургический завод. Он даст сталь дальневосточным машиностроительным и судостроительным заводам.

Гигант-завод растет на моих глазах. Когда я приехала сюда, строители прорубали первые просеки в тайге, чтобы можно было подвезти материалы и механизмы к тем местам, где должны быть цехи. А теперь уже выросли стены мартеновского цеха, заложен фундамент кузнечного, вырыты котлованы для двух доменных печей. Мы стараемся выстроить завод в срок. И бывает так, что большие краны-деррики соберут стальной остов будущего цеха — столбы, перекрытия,— а внизу, под стальными балками, еще растут ели и кедры своими могучими кронами касаются балок.

Когда я только приехала сюда, то ничего толком не могла делать. Назначили меня табельщицей. Я записывала, кто сколько выработал, и сдавала ведомость в расчетный стол. Очень скоро такая работа мне наскучила. Я попросила, чтобы меня назначили учеником к машинисту экскаватора. Очень понравилась мне эта мощная машина, которая одним махом вынимает столько земли, сколько землекоп за три часа работы.

Прораб посмотрел на меня с недоверием: девушка — и на экскаватор! — но все же просьбу мою удовлетворил. Вначале трудно было. Ребята-экскаваторщики смеялись, когда я, стараясь изо всех сил, двумя руками переводила тяжелые рычаги. После работы болела спина, ныли руки. Но я не сдавалась. Прошел месяц, мускулы у меня окрепли, я научилась легко переводить рычаги. Рычаг от себя — и ковш экскаватора с грохотом падает вниз, вгрызаясь в грунт. Нажимаю рукоятку — и челюсти экскаватора захлопываются. Рычаг на себя — ковш, наполненный землей, медленно поднимается вверх.

Приятно управлять такой махиной! Ты маленькая, худенькая, а машина огромная, тяжелая — и все же ты ее хозяин! Машина тебя слушается, выполняет любое твое желание.

Но еще приятней видеть результат своего труда. Вот я рыла котлован, а теперь здесь уже высятся мартеновские печи, и скоро, совсем скоро горновой ударит ломом по лётке и польется в изложницы первая дальневосточная сталь...

Вот здесь я срывала холмик, прокладывая аллею в будущем парке культуры и отдыха. А теперь дорожка посыпана песком, вдоль нее установлены скамейки, павильоны, и молодые ребята, только вчера приехавшие на Амурстальстрой, отдыхают в своем парке.

Это чувство строителя, который строит для себя, для своих друзей, товарищей и который видит результат своего труда, мне кажется,— одно из самых прекрасных чувств, которое может испытать человек. Я горячо желаю всем юношам и девушкам нашей страны испытать это замечательное чувство.

Подруги мои часто пишут мне, и я им отвечаю. Мы дружим, хотя разделяют нас 9 тысяч километров. Нюша добилась своего. Она окончила курсы радистов, в навигацию этого года ледокол отвезет ее на далекую зимовку. Соня перешла на второй курс ботанического факультета. Она пишет, что мои письма раздражают ее, что она готова бросить учебу и приехать сюда, в Комсомольск. Я, конечно, побранила ее за это. Ведь люди здесь нужны будут и через пять лет, и еще сколько людей!

Девочки спрашивают меня, скучаю ли я о Ленинграде. Конечно, скучаю. Иногда так хочется посмотреть хороший спектакль (здесь хорошего театра еще нет) или хоть одним глазком взглянуть на нашу чудную Неву, съездить в Петергоф. Когда кончим строить первую очередь завода, обязательно проведу отпуск в Ленинграде.

«А смогла ли бы я остаться в Ленинграде?» — задаю я себе вопрос и отвечаю: «Нет, не смогла бы». Не помню точно, но как-то очень хорошо писал Маяковский о земле, с которой вместе страдал и вырастал, что такую землю нельзя забыть, нельзя не полюбить. В эти цехи, что поднимаются у меня на глазах, в этот город, что растет вместе с цехами, вложено так много моих сил, мыслей, чувств, что он стал для меня самым близким и родным местом на земном шаре.

И буду ли я дальше работать на экскаваторе и строить вторую очередь завода или стану литейщицей, доменщицей, сталепрокатчицей,— с Амурстали я не уйду.

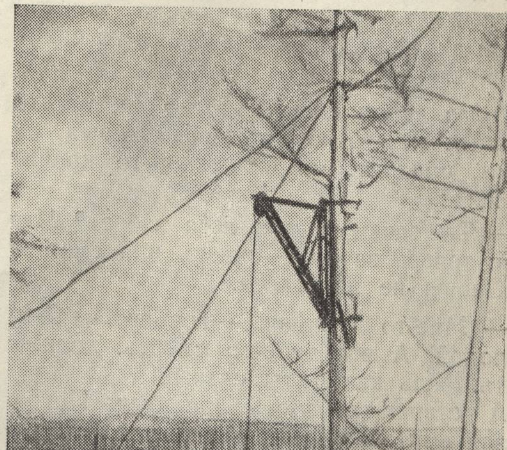
Люся Федорова,
Комсомольск на Амуре

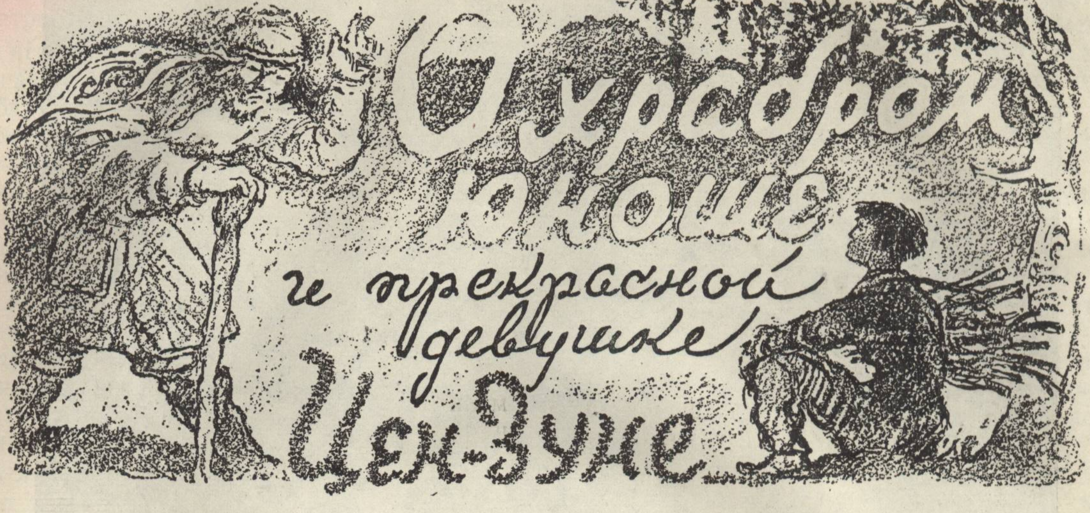


Этим ребятам по семи лет и городу, в котором они живут, — Комсомольску — тоже семь лет. Здесь была тайга. Еще и сейчас торчат кое-где несрубленные деревья, и тут же видны первые дома будущей улицы. Один дом совсем готов, другой еще в лесах. А справа на снимке — строительство «Амурстальстроя» роют котлован для прокатного цеха. Кронштейн с блоком строители прикрепили прямо к высокой сосне.

Фото Мих. Прехнера и И. Панина.







Записал В. Кучерявенко *Рис. В. Таубера*

Дальневосточная сказка

Юноша этот был сирота и служил батраком у богатого старика. Вот раз послал его старик в тайгу за дровами. Пошел он, нарубил две вязанки дров и тащит домой. А дорога — с сопки на сопку, с горы на гору — тяжело тащить. Устал он, сел да так с дровами на спине и уснул.

Долго ли он спал, коротко ли, только слышит: кто-то будит его. Открыл он глаза, смотрит: старик какой-то кричит на него:

— Ты зачем в мои леса забрел? Что тебе теперь за это — жизнь или смерть?

Юноша не испугался.

— Мне-то жизнь,— говорит. — Я-то молодой. А вот тебе-то смерть, должно быть. Ишь какой ты старый!

А старик-то волшебник был. Понравился ему этот юноша за то, что он умный да смелый такой, он и говорит:

— Чего хочешь? Все тебе дам. Хочешь золота дам столько, сколько дров у тебя, не то силу богатырскую.

— Если не шутишь,— сказал юноша,— дай ты мне силу богатырскую, а уж с силой-то я все себе добуду.

— Ладно, — говорит старик, — бери дрова, ступай, да не оглядывайся.

Вот идет юноша, ношу за плечами и не чует. Потрогал рукой — тут дрова, за плечами. Значит, и в самом деле старик-то ему силу дал богатырскую.

Подошел он к деревне — река бежит, широкая, глубокая, быстрая, Суй-Рирека. Ревет она, клокочет, пенится, в сопки несется! Взошел он на мост Татунгам — самый длинный в стране, мост — не мост, а так узкая, хлипкая жердочка над кипящей рекой с берега на берег перекинута. Оступись — и пропал!

Идет юноша по мосту, смотрит: девушка красивая посреди моста стоит, черные косы расплетает, на румяные щеки слезы льет.

Спрашивает юноша:

— Как тебя зовут? И что ты тут плачешь?

— Зовут меня Цен-Зуне,— отвечает красавица.— А плачу я потому, что старики хотят отдать меня в жены старому тигру. А по мне лучше в реку кинуться, чем замуж идти за старого тигра! Все равно он меня заест!

— Не плачь,— сказал юноша.— Пойдем со мной.

Пришли в деревню, старики увидали красавицу.

— Ты что же это,— кричат,— к тигру-то не пошла? Да он теперь из-за тебя нас всех заест! Вот уж тысячу лет мы отдаем ему в жены самую красивую девушку, и все девушки слушались, шли, а ты струсила! Ах ты!..

А юноша и говорит:

— Чего вы кричите-то? Чего вы трусостью ее укоряете? Она сейчас на мосту была, куда и мужчины-то боятся ходить. А если вы такие уж храбрые, так возьмите копья, мечи и убейте тигра. Тогда и девушек не надо будет ему отдавать и вам самим нечего будет бояться. Уж лучше его убить иль самим умереть, чем в страхе жить да такую дань ему платить.

Задумались старики, молчат. Тут и молодые были охотники, стоят, шепчутся.

— Ну что же вы?—говорит юноша.— Я первый пойду.

— Куда тебе! — говорят. — Тебе всего-то пятнадцать лет.

— Ну что ж, а все-таки первый пойду!

Взял он копье, меч, за ним и другие — стыдно им стало,— и все в тайгу пошли, к самой высокой сопке Пек-Тусан, где тигр жил.

Шли, шли, устали, да один за другим все и вернулись. Один юноша пошел вперед. Дошел он до сопки, она вся в цветах, рядом озеро Нупи блестит, на берегу древний, древний старик сидит, головою трясет. Смотрит юноша — красный цеток цветет, как огонь горит. Хотел он сорвать его, а старик как зарычит по-тигриному и обернулся страшным зверем.

Юноша вытащил меч — и в бой на тигра. Зашумели ветры, заходили волны по широкому озеру, загудела тайга, загремели громы, засверкали молнии в черных тучах.

Долго бились они. Тигр пощады стал просить. А юноша ударил мечом и рассек ему голову надвое. Потемнело все вокруг, и тигр упал мертвый. Юноша сжег его на костре, разбросал пепел по



Юноша вытащил меч — и в бой на тигра...

ветру, сорвал красный цветок и пошел через тайгу в обратный путь.

Пришел в деревню, все к нему с поклоном:

— Ты спас от смерти самую красивую девушку Цен-Зуне, так пусть она и будет твоей женой.

Юноша взял красавицу за руку и подарил ей красный цветок в знак свободы от страшного зверя.

Тут и музыка ударила, и все радовались, что теперь уже не надо будет платить дань старому тигру.

Давно это было, а народ и сейчас все еще поет песни про храброго юношу и про красавицу Цен-Зуне.



Почему у японцев обувь без задников?

Корейская сказка

А вот почему. Лет шестьсот назад, а может быть, и больше японцы переплыли на кораблях Японское море, высадились на берег Кореи и объявили корейцам войну Идут, гремят оружием. А корейцы — на них! Как начали их бить да теснить! Японцы-то и струсили.

Сначала генералы, а за ними и солдаты стали отступать, машут мечами, а сами пятятся, пятятся, пятятся.

Сам царь японский повелевает им: «Вперед идти!» А они уже не слушаются и все пятятся, пятятся, пятятся. Царь подкрепление шлет, но и подкрепление, глядит, тоже пятится, пятится, пятится.

«Что делать? — думает царь.— Как же мне войско-то остановить, чтоб не пятилось?»

Думал, думал и придумал, написал приказ:

«Повелеваю всем сапожникам шить башмаки без задников!..»

Сапожники обрадовались: «Чего проще—шить такую обувь? Вырезал подошвы, пришил носки — вот и готово!»

Нарядил царь все свое войско в башмаки без задников и после радуется:

«Ну уж теперь-то не будут отступать! Если у них храбрости нет, зато жадность есть. Как начнут пятиться, с них башмаки-то и свалятся. Им башмаков-то жалко станет, да и колко ведь по колючей траве босиком пятиться. Теперь уж они волей-неволей вперед пойдут!»

Вот какой он умный был — царь-то!

Только недолго он радовался. Глянул на войско, а оно башмаки растеряло и босиком уж пятится, пятится, пятится.

Так и прогнали тогда корейцы из своей Кореи японцев, ну а в Японии все-таки и по сию пору все сапожники шьют башмаки без задников.



Под зеленым вымпелом

С. Гарбузов

Рис П. Кузьмичева

Комиссар снял трубку телефона и несколько раз повернул диск

— Старшего лейтенанта Усцова... Здравствуйте, товарищ Усцов! Как горло?.. Как горло, спрашиваю?.. В порядке? То-то же! Помните: без моего разрешения не болеть...— сказал, улыбаясь, комиссар.— Зайдите ко мне...

Через несколько минут в дверь постучали.

— Товарищ комиссар, явился по вашему приказанию!

В дверях стоял высокий, статный юноша в белом морском костюме На белом фоне особенно выделялся коричневый загар лица и рук. Казалось, что на руке лейтенанта, приложившейся к козырьку белой фуражки, надета замшевая перчатка.

— Проходите, проходите...

Усцов прошел к столу комиссара пружинящей походкой человека, для которого качающаяся палуба корабля привычней, чем гладкий, устойчивый пол.

— Как люди? Как судно?

— Судно в порядке. Команда готова к выходу в море.

Комиссар поднялся:

— Вы получаете задание по охране государственной границы.

— Есть!

— Отправитесь на пост N Ночью выйдете в море Маршрут установите совместно с начальником поста в зависимости от обстановки. Отвалить,— комиссар посмотрел на часы,— в семнадцать ноль ноль.

— Есть отвалить в семнадцать ноль ноль

Усцову страшно хотелось быть серьезным, как и полагалось по обстановке Но двадцать три года, и ответственное задание, и яркий солнечный день, и то, что перестала его мучить ангина, о которой как-то дознался комиссар, брали свое. Как ни хмурил лейтенант брови, глаза его улыбались вовсю.

— Можно быть свободным?

Круто повернувшись, лейтенант вышел из кабинета.

★

Мы встретились с ним снова через два часа на берегу Золотого Рога

У причала, выстроившись в ряд, стояли маленькие остроносые суденышки По очертаниям они напоминали австралийские пироги, как их изображают в учебниках географии. Такие же вытянутые, устремленные вперед.

Так вот они, прославленные сторожевые катера, о которых с такой любовью рассказывали мне пограничники! Быстрые, хорошо вооруженные, они — гроза японских шхун, незаконно забирающихся в наши воды. Не одного такого хищного зверя изловили они.

Мы переходим на борт катера. Лейтенант Усцов быстро взбегает по ступенькам на капитанский мостик. Его движения порывисты, но точны. Он весь в кожаном кожаные брюки, кожаная куртка, кожаная фуражка со спущенным на подбородок ремешком.



Дозорные бесшумно перебрались через высокие валуны.

Поворот ручки машинного телеграфа. Внизу, в моторном отделении, раздается звонок. Запущены моторы. Весь корпус суденышка вибрирует и вздрагивает мелкой дрожью, будто боевой конь, заслышавший призывный звук трубы. Усцов вторично поворачивает ручку телеграфа — два звонка, и мы плавно отходим от причала.

Я посмотрел на часы: 17,00. Спрятал часы в карман, оглянулся, а уж причал, где стоят родные братья нашего катера, далеко-далеко.

Скорость скрадывает качку. Лишь изредка уж очень сильная волна подбрасывает судно, и тогда приходится сильней налегать то на правую, то на левую ногу, чтобы сохранить равновесие.

Жизнь на судне течет обычно и размеренно. Вахтенный протирает шваброй, казалось бы, и без того сияющую белизной палубу; внизу, в машинном отделении, мотористы чутко вслушиваются в ровный гул моторов, хлопочет в своем крошечном камбузе неутомимый кок, готовя команде ужин.

На носу комендор — белокурый краснофлотец с кимовским значком на груди — тренирует орудийный расчет. В этом расчете все комсомольцы. Они твердо решили занять в этом году первое место в отряде и теперь каждую свободную ми-

нуту учатся, совершенствуются в своем сложном деле.

— Орудие к бо...

И не успевает еще комендор договорить, как один краснофлотец молниеносно развязывает тесемки, стаскивает с пушки чехол и открывает затвор, другой поднимает крышку зарядного ящика, вынимает лоснящийся от жира снаряд и загоняет его в ствол. Затвор закрыт. Орудие к бою готово.

Давно скрылся из виду Владивосток. Мы идем по Амурскому заливу, мимо скалистых островов, изъеденных ветрами и морским прибоем. Чайки тучами носятся над островами. В бухточках спокойно плавают и кувыркаются утки.

Близился вечер, и в небе замерцали первые звезды, когда мы подошли к острову N.

Беленький домик поста приютился в распадочке между двух сопок. От домика к вершине сопки вьется тропа. На самой верхушке, у корявого, низкорослого дубка, стоит треножник, на нем стереотруба, а у стереотрубы дежурный краснофлотец. Мы видим снизу, как он медленно поворачивает рога стереотрубы, осматривая горизонт.

Пост N. Край советской земли. Впереди — просторы Японского моря, позади— родной берег. Краснофлотцы-пограничники и их начальник-лейтенант живут здесь месяцами, отрезанные от всего мира, никуда не отлучаясь, не видя нового человека. Скучно ли? Да разве есть время скучать? Вот на стене висит расписание дня, плотно заполненное службой по охране границы, военной учебой, политзанятиями.

Только что окончились политзанятия. В красном уголке за длинным столом сидят краснофлотцы. Они с жадностью набросились на свежие газеты, которые привез сегодня из города старшина Малявко. В стороне трудится над гитарой высокий, атлетического сложения юноша. Нелегкая задача — из четырех комплектов порванных струн подобрать один исправный. За стеклянными дверками шкафа книги на полках. С уважением смотришь на эти потрепанные томики, к которым, видно, прикасался не один десяток рук.

— Не успеваем привозить новые книги,— жалуется лейтенант.

В соседней комнате спальня. Кровати акуратно застланы белыми одеялами. В «козлах» винтовки. Двое бойцов спят: с вечера им идти в наряд, начальник поста послал их выспаться, набраться сил.

— Хорошие ребята,— говорит лейтенант,— нельзя пожаловаться. Вон, видите, Тулинов,— лейтенант указал на краснофлотца, подбиравшего струны к гитаре.— Весной выходили мы в море на катере. Шторм завернул подходящий, но идти надо было. И, как на зло, винт возьми и запутайся в обрывки рыбачьих сетей. Волны с двухэтажный дом. Бросают нас вверх — вниз, вверх — вниз. И ветер несет катер прямо на берег. Вон на тот мысок,— лейтенант указал на соседний остров,— того и гляди, ударит о скалы, и тогда только щепки собирай. Тулинов шел на катере старшиной. Недолго думая, разделся он, обтерся спиртом, подвязал подмышками веревку и — в воду. А дело было в марте, вода холодная. Шесть раз выбрасывала его волна, не давала нырнуть, наконец, Тулинов изловчился и нырнул под катер. Ощупью нашел винт и принялся распутывать сеть. Обессилев, выплыл на поверхность. Краснофлотцы вытянули его на палубу, отогрели. Три раза нырял старшина, пока не освободил винт.

Лейтенант вызвал дежурного.

— Послать ко мне краснофлотцев Карабана и Моисеева.

— Есть послать Карабана и Моисеева!

Два краснофлотца стоят перед начальником поста. Бушлаты перепоясаны ремнями. На ремнях подсумки. Через плечо перекинуты противогазы, в руках винтовки.

— Вы назначаетесь в дозор на охрану государственной границы. Старший по наряду — Карабан. Обстановка известна?

— Известна, товарищ лейтенант.

— Доложите.

— Разрешите по карте?

Три головы склонились над картой.

Выйдя из домика поста, Карабан и Моисеев остановились, вынули из подсумков по обойме, привычным движением большого пальца потопили патроны в магазинной коробке и, взяв винтовки на руку, пошли по дорожке к морю. Дойдя до берега, свернули влево, и кустарник скрыл их из виду.

Луна спряталась за тучи. Дозорные бесшумно перебирались через высокие валуны, шли кустарником. Первым шел Карабан. Вот он что-то заметил и поднял



С подветренной стороны подкрадывался катер к шхуне.

руку. Моисеев залег за камень. Карабан осмотрел гальку. «Нет, это не след лодки. Какую-то корягу волна прибила к берегу. Вон она лежит, выброшенная на сушу». Поднялись на высокий холм. Подождали, пока покажется луна и на несколько секунд осветит море. Огляделись — не видать ничего. Пошли дальше, внимательно озирая каждый метр береговой полосы, каждый сдвинутый камень, каждую корягу.

Час, другой, третий идут дозорные. Они уже обошли почти весь остров. Луна раньше светила слева, а теперь она справа.

Вот последний мысок. Здесь кончается их участок. Оглядевшись внимательно в последний раз, пограничники опускаются с сопки в долину, туда, где стоит домик поста, где спят товарищи, готовые сменить их и пойти по берегу вторым дозором.

А в это время лейтенант Усцов и начальник поста готовились к ночному рей-

су. Команда спала, а они сидели в кают-компании над картами, вычерчивая линии обхода.

В два часа ночи Усцов вызвал вахтенного:

— Поднять команду!

— Есть поднять команду!

В кубрике собрались все краснофлотцы. Лейтенант Усцов, как всегда подтянутый, оглядел собравшихся.

— Так вот, товарищи, нам предстоит ночной рейс. Вечером наблюдателями с поста замечены две неизвестные шхуны. Помните, товарищи, от вашего внимания, от вашей наблюдательности зависит все. По местам!

Не зажигая огней, сторожевой катер отошел от причала и, обогнув скалу, лег на курс.

Усцов поставил ручку машинного телеграфа на «полный ход». За кормой белой пеной вскипела вода. Только по этой пене и можно было видеть, как быстро несемся мы.

Впереди, на носу, четыре краснофлотца в клеенчатых зюйдвестках, став полукругом, впиваются в черно-серую муть. Море обдает их солеными брызгами. Иногда волна перекатывается через борт, забираясь за голенища сапог. Краснофлотцы стоят молча, не шевелясь. Все мысли, все чувства их собраны в одно: не пропустить, вовремя заметить. Изредка обмениваются они односложными восклицаниями: «Справа ничего?» «Будто ничего...» «Почудилось...»

Но вот дозорные заволновались. Они уже все смотрят в одну точку. Да, там что-то есть.

— Слева по борту черный предмет,— раздается громкий голос.

— Слева по борту черный предмет,— передает вахтенный на капитанский мостик.

— Приглушить моторы! — командует Усцов.

Бесшумно, с приглушенными моторами несется катер к черному предмету. Вот уже в бинокль можно различить его очертания. Так и есть — шхуна.

— Десантная партия, приготовиться!

На левом борту выстраиваются пять краснофлотцев. Трое с винтовками, у двух наганы.

С подветренной стороны подкрадывается катер к шхуне. Внезапно вырастает он у левого борта. В тот же миг десантная партия, переметнувшись через поручни, очутилась на шхуне.

А через минуту начальник десантной партии докладывает лейтенанту Усцову, что это рыбачья шхуна с острова Аскольда. У нее испортился мотор, и она дрейфует по заливу.

Десантная партия возвратилась на борт, радист дал знать на остров Аскольд, чтобы за шхуной выслали буксир. Мы мчимся дальше по темному морю.

В такую же черную ночь шли однажды пограничники несколькими милями севернее. Заметили шхуну. Она только что перешла пограничную линию и шла в советских водах. Но это были не наши рыбаки, это были японцы. Вот так же, как и сейчас, незаметно подкравшись, подошел катер к борту хищника. Японцы опомнились только тогда, когда пограничники заняли радиорубку, моторное отделение.

Шкипер долго уверял лейтенанта Усцова, что он бедный, несчастный моряк, что у него испортился компас, что и сам он не может понять, как это вдруг очутился в советских водах, что он приносит тысячи тысяч извинений молодому господину капитану.

Не помогло, пограничники взяли шхуну на буксир и отвели на базу. Там у «бедного рыбака» были найдены дорогие фотоаппараты, каждый из которых стоит больше чем вся рыба, которую рыбак может поймать за год, сильные подзорные трубы. Зачем эти аппараты и трубы «бедным рыбакам», японцы так и не могли толком объяснить. Но то, что под видом рыбаков скрываются японские шпионы,— не новость для наших пограничников.

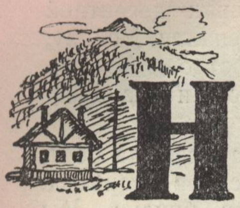
В море мы уже четвертый час. Часто меняем курс, волна бьет то в левый борт, то в правый: нарушители границы хитры, они часто укрываются за волной, ожидая, пока пройдет сторожевой катер. Но пограничники знают все их уловки. Море «прочесано» во всех направлениях.

Сегодня ночь прошла спокойно.

Постепенно из черного море становится серым. На востоке из океана поднимается розовая полоска. Скоро покажется солнце. Лейтенант Усцов приказывает повернуть обратно к острову.

Мы поднялись вверх. Заря разгорелась. Море на востоке из серого стало золотым. Прямо перед нами показался в туманной дымке берег. Берег родной земли!

Письмо ребят нового города



Наш город совсем новый. Даже имени у него нет. Все в районе называют его поселком Новостройка. Три года назад на том месте, где мы теперь живем, не то что города, но и поселка не было!

Самая старая жительница нашего города — Лена Мельникова. Она учится в 5-м классе. Отец Лены — путевой обходчик. У железнодорожной станции и теперь стоит красный деревянный домик, в котором жила Лена. Три года тому назад этот домик одиноко стоял у подножья сопки. А теперь рядом с домиком на путях выстроилось много старых товарных вагонов. Их временно используют под станционные здания. В вагонах помещается и касса, и камера хранения, и даже кабинет начальника станции. Рядом вырыт большой котлован — это строится уже настоящий вокзал. По другую сторону железнодорожного пути раскинулись высокие, почти все из стекла корпуса железнодорожного депо. А от станции вверх по склону сопки поднимаются четыре улицы, застроенные новенькими красивыми трехэтажными домиками. В одном из этих домов живет теперь Лена со своим отцом. Он уже не путевой обходчик, а работает в депо слесарем.



Школа, в которой мы сейчас сидим и пишем это письмо, — самое большое и самое высокое здание во всем городе, и стоит она на самой верхушке сопки. Учится в школе 670 мальчиков и девочек. А три года назад Лена Мельникова была единственной ученицей в здешних местах. Раз в шестидневку к ней приезжал учитель, занимался с ней день, задавал уроки и уезжал дальше к ребятам, которые жили в других сторожках.

Из окна нашей школы как на ладони видна вся новостройка.

Мы видим, как с запада подходит к станции поезд и, огибая сопку, на которой раскинулся город, уходит дальше, на восток. Солнце только что село, и мы видим огни у кинотеатра; там показывают сегодня картину «Щорс». По главной улице, пыхтя и дымя, поднимается вверх дорожная машина — каток. Дома-то у нас в городе успели построить, а дорог еще не успели. К осени будут и дороги. За железнодорожным депо поднялись вверх высокие краны — деррики. Мы знаем, что там строится лесозавод.

А леса вокруг нашего города много. Стоит нам перейти в другой класс и посмотреть на другой склон сопки, как мы видим самую настоящую глухую тайгу. Наш школьный сторож, дедушка Степан Алексеевич, рассказывает, что по ночам, когда в школе гаснут огни и кругом становится тихо, из леса выходят к самой школе дикие козы. Они удивленно смотрят на большой белый дом и при малейшем шорохе удирают

обратно в чащу. В выходной день Шура Кошевой из 6-го класса ходил с папой на охоту и убил глухаря. Из глухаря он сделал чучело; оно стоит теперь в биологическом кабинете.



Недавно в школу к нам пришел инженер — начальник строительства депо. Он проводил беседу. А потом подошел к окну, посмотрел на лес и рассмеялся.

— Вот здесь я заблудился и два дня жил в тайге, — сказал он.

— Как? — в один голос спросили мы.

И он рассказал нам, как три года назад, когда началось строительство, пошел он с бухгалтером осматривать место, на котором должен был строиться город. Отошли они от железнодорожного пути километра на три и заблудились. Блуждали они, блуждали, ночь настала. Разожгли костер и заночевали у него. Назавтра поели ягод и пошли искать дорогу. Еле нашли.

Большая часть населения нашего города — молодежь-комсомольцы. Они воздвигают дома, прокладывают дороги, строят заводы и работают на этих заводах.

В нашей газете «За темпы» мы часто видим портреты молодых стахановцев. Наш вожатый Леша Синицын за ударную работу на строительстве депо награжден «Значком почетного железнодорожника».

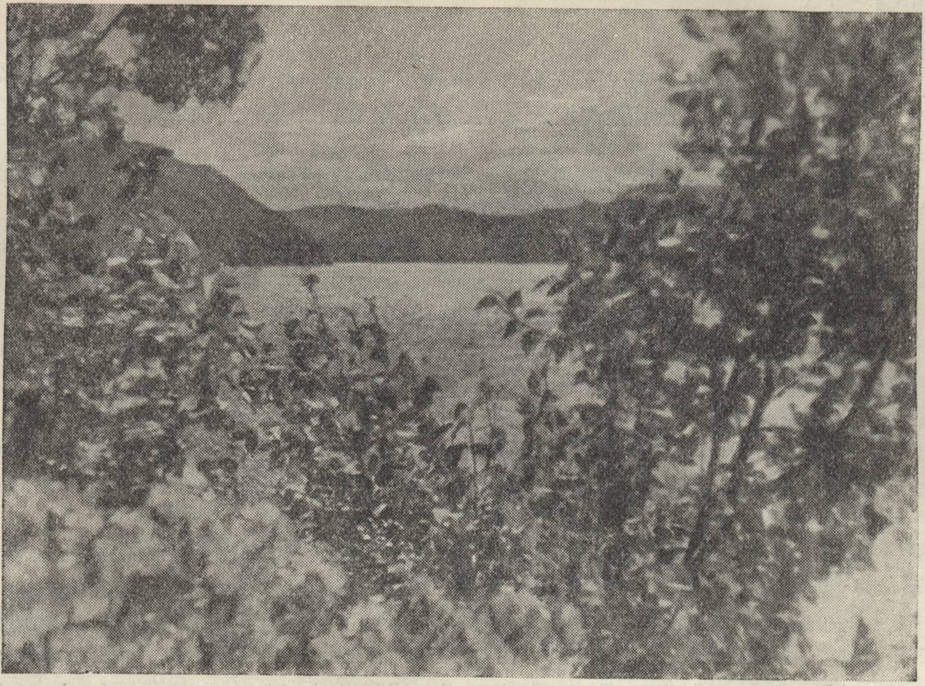
Каждый день к нам в школу поступают новые ребята: они приезжают со своими родителями с Украины, из Ленинграда, с Волги. Мы дружно встречаем новичков, помогаем им догнать свой класс, рассказываем про нашу новостройку, про тайгу.

Нам очень нравится здесь жить. Мы гордимся нашими родителями, которые строят новый город, новые заводы, прокладывают дороги в тайге. Мы знаем, что вся страна с любовью следит за их работой. Не случайно в нашем маленьком и молодом городе есть 38 орденоносцев и 116 награжденных «Значками почетного железнодорожника».

Все мы мечтаем, когда вырастем, работать только здесь, только на Дальнем Востоке: его просторы так обширны, богатства так велики, что каждый может всю жизнь оставаться пионером — всю жизнь строить новые города, прокладывать новые дороги, открывать новые, неисследованные богатства. А это ведь особенно интересно!

Елена Мельникова, Миша Кувыш,
Костя Степанов, Шура Кошевой,
Галя Трофимова, Миша Черных

Приморский край, поселок Новостройка



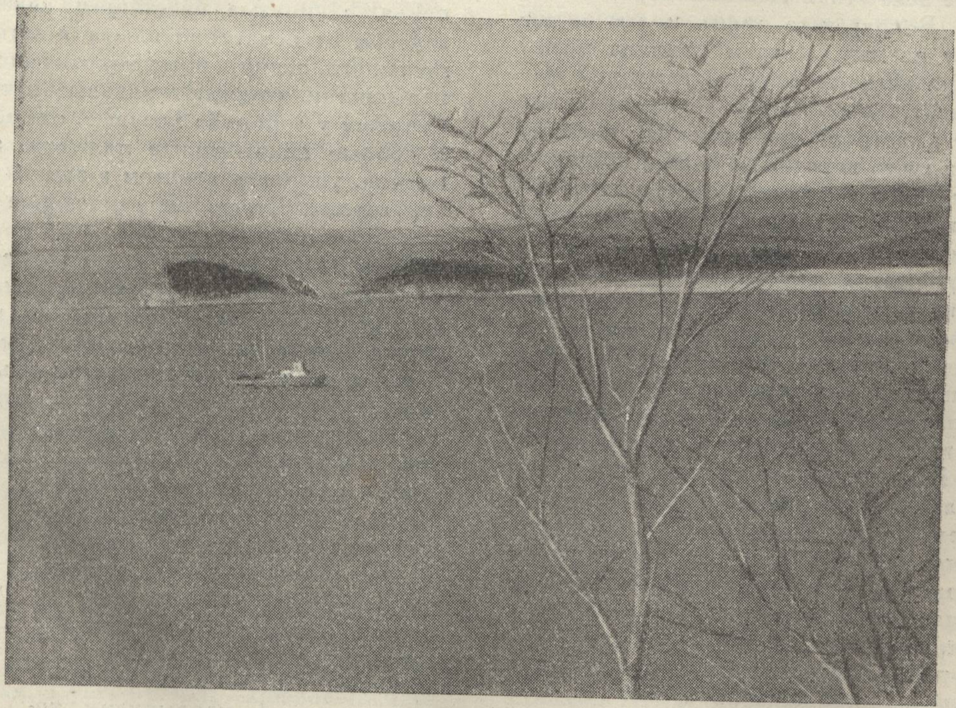
Верховья Амура. Фото А. Ливанова.



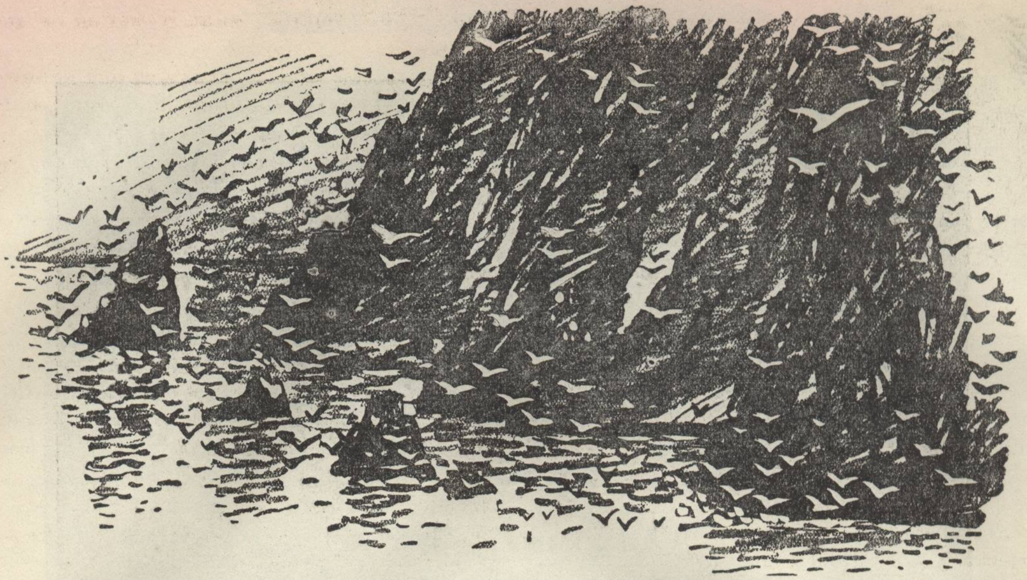
Удэгэйское стойбище Бира. Фото Ник. Драчинского.



Хабаровск. Проспект Карла Маркса. Фото Мих. Прехнера.



Дальневосточное побережье Японского моря. Фото Мих. Прехнера.



ПТИЧИЙ ОСТРОВ

Трофим Борисов *Рис. В. Константинова*

Долгие века стоял Птичий остров заброшенным. Вокруг него рифы, молы; он наполовину размыт. В часы прилива между огрызками когда-то мощной каменной громады кипят теперь соленые воды... Северная часть острова возвышенна, покрыта землей и густо заросла травой, а южная — плоским уступом лежит у поверхности моря. И поэтому издали остров кажется маленьким.

Остров расположен на границе залива с морем, на пути пернатых. Все водоплавающие птицы знают площадку и рифы острова, но подлинные его хозяева — забавные топорки. Они захватили весь остров, от приплеска до верхней точки, заросшей густой травой, и накопали в мягком грунте гнезда. Рано весной в норах-гнездах полно яиц, а летом в них пищат птенцы. На Птичьем острове гнездятся и чайки, но их несравненно меньше. При яйцекладке чайки и топорки не мешают друг другу: у топорков яйца в норах под землей, а у чаек — в гнездах, открытых сверху.

Топорки — камчатские попугаи. У них широкий и тонкий клюв, который на самом деле очень похож на маленький топорик. Таким клювом удобно доставать сладких моллюсков из расщелин затопленных скал. На голове топорка пушистые длинные перья, закинутые блестящим кокетливым зачесом от основания клюва к затылку. В глазах его, окаймленных короткими белыми перышками, сверкают розовые пятнышки. Сапожки у топорков красные, одеты птицы в черные длиннополые пиджаки, а сидят торчмя, упираясь хвостом в землю и выпятив грудь... Что-то напоминающее старых чиновников есть в их позе.

Я поднялся на небольшую террасу, усыпанную засевшими в траву топорками. Их головы можно было принять за полевые цветы. Мое присутствие, повидимому, мало беспокоило птиц. Они не двигались, а продолжали важно, по-пингвиньи сидеть на краю уступа. Сотни две топорков, вытянув шеи и дрыгая ногами, пролетели мимо меня. Можно было подумать, что они ногами помогают крыльям. Впереди, вдоль всего острова, на земляных уступах, как на полках магазина, каждая птица занимала свое место.



Чтобы ближе познакомиться с некоторыми привычками топорков, я зашагал вдоль террасы. Птицы насторожились. Вот



они совсем близко и усиленно вертят головами... Я побежал, не спуская глаз с забавных пернатых. Вдруг подо мной провалилась земля, я оступился в гнездо и упал, закрыв своим телом несколько отверстий в грунте. Я лежал среди птичьих нор. У моей головы из гнезда выскочил хохлатый топорок и поволочил свое грузное тело к кромке уступа. Он проваливался в ямки, спотыкался о травянистые кочки, махал крыльями, но оторваться от земли не мог. Его красивый хохолок смялся, голова вздрагивала, глаза блестели. Оглядываясь на меня, топорок громко и угрожающе щелкал клювом:

— Агг-го-оо-пп!

Ему вторили другие птицы. Их дребезжащие и гнусавые звуки напоминали ворчанье. Мне стало смешно. Похоже, что своими выкриками топорки дразнили меня и рады моей неудаче:

— Агг, агг-о-го-опп-чо-опп...

— Ага, хлоп!

Задетый насмешливым ворчаньем камчатских попугаев, я бросился за тихо передвигающимся топорком, но еще раз упал, провалившись опять в птичью нору. Хлопая крыльями, топорок достиг края уступа, а затем, ринувшись головой вниз, улетел, дрыгая ногами.

Чудесно! Теперь для меня ясно, почему ты, милая пичуга, любишь сидеть на разного рода обрывах... Тебе трудно поднять с ровного места ожиревшее брюхо!

Начался отлив. Я спустился на низкую южную оконечность острова, чтобы осмотреть оголившиеся из-под морской воды камни. Облизанные морем, блестели рифы. Было скользко. Кругом ямы и трещины, наполненные соленой водой. Недалеко от линии постоянного прибоя торчали камни-пальцы. Час тому назад по этому гранитному уступу катились волны. Теперь же буруны шипели на меляках.

Пройдя как можно дальше, я присел на мокрый камень и долго, не шевелясь, любовался морем и тонкой полоской земли слева. Там, в устье речки Харюзовой, идет большое строительство: строят школу и дома для заводских рабочих. Там, на сочных лугах, пасется стадо породистых коров... Там теплее, мало туманов и сырой мглы.

Спугнутые мною кулики снова вернулись на площадку и торопливо, с писком забегали по ней, запуская длинные носы в трещины и углубления. Стая топорков, миновав меня, опустилась в высокую траву на ближайшем каменном столбе. Вскоре птицы расселись по кромке и, встряхивая хохолками, посматривали на волны.

Солнце, опускаясь, бросало на остров последние лучи. Заиграли блики на сумрачных камнях-колоннах. Бакланы приподнимались на лапах и расправляли свои черные крылья... Чайки, рассаживаясь на берегу, кокетничали, подставляя белые бока пурпурным отблескам вечерней зари. Волны шумели отчетливей. Гребень прибоя приближался ко мне. Кипучая вода захлестывала ближайшие камни. Начинался большой ночной прилив...

И вдруг резкий свисток нарушил тишину. Это на крабоконсервном заводе кончала работу дневная смена. Вспорхнули кулики, чайки с криком замахали крыльями. Топорки сорвались с уступа. Нехотя поднялись бакланы и, почти касаясь волн, полетели куда-то вдаль. Поспешно сползали в воду нерпы и сивучи.



Я пошел к заводу. Его трубы дымили, а вокруг летали топорки. С другой стороны острова, с той, что в затишье, пристань. Завод на пригорке, и к нему по подвесной дороге подвозили крабов. На деревянной площадке кучи сетей с уловом. С моря к пристани в окружении шныряющих кругом топорков подходили большие промысловые моторные катера. На их палубах сети, также наполненные крабами, но живыми. Обитатели морского дна, охваченные крепкими нитками, беспомощно раскрывают свои острые клешни.

Ловцы ловко выпутывают крабов и выбрасывают их на площадку. Тут им смерть. Железными крючьями срывают рабочие с них панцыри, а работницы складывают в корзины крабьи ноги и увозят в крабоварку.

Кипят, бурлят котлы. Рядом с крабоваркой продолговатое помещение с длинными столами. Кучи красных ножек лежат на них и блестят, как свежие редиски.

Одетые в белые халаты работницы очищают мясо от твердого панцыря. Одни — с

большими ножами — рубят ножки по суставам, другие стригут их ножницами и укладывают на лотки белое нежное сладкое мясо, обернутое в розовую оболочку.

Баночки для крабовых консервов особенные. Они внутри выкрашены золотистым лаком и обложены пергаментом. У конца стола постукивает машина-автомат. Ей только подавай, а она уже сама набросит на баночку донышко и слегка прикрепит его. Это предварительная закатка.

Прикрытые не наглухо баночки одна за другой по конвейеру заползают в огромный паровой ящик — вакуум. Грохоча шестеренками, глотает он их и держит каждую поочередно в своем горячем брюхе пятнадцать минут.



Прогреется баночка, освободится от части воздуха и опять по конвейеру — в станок окончательной закатки.

Провертит ее машина, на этот раз плотно прикрутит донышко и выбросит в стоящую рядом корзину.

Хорошо закрыта крышка, не попадает в баночку воздух, но этого мало. Надо так приготовить мясо, чтобы оно осталось вкусным и не испортилось.

Для главной варки в другом отделении завода лежат на боку большие, длинные, круглые котлы — автоклавы. Они с тяжелыми дверцами-крышками, внутри них проложены маленькие рельсы. Нагруженные баночками вагонетки вкатывают в широкую пасть автоклава.



Захлопнули крышку. Привернули плотно толстыми винтами.

Зашипел, запыхтел котел. Ходит около него мастер, посматривает на градусники да на часы. Через семьдесят минут консервы готовы.

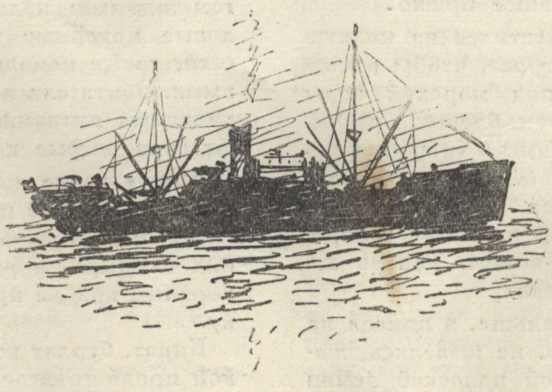
После варки консервы охлаждают под открытым небом, затем баночки покрывают светлым лаком, чтобы они не ржавели, и украшают этикетками.

Стучат закаточные станки, шипит пар, людской говор сливается с цоканьем приводных ремней. В огромные окна виден простор Охотского моря, а внизу — погружающиеся в темноту прибрежные камни.

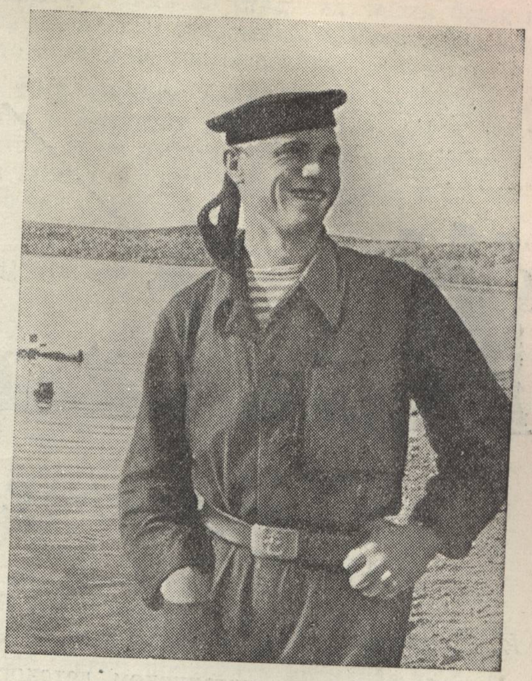
Взглянешь вдоль корпуса завода — перед тобой ряд машин и аппаратов, а около них работающие люди. Взглянешь через окна на пригорок — там сидят кучками хохлатые дикие птицы. Смотрят они на огни завода, слушают его равномерное шипение и не хотят бросать свои гнезда на родном острове.

Сжились с травянистыми террасами.

Но не любят топорки заводского свистка и при каждом его завывании быстро срываются и улетают к северной оконечности острова. Покружившись там вблизи камней, они с шумом садятся на холодные волны.



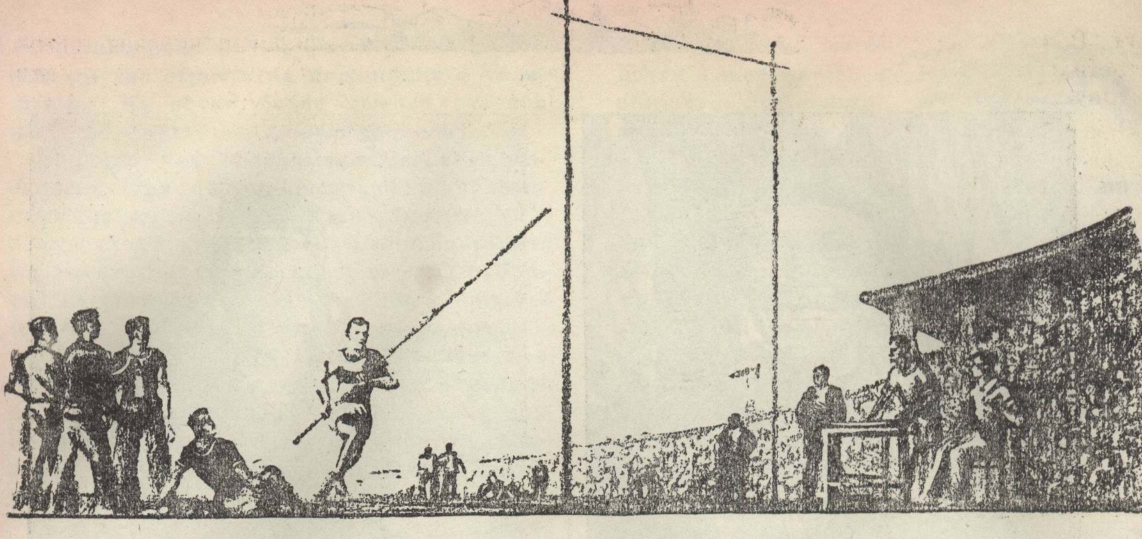




Границы Дальнего Востока неприступны. Бойцы всех родов оружия: пехотинцы, моряки, кавалеристы — в любой момент готовы ответить на удар врага тройным всесокрушающим ударом.

Фото Н. Шкулина и Мих. Прехнера.





Дуэль с Раевским

„Плащи бросают два врага“.

А. С. Пушкин „Евгений Онегин“

И. Рахтанов

Рис. Я. Титова

Раевский был воспитанником детского дома. Он жил в Ашхабаде. Подробностей его биографии Озолин не знает.

Впервые Озолин услышал о нем от товарища, вернувшегося из Туркмении.

— У нас в песках не только вараны бегают,— сказал товарищ.— Мы там тебе конкурента вырастили. Пойми: волосы желтые как песок, рост — два твоих, прыгает как бог, а характер — сам скоро узнаешь.

И действительно, вскоре Озолин узнал характер Раевского. Вараны, песчаные крокодилы, о которых упомянул ашхабадский товарищ, были вероятно милее.

В тысяча девятьсот тридцать четвертом году проходило соревнование между спортивными обществами «Динамо», «Спартак» и РККА — большой матч легкоатлетов.

Озолин в перерыве обедал в огромной столовой, что на Ленинградском шоссе.

— Ваш новый противник здесь. Приехал с Украины Раевский,— сказал ему кто-то.

Было от чего бросить недоеденным второе. Озолин пошел осматривать столы. Он хотел представить себе, каков Раевский, уже ставший легендой и в Туркмении и на Украине, куда он недавно переехал. С шестом наперевес этот песочноволосый человек атаковал высоту три метра восемьдесят сантиметров и подобрался к самому Озолину.

Еще издали Озолин узнал Раевского; тот громко и с удовольствием ел. Очень мощный, загорелый, будто каленый сильным азиатским солнцем, он был выше всех головы на полторы. Выглядел он браво, но невесело. Озолин подумал: «Теперь конец нашим достижениям: забьет».

Они не познакомились. Озолин вернулся к жаркóму.

Под вечер, когда спала жара, они стали прыгать. Тут и началась длительная дуэль Озолина с Раевским.

Высота была три метра сорок сантиметров. Отсюда они стартовали. И оба молча прыгнули через рейку, поставленную сначала на три метра сорок, потом шестьдесят, потом восемьдесят.

— Девяносто! — крикнул Раевский.

И пока ставили рейку, он в первый раз обратился к Озолину. Вот что он сказал:

— Ну, гроб. давай, давай сходи! Я как бог прыгать буду!

Озолин не сошел. Он попытался взметнуться, но задел рейку. Однако и Раевский прыгнул неточно. В этот раз они оба поднялись только на свою прежнюю вы-

соту. Война была объявлена, противники встретились. Думая об этом, Озолин ушел со стадиона.

«Раз ты идешь против меня,— говорил он воображаемому Раевскому, — и добиваешься победы психическими средствами, — пощады тебе не будет. Знай!»

Но Раевский его не слышал. Через несколько дней он вернулся в Харьков.

И оба начали тренировку.

Вечным пером Озолин рисовал в дневнике отдельные фазы движения шестовика: вот бежит он с шестом наперевес, вот шест немного опустился, вот прыгун ставит шест в ямку и одновременно делает длинный и высокий шаг, вот он уже взвился. Озолину не хватало слов — он переходил на графику: забавные схематические человечки обозначали то его самого, то двух американцев: Ли Барнеса и Сабин Карра,— установивших однажды мировой рекорд. Они прыгнули на высоту четыре метра тридцать семь сантиметров. С детства Озолин занимался техникой, его любимым отделом физики была механика, и сейчас он увлекался биомеханическим анализом прыжка. Он рассуждал, как ученый. Было дано определенное движение, его нужно разложить, осмыслить и вновь собрать уже на гаревой дорожке стадиона. Это не каждый может. Собрать движение! В едином порыве оторваться от земли на высоту двухэтажного дома!.. Озолин понимал, что Ли Барнес и Сабин Карр владеют каким-то секретом, что они изобретатели. И он отправился в путешествие по американской литературе: может быть, где-нибудь в книгах или статьях эти двое проговорились? Но американская теория поражала простотой, за которой ничего, решительно ничего не скрывалось. Американцы писали: «Нужно быстрее разбежаться, повыше ухватить шест и еще выше прыгнуть». Все это, конечно, было правильно, но это не раскрывало секрета мирового рекорда. Нужно прыгать как можно выше, но как, каким образом послать свое тело в вышину? Окрылить его, что ли?

И Озолин рисовал человечков, исписывал страницы дневника длинными рассуждениями о природе взлета, опять возвращался к старым рисункам, и тогда к чернильным записям прибавлялись карандашные.

«Коля,— писал он,— дурак! Это же лучшее положение!»

И на дорожке пробовал это новое положение, прежде казавшееся ему неверным. А придя со стадиона, опять брался за дневник и записывал: «Думаю, что надо совсем не так, а иначе».

Ему самому приходилось создавать у нас и практику и теорию прыжка с шестом. И он работал вдвойне вдохновенно: и дома с вечным пером в руках и на дорожке с шестом.

Так он подбирался к четырехметровой высоте. Вот для этого ему нужны были и чертежи, и английские книги, и дневник. Для этого же и Раевский, еще толком не проснувшись, начинал зарядку часа на два, два с половиной. Раевский не курил, а что касается вина, то он, как сказал Виктор Гюго, пил воду. Впрочем, и воду он пил нечасто. Она представлялась ему врагом, мешающим главному в жизни — тренировке. От воды тело жиреет, а жир для него был подобен концу, смерти. Аскет, он подчинил все единственной цели. Только одна страсть испепеляла его тело и душу — прыгать как можно выше, легко проносить ноги над рейкой.

Раевский спал, гулял, разговаривал с товарищами, ездил в трамвае, всходил на лестницы, платил в профсоюз, читал газету, но все это не было явью. И только на дорожке он по-настоящему просыпался, полной грудью вдыхал чуть горьковатый мятный воздух и прыгал. Попытка сменялась попыткой, сантиметр по трудности равнялся километру. Искусство — потому что это уже не было ни спортом, ни физкультурой — приобреталось в каждодневном труде, во многих скучных со стороны репетициях. Раевский не разлагал движения, как Озолин, он только собирал кропотливо и точно — так художник камешек к камешку прикладывает мозаику. Раевский работал над собой с остервенением, и если он спал, то только потому, что это было необходимо для его дела. Вечернее пение петухов заставало его в постели; повернувшись к стене и закрыв глаза, он видел рейку, перекладину, серые ступени трибун. Иногда под утро, когда особенно чуток здоровый сон, ему виделись высокие рощи и гнулся с шелестом японский бамбук, из которого делаются лучшие шесты. Так днем и ночью не отдавал он шеста.

Одержимый! Цифра «четыре» рисовалась Раевскому на всем, куда бы он толь-

ко ни взглянул: в комнате было четыре угла, трамвай шел по четвертому маршруту, дважды два — четыре. Четыре метра! И больше всего хотелось взять эту высоту раньше, чем возьмет ее Озолин! У него были свои счеты с ним. Еще в тысяча девятьсот двадцать восьмом году шла большая спартакиада в Москве, первая такая в жизни Раевского. Он участвовал здесь в десятиборье, прыгал с шестом. И поднялся тогда на три метра десять сантиметров, а Озолин — на три шестьдесят. В раздевалке маленький Озолин подошел к нему и, похлопывая по плечу, сказал:

— Старайся, может, толк из тебя выйдет.

Слов этих и этого жеста Раевский не забыл и никогда не забудет. Сейчас, через шесть лет, они горячили кровь, поднимали тело к поставленной цифре.

Начатая на стадионе «Динамо» дуэль продолжалась, когда обоих прыгунов включили в спортивную делегацию, отправлявшуюся в Финляндию для встречи с рабочим союзом «Туол».

С красными большими паспортами в карманах сели они в ленинградский поезд, а еще через два дня, переехав белый с красным железнодорожный мостик через речку Сестру, оказались на финской пограничной станции Райнеоки.

Была белая ночь, может быть, еще более светлая чем накануне в Ленинграде. Озолин долго простоял у окна, ему не хотелось спать. Кружась, отставали от поезда сосны. Неведомые, безыменные ручьи шумели под мостами. Озолин знал, что Раевский, набирая бодрость для предстоящих соревнований, уже, вероятно, видит второй, а то и третий сон, но отойти от окна, где дивно преображенные рассеянным молочным светом мелькали скалы и валуны, он не мог.

Утром поезд остановился на первом пути опрятного гельсингфорсского вокзала. И чистенький розовый гранитный городок открылся нашим спортсменам.

Умывшись, Озолин пошел в знаменитый магазин Ганса Калехмайнена. Великий стайер, победитель стокгольмской олимпиады тысяча девятьсот двенадцатого года, стройный и худощавый Ганс Калехмайнен стал толстым владельцем магазина спортивных принадлежностей на главной улице. Он сидел в кассе, за правым ухом у него торчал карандаш, за левым — сигарета. Он подарил Озолину свою фотографию, снятую в молодости; тогда он был в майке, теперь в сером пиджаке с большими накладными карманами. Такие почему-то называют спортивными.

— Молодость, молодость...— вздыхая, молвил Калехмайнен.— «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни?» — так сказал ваш Пушкин. Он был поэт, ваш Пушкин. Здесь я стою и не могу иначе, как сказал Лютер, наш Мартин Лютер, молодой человек.

Говоря это, Ганс Калехмайнен золотым американским пером написал поперек карточки свой автограф. Впрочем, рассказывают, что такую премию он дает всем без исключения покупателям.

Конечно, Озолина интересовали бамбуковые шесты. Их было много в магазине; желтые, упругие, все они сперва показались ему чудесными, и только потом опытным глазом специалиста он уловил незаметные изъяны. Но один из шести десятков понравился ему до конца. Этот был так же желт, так же гибок и прям, как другие, но что-то в нем было такое, что заставляло выбрать именно его. В учебнике по прыжкам есть совет: «Каждый прыгун должен иметь свой собственный шест, рассчитанный по упругости на вес прыгуна, что создает привычку к его длине и весу, а это особенно важно для точности разбега и прыжка». Озолин почувствовал, что к этому шесту он привыкнет без труда, что шест ему по руке. Он спросил цену, она оказалась сходной, и велел выписать чек.

Повернувшись к кассе, Озолин увидел Раевского.

— Колечка,— сказал ему Раевский самым нежным голосом, на какой был способен,—уступи шесток, братишка. Он мне, понимаешь, дюже понравился. Будь друг!

Но ни голос, ни ласкательные обращения Раевского не подействовали на Озолина. Он не отдал покупки.

— На дорожке поговорим! — сказал Раевский и быстро вышел из магазина.

Гельсингфорсский стадион представился противникам необычайным. Вокруг трех или четырех рядов трибун громоздились каменные и бревенчатые строения, на крышах которых висели флаги с названиями клубов и обществ. Это раздевалки и спортивные залы.

Тут, на этой гаревой дорожке, несколько лет тому назад норвежец Чарлз Гофф

установил свой рекорд. Он прыгнул на высоту четыре метра двадцать пять сантиметров, что тогда считалось потолком для человека, а теперь превратилось только в европейский рекорд. Американцы сильно повысили потолок прыгунов. Озолин вглядывался в северное легкое небо и мечтал осуществить здесь то, что ему не удалось на родном стадионе «Динамо». Вот бы взвиться в эту сияющую голубизну хотя бы на три метра девяносто!

От финской команды выступали два шестовика. Лучший из них кончил там, откуда наши прыгуны начали: он взял три метра восемьдесят сантиметров и сошел.

— Девяносто! — крикнул, волнуясь, Раевский.



— Колечка,— сказал ему Раевский,— уступи шесток, братишка...

Три раза пытался он, не задев рейки, подняться, и три раза она оказывалась на земле раньше чем он.

Озолин снял тренировочный костюм— синие фланелевые брюки и мягкую куртку с огромными карманами,— разбежался и привычно взлетел на высоту. Ему представилось: рейка где-то внизу, ноги проходят над ней высоко, они направляются к солнцу, и потом — земля! Прыжок мгновенен, как выстрел. Для того чтобы увидеть отдельные фазы движения, нужно обладать хитрым объективом лупы времени, через которую быстрота кажется замедленностью, а бег становится парением, свободным и широким.

Сильно взволнованный Раевский подбежал к судьям, стал просить, чтобы и ему разрешили прыгать, как и Озолину, на четыре метра.

— Дважды два — четыре, четыре. Понятно? — кричал он не знавшему русского языка судье.— Я хочу прыгать дважды два — четыре. Шпринген, шпринген! Понятно?

И ему разрешили снова попытаться. Но первым прыгал Озолин.

Сбросив тренировочный костюм, все убыстряя разбег, он помчался по дорожке. Сначала она как бы взбегала в гору, потом летела куда-то в пропасть. Озолин взметнулся, но упал, таща за собой рейку.

Следующим бежал Раевский, он взлетел и на какую-то долю секунды, повиснув в голубом небе, плавно, как парашютист, опустился на песок.

— Видал? Я прыгнул, друг! — крикнул Раевский Озолину.— Четыре!

Однако это были не четыре. Как оказалось, судьи поставили для Раевского высоту три метра девяносто.

Спортивная делегация разделилась на две команды. Раевский уехал в Таммерфорс, Озолин — в Або.

Поздно утром он проснулся от стука. Оглядевшись, Озолин не скоро понял, где находится. Около кровати лежал потрепанный коврик со стершимся узором из грязноголубых и желтых роз. У стены стоял умывальник с фаянсовым кувшином и чашкой. Было полутемно из-за спущенных тяжелых штофных штор.

Стук повторился, и стало ясно: пора вставать. Чемодан был открыт, и на крышке Озолин увидел пеструю наклейку: гладкое высокое здание без колонн, со многими окнами стояло среди подстриженных деревьев. И Озолин вспомнил: он в Финляндии, в Або, в одноэтажной гостинице, где нет водопровода, но где богатые наклейки на чемоданах. Завтра в этом городе будет выступление.

— Войдите! — крикнул Озолин.

Дверь открыл переводчик.

— Не зная вашего характера, я долго затруднялся вопросом, будить вас или нет,

но потом одно чрезвычайное обстоятельство разрешило мои недоумения в положительном смысле. Не будет ли вам угодно взглянуть в сегодняшний номер издающейся в городе Або газеты?—спросил он, протягивая сложенный вчетверо лист.

Переводчик говорил по-русски с правильностью иностранца. Короткие фразы превращались у него в длинные, как товарные составы.

— Здесь сообщают,— продолжал он,— что вчера на городском стадионе города Таммерфорса советский прыгун товарищ Гавриил Раевский установил новый для вашей страны рекорд, прыгнув с шестом на три метра девяносто шесть сантиметров. Я полагал, что это покажется вам небезынтересным, и поэтому решился разбудить вас.

Еще только услышав цифры, Озолин вскочил с постели. Как Раевский, он начал зарядку. Сейчас нужно было собрать силы, сложить все известные ему движения и победить противника. Гостиничный номер превратился в спортивный зал. Озолин делал стойку на кистях: из положения лежа на спине — для этого был использован коврик с узором из грязно-голубых и желтых роз — он переходил с последующим перебрасыванием ног и таза через препятствие, поставленное сзади головы.

— Массажиста!—крикнул он оторопевшему переводчику.— Позовите мне массажиста!

И на стадионе ему удалось на один сантиметр победить Раевского—теперь только длина двух спичек, поставленных одна на другую, оставалась между ним и заветной высотой.

Озолин тотчас же после состязания уехал из Або. В Выборг, в Выборг! Там Раевский! Как воспримет он победу?

Небо отражалось в рельсах, и они голубыми полосами бежали рядом с поездом. Шел поезд в Выборг.

Раевский встретил Озолина на вокзале.

— Колечка, здравствуй, милый!—крикнул он.

И по этому радостному приветствию Озолин понял, что ему приготовлена новая каверза. Так и оказалось: вчера в Выборге Раевский прыгнул на четыре метра два сантиметра.

Случилось! Высота была взята! И теперь уже не метры, а только сантиметры отделяли наших спортсменов от европейского рекорда.

Больше Озолину не пришлось выступать в Финляндии. Из Выборга противники вернулись домой. Они упаковали шесты в общий чехол, но это не значило, что пришел конец дуэли. В последний раз ели они в финской столовой на вокзале странный, похожий на овощи в киселе компот. Каждый из них думал:

«Подожди, я тебе еще дам жизни!»

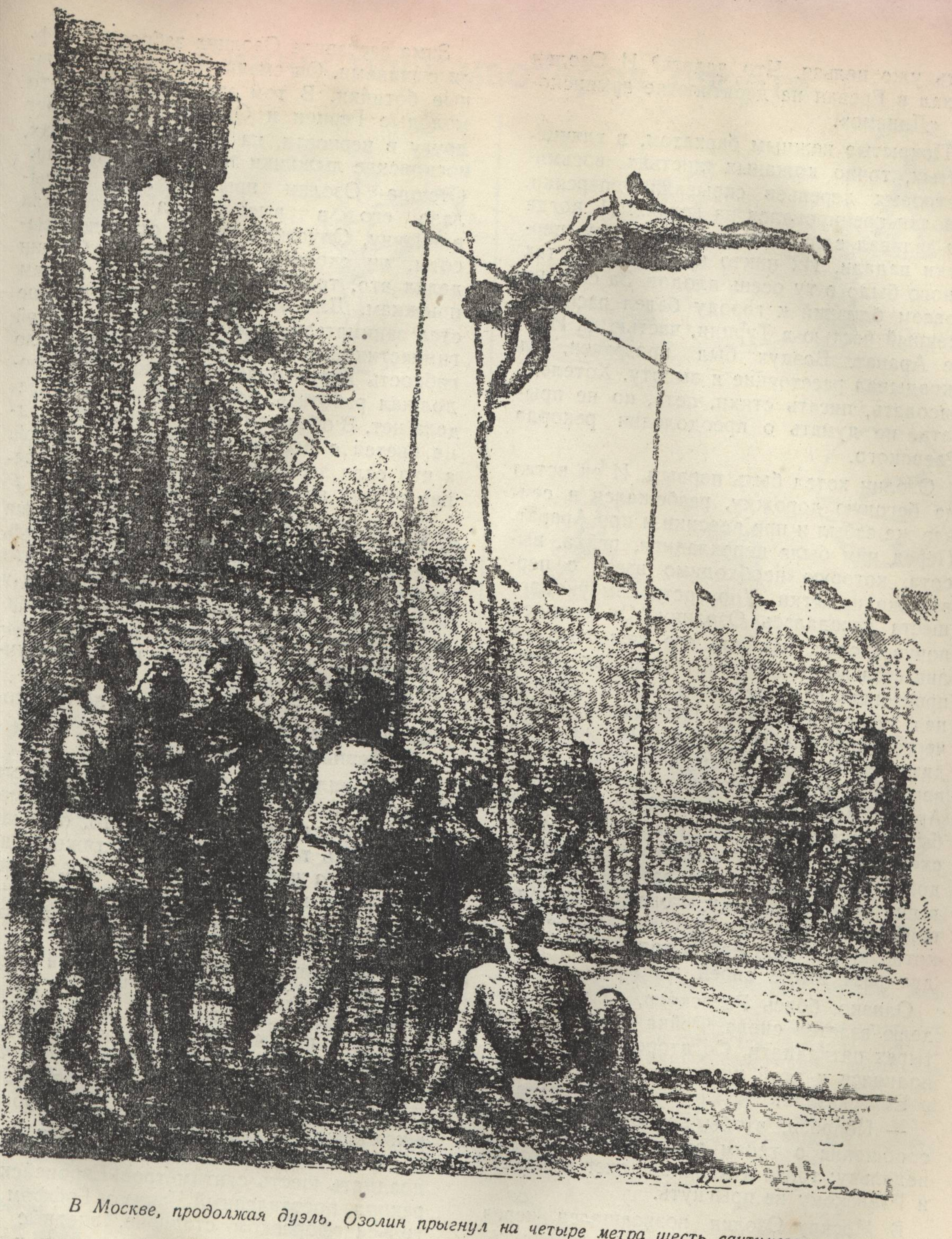
С этим они и сели в вагон.

Дома для Озолина началась работа. Снова читал он английские книги, снова искал в журналах ответы на вопросы, которые сам себе ставил. Как прыгают Ли Барнес и Сабин Карр? Почему Чарлз Гофф установил европейский рекорд на том стадионе, где он, Озолин, не мог поставить и всесоюзного? Откуда эти люди берут удивительное свое уменье? Озолин представлял себе американские стадионы, очень усовершенствованные и большие. Но не тут была разгадка рекордов. И Озолин часто думал о пределах, поставленных перед ним природой. Есть пределы возраста, есть пределы роста. Слово «предел» он однажды увидел и в «Правде». Народный комиссар путей сообщения писал о людях, которых он с презрением называл «предельщиками».

Озолин понял так, что и о нем говорилось в статье. Кто установил для него предел? Никто. Вот прыгнул же Раевский на четыре метра два сантиметра. Значит, перейден рубеж, значит, нет никакого рубежа. И, может быть, секрет американцев в том, что они не думают о пределах? «Нужно быстрее разбежаться, повыше ухватить шест и еще выше прыгнуть». Так Стаханов не думал о нормах, когда тридцатого августа, в жаркий день, выдал «на-гора» сто две тонны донбасского жирного угля. Больше уверенности и тренировки! Озолин теперь все подчинил этому.

Он выходил с утра на стадион при Институте физической культуры, где преподавал, и по отдельности вырабатывал в себе быстроту, мужество, неутомимость. Все это необходимо для прыжка.

И вот в Москве, продолжая дуэль, Озолин прыгнул на четыре метра шесть сантиметров. Газета «Красный спорт» посвя-



В Москве, продолжая дуэль, Озолин прыгнул на четыре метра шесть сантиметров...

тила статьи этим четырем сантиметрам, журналисты писали много и охотно. Но через несколько дней деревянный голос диктора принес из Харькова весть:

— Прыгун с шестом Гавриил Раевский, общество «Динамо», вчера на местном стадионе показал новое всесоюзное достижение: он прыгнул на четыре метра восемь сантиметров.

В Москве началась осень, слякоть, пры-

гать уже нельзя. Что делать? И Озолин уехал в Ереван на десятилетие армянского «Динамо».

Покрытые нежным бархатом, в глянцевитых, точно кожаных листьях восьмиметровых деревьев скрывались персики. Озолин тренировался на ветвях. И, когда он задевал слишком высокую ветку, персики падали. Их никто не подбирал: так много было в ту осень плодов. За садами совсем близкий к городу белел расположенный частью в Турции, частью на Иране Арарат. Воздух был прозрачен, он скрадывал расстояние и высоту. Хотелось рисовать, писать стихи, петь, но не прыгать, не думать о преодолении рекорда Раевского.

Озолин хотел быть первым. И он встал на беговую дорожку, разбежался и сейчас же забыл и про персики и про Арарат. Перед ним была перекладина, рейка, высота, которую необходимо взять с первой же попытки. Упругость бамбукового шеста передалась Озолину. Он взвился, почувствовал, как под его тяжестью наливается жизнью сухой ствол. Вот теперь произошло главное: ноги легко прошли над рейкой и начали приземление, а еще через несколько секунд он, Озолин, победитель, сидел на песке и смотрел снизу вверх. Там, в сияющей высоте, словно Арарат, белела рейка, и сейчас он не мог бы рассказать даже графически, даже схематическими человечками, как до нее дойти. «Нужно быстрее разбежаться, повыше ухватить...» — к словам американца прибавилась теперь русская поговорка, которую он опроверг: Озолин прыгнул в два раза выше своей головы.

Однако, боясь Раевского, он через неделю взлетел снова. Рейка стояла на четырех пятнадцати. Со второй попытки он поднялся к этой цифре.

Ему сказали:

— Попроси, чтобы репортер задержал сообщение о твоем рекорде хотя бы на недельку: тогда в Харькове снег выпадет, и Раевскому не прыгнуть.

В Москву Озолин возвращался через Харьков. Ему очень хотелось взглянуть, каков теперь противник. Однако на вокзале его не оказалось. И только на четвертой странице здешней газеты Озолин нашел маленькую заметку: вчера на соревнованиях Раевский поставил новый рекорд: четыре восемнадцать.

Зима заставила Озолина забросить туфли с шипами. Он сменил их на горнолыжные ботинки. В том месте, где когда-то молодые Герцен и Огарев клялись друг другу в верности, на Воробьевых горах, московские лыжники выстроили трамплин. Отсюда Озолин прыгал. Лето посылало его в высь, зима сбрасывала в низину. Опустившись со страшной высоты, он скользнул к финишу. Озолин делал это, только тренируясь к летним прыжкам. Для этого же он еще больше стал заниматься акробатикой, снарядовой гимнастикой, и вскоре тело его приобрело гибкость ивового прута. Однако он продолжал работать, потому что верил: предела нет. В обычном состоянии наше сердце бьется с десятипроцентной нагрузкой, а что если заставить его хоть на мгновение отдать всю мощность?

В эту зиму Озолин ближе присмотрелся к Чарлзу Гоффу. Случайно ему попались высказывания норвежца о себе. Вот что он прочел: «В сумрачный вечер я сидел у камина, протянул ноги к окну и анализировал технику прыжка с помощью физики и анатомии. Так я хотел найти наилучшие для себя приемы».

Желания их совпадали, они легко сговорились бы при встрече.

В дневнике Озолин записал:

«Я понял, зачем мне нужно опускать ноги на рейку, когда уже тело переместится через нее. Я понял, что, опуская одну часть тела, мы передаем тяжесть на другую его часть. Это весы: когда одна чаша — ноги—опускается, другая чаша— туловище и руки — поднимается. Вот мой закон прохождения через рейку».

За зиму он не остыл и в чудесной спортивной форме начал сезон. Четыре метра девятнадцать с половиной сантиметров было его первым результатом, потом он десять раз переходил рейку на высоте четырех двадцати, потом—четырех двадцати трех и вот на празднике пионеров и школьников показал ребятам такое, чего и сам от себя не ждал: четыре метра двадцать шесть сантиметров! Европейский рекорд, поставленный Чарлзом Гоффом на гельсингфорсском стадионе, впервые за двенадцать лет в Европе был побит, и побит на целый сантиметр. Так Озолин стал чемпионом Европы.

Дуэль с Раевским кончилась: выстрелом в сторону он был выбит. Может быть, кто-нибудь хочет стать на его место?

Гимнастика мастеров спорта



Гимнастика — это основа спорта. Любой физкультурник, будь он даже чемпионом мира, если он не будет ежедневно тренировать свои мускулы, быстро сойдет со спортивного поля, потеряет форму и будет бит даже более технически слабыми противниками.

Для каждого вида спорта выработана своя система гимнастики, которая развивает все тело и одновременно усиленно тренирует те мускулы, которые нужны для этого вида спорта.

Мы помещаем несколько упражнений из тех, которыми занимаются физкультурники и мастера различных спортивных специальностей. Выберите из них те, которые вам понравятся, и повторяйте их по несколько раз каждое утро, п о с л е т о г о, как сделаете утреннюю зарядку по нормам значка БГТО.



Герой Советского Союза

капитан Левченко

Я был пионером



Пионер.

В 1920 году через нашу деревню проходила Первая конная армия. Буденновцы шли на польский фронт. Обгоняя конников, краем дороги ехал покрытый густым слоем пыли автомобиль. В машине сидело пятеро. У двоих на груди на тонких ремешках висели бинокли.

А мы, ребята, стояли у дороги и с завистью глядели на бойцов. Вдруг, поравнявшись с нами, машина остановилась и военный в кожаном картузе спросил, где сельский совет. Мы сказали. Чихая и дымя, поехала машина к сельсовету. Мы побежали следом.



Комсомолец.

После я узнал, что в этой машине ехали на фронт Климент Ефремович Ворошилов и Семен Михайлович Буденный.

Прошло много дней после этой встречи. А мы, ребята, только и говорили, что о буденновцах. И шапки себе понаделали буденновские. Тогда-то и зародилось у меня горячее желание стать бойцом Красной Армии.

Первого августа 1926 года в нашем районе проводилась военная игра. В ней принимали участие комсомольцы, пионеры и молодежь нашего района. Мы, пионеры, выполняли различные поручения командования: были связистами, ходили в разведку.

Один раз меня чуть было в плен не забрали. Я был вожатым звена. Взял трех пионеров из своего звена и пошел в разведку. Мне было поручено узнать, где «противник» и каковы его силы. Мы шли тихо, оглядываясь по сторонам, прислушиваясь к малейшему шороху. Но несмотря на нашу осторожность «противник» чуть было не перехитрил нас. Когда мы подходили к заросшему мелким кустарником оврагу, неожиданно из-под куста выскочил юркий мальчишка и скомандовал:

— Ни с места! Кто вы и куда идете?

«Ну, — думаю, — с тобой-то мы всегда справимся: ты один, а нас четверо, что ты нам сделаешь?» Я оттолкнул мальчишку с дороги и дал знак ребятам следовать за мной. Мальчишка вложил пальцы в рот и свистнул. Кусты зашевелились, из них выскочили «синие» и окружили нас.

— Кто вы и куда идете? — опять спросил юркий мальчишка.

— Мы недалеко отсюда пасем лошадей. Идем домой за водой. Пить захотели.

«Синие» нам поверили. А мы, разведав силы «противника», вернулись к своим и доложили командованию о том, что узнали в разведке. Через некоторое время

«красные» ринулись в атаку и одержали победу над «синими». Ну и смеялись же мы после над «синими», дозор которых так легко поверил нашим разведчикам.

В 1929 году, когда возник конфликт на КВЖД и в Манчжурии начались бои, я уже был комсомольцем. Пришел в райвоенкомат и сказал:

— Я комсомолец. Прошу принять меня в ряды РККА и направить на Дальний Восток.

— А сколько тебе лет?—спросили меня.

— Шестнадцать.

— Рано тебе. Молод еще в Красной Армии служить. Подожди годика два.

Обиженный, шел я домой, а сам думал: «Ладно, годика два подожду, а потом все равно пойду добровольцем».

Через два года меня приняли в полковую школу младшего комсостава. Я так горячо принялся за учебу, что окончил школу за три месяца — на семь месяцев раньше установленного срока — и в восемнадцать лет получил звание младшего командира. А еще через год товарищи провожали меня в школу среднего начсостава. Окончил ее и, получив звание лейтенанта, переехал на Дальний Восток.

За веселый характер и песни меня прозвали песенником. Да и все бойцы моей роты умели мастерски плясать, играть на гармонии, петь. Однажды после ужина дневальный доложил, что меня вызывает к телефону начальник соседней заставы.

— Здравствуй, товарищ Левченко,— говорит начальник заставы,— у меня к тебе есть небольшая просьба. Не сможешь ли ты сегодня дать нам концерт?

— Что?—удивленно спросил я и, догадавшись, в чем дело, засмеялся. — Какие же мы артисты!

— Не скромничай, Левченко,— говорит начальник, — ты же певец-солист.

— Тоже нашли певца,— пробую возразить я, но начальник заставы настойчиво просит выступить перед бойцами.

— Ладно, выступим,— говорю я.

И через десять минут на импровизированной эстраде среди темневшей в сумерках зелени начался концерт. На сцену вышел комсомолец баянист Иртегов. Он сел на стул и растянул гармонь. Я пел. После меня выступали бойцы моей роты. Концерт прошел очень хорошо.

Это было как раз накануне боев. На следующий день, увешанный походной амуницией, я быстрым маршем вел свою роту кратчайшей дорогой: через ложбины, поросшие кустарником и высокой травой, через болота, ручьи и сопки, к границе, к озеру Хасан.



Герой Советского Союза.

В боях у озера Хасан я много раз водил в атаку своих бойцов. Сжимая винтовки в руках, подняв над головой гранаты, с кличем: «За Сталина!» — бросались мы на самураев.

Здорово досталось японским захватчикам. Крепко проучили мы их.

На восемнадцатом партсъезде командующий Первой Особой Краснознаменной Армией товарищ Штерн рассказывал о том, как мы били японских самураев. Он говорил, что в следующих стычках с фашистами мы будем за одного нашего бойца уничтожать десять вражеских солдат.

— Десять мало,— прервал его Климент Ефремович Ворошилов,— надо двадцать.

— Поправку принимаю,— ответил товарищ Штерн.

И все мы, бойцы и командиры Красной Армии, сейчас упорно учимся. Учимся еще лучше, еще сокрушительней бить врага, если он только сунется на советскую землю.

Левченко

КИТАЙСКИЕ ДЕТИ

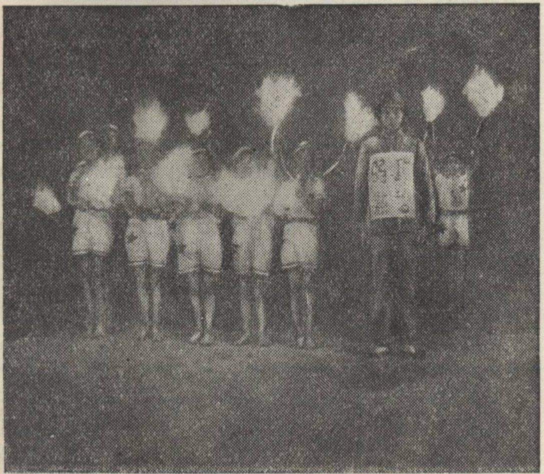
Эти заметки и письма китайских ребят мы перепечатываем из китайского юношеского журнала „Фронт молодежи".



Обложка журнала «Фронт молодежи»



Китайские ребята — участники спортивного праздника.



Живая газета китайских пионеров выступает ночью с факелами на фронте перед бойцами.

Бесстрашный пионер

В 20-м партизанском отряде Второй китайской народной армии был маленький, 9-летний мальчик-пионер. Отец записал его в антияпонский пионерский отряд, когда ему исполнилось 8 лет. В этом отряде он воспитывался, готовясь стать хорошим защитником своей родины.

Когда ему исполнилось 9 лет, ребята выбрали его своим вожатым. Несмотря на то что он был еще очень молод, ему удалось хорошо организовать ребят, и они часто помогали партизанам.

Пионеры собирали вокруг себя неорганизованных ребят, рассказывали им о зверствах японцев и потом создавали из этих ребят новые пионерские отряды.

Пионеры служили разведчиками у партизан, переносили партизанам указания от командования, заменяли сторожей в деревнях, когда все взрослые уходили с партизанами.

Однажды этот маленький пионер был на собрании партизанского отряда. В это время на деревню налетели японские бандиты и партизанам пришлось отступить. Замешкавшись, мальчик отстал от партизан и попал в плен к японцам.

Видя, что он еще совсем маленький, японский офицер решил узнать от него

о партизанах, о том, сколько их, куда они ушли. Он велел принести конфеты, пряники, игрушки, чтобы задобрить мальчика. Но японцы ошиблись. Маленький пионер всей душой ненавидел захватчиков. Он оттолкнул предложенное ему угощение, все время повторяя:

— Китайские конфеты вкусные, а японские — противные... Отстаньте от меня.

Тогда офицер начал его допрашивать. Он стучал револьвером по столу и кричал:

— Где скрываются партизаны?

— Не знаю.

— А ты знаешь, кто в этой деревне партизаны?

— Все китайцы — партизаны.

— Кто твой отец и мать?

— Кто бьет японцев, тот мой родной отец.

Взбешенный ответами маленького героя, офицер приказал солдатам немедленно расстрелять пионера. Но солдаты мешкали. У них не подымались руки, чтобы выполнить этот чудовищный приказ. Тогда офицер с яростью выхватил саблю и замахнулся ею над головою мальчика. Пионер стоял прямо и пел любимую песню китайских ребят:

«Маленькие братья, маленькие сестренки, мы все пионеры, антияпонцы...»

Он не успел закончить песни: сабля палача опустилась на его голову.

Не вышло

Когда японцы захватили город Амой, они решили через ребят выведать, кто здесь в городе из китайцев активно боролся против японцев, чтобы потом арестовать их.

Для этого они устроили детский праздник, на который собрали всех учеников города. Японские офицеры принесли на праздник много игрушек, конфет и стали раздавать их ребятам вместе с листком белой бумаги.

На этой бумаге японцы предложили ребятам написать в японскую газету заметки о китайско-японской дружбе.

Большинство ребят вернуло бумагу обратно чистой, а некоторые смельчаки написали совсем не то, чего хотели японцы. «Мы должны разбить японских бандитов»,— было написано на одних листках. «Вернуть наши реки и горы, выгнать низких бандитов»,— было написано на других.

Когда японцы увидели, что их затея не удалась, они пришли в дикую ярость. Арестовали ребят, написавших антияпонские лозунги, и повели их в штаб.

По дороге ребята громко кричали: «За народное правительство! Долой японских бандитов!»



В тылу войск бригады китайских пионеров помогают взрослым убирать урожай.



Китайские пионеры-физкультурники обучаются штыковому бою.

Письма бойцам

Бойцы на фронте часто получают письма от ребят. Вот некоторые из этих писем.

Моим старшим братьям, сражающимся на передовых линиях!

Вы боретесь с японскими бандитами за свободу нашей родины, вам тяжело. Вы постоянно находитесь в огне снарядов и вражеских пуль. Ваша храбрость вызывает у нас чувство глубокого уважения и восхищения.

Мерзкие захватчики! Как ненавидим мы их.

Я надеюсь, что я и наши ребята тоже скоро подрастем и сможем отправиться на фронт. И мы будем не только проливать кровь, но как и вы добиваться победы.

Победа ждет нас впереди!

Шлю свой горячий привет.

Ваша маленькая сестра Пин-Фий-мин.

*

Уважаемые бойцы!

Я из города Баодин. Мы убежали оттуда в Сиань, когда пришли японцы. Все наше имущество они отобрали и дом сожгли. Видите, какие это мерзкие бандиты!

Вы уже боретесь против японских захватчиков около двух лет. Бейте японцев еще лучше. Наше государство большое, людей у нас много, народ крепко сплочен, так что мы, несомненно, выгоним японцев прямо в Токио.

Желаю вам лучше и крепче бить японцев.

Маленький беженец Хань Чан-цзан.

*

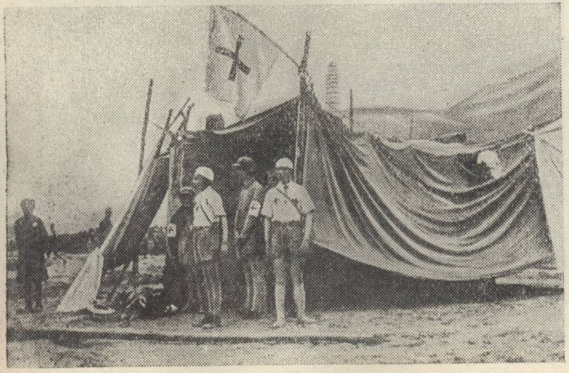
Героическим братьям, воюющим с японцами!

Вы оставили родные места, любимую семью, старую мать и детей для того, чтобы защищать родину от японских захватчиков. Вам приходится недоедать, вам иногда не хватает одежды. Вы сражаетесь в трудных условиях. И вы делаете это во имя родины, во имя миллиона беззащитных женщин, детей и стариков.

Родные, не тревожьтесь о ваших семьях! Мы окружим их заботой и братским вниманием. Наточите острее штыки, уничтожайте японских гадов, отомстите за убитых женщин и детей, за тысячи погибших китайских бойцов.

Шлю горячий привет. Скоро-скоро я присоединюсь к вам.

Ваш брат Ян Тин-чжен.



Юные санитары китайской армии.



Ребята разучивают революционные песни.

Китайские ребята отвечают

Одна китайская газета задала китайским ребятам несколько вопросов.

ВОТ ОТВЕТЫ НЕКОТОРЫХ РЕБЯТ:








Как тебя зовут, и сколько тебе лет?	Что ты любишь делать, и чего бы ты хотел?	Что ты не любишь делать, и чего ты не хочешь?	Как ты думаешь: Китай победит Японию?	Если твой район захватят японцы, что ты станешь делать?	Чем хочешь заниматься, когда вырастешь?
Меня зовут Лан Чун-юу. Мне 11 лет.	Я очень хочу сражаться против японцев.	Я больше всего ненавижу предателей.	Мы, китайцы, обязательно должны выгнать японцев из Китая.	Если японцы придут в наш район, я должен убить восемь японцев, чтобы отомстить за свою семью.	Когда я вырасту, пойду в армию.
Мне 12 лет. Я девочка, и зовут меня Жу-Ай.	Я очень люблю играть в мяч, пинг-понг и на губной гармошке. Я очень хочу сражаться против японцев.	—	—	Маленькие ученики тоже должны вести пропаганду в тылу. Если придут японцы, я буду бить их хоть палкой.	Когда я вырасту, буду работать.
Я мальчик Ли Шу-ни. Мне 8 лет. Мой папа убит японцами.	Я бы очень хотел поймать убийцу.	Я не хочу быть рабом.	Китайцы должны одержать победу над японцами.	Если японцы придут, мы должны их убивать.	Когда вырасту, я отомщу японцам за своего отца.
Меня зовут Ван Му-жи. Мне 10 лет.	—	Я не люблю плакать.	Я говорю: Китай победит Японию.	Если к нам придут японцы, я не буду их бояться, потому что этим делу не поможешь.	Когда я вырасту, то стану солдатом, а сейчас отец не пускает.
Мне 14 лет. Зовут Сум Дью-дмун. Отец мой был добровольцем в армии и убит японцами.	Я очень люблю петь и танцовать. Я выучил сам несколько танцев и обучаю теперь нескольких ребят. Скоро они уже будут выступать на школьном празднике.	Я очень не люблю людей, которые не работают.	Если все китайцы объединятся против японцев, то, несомненно, выгонят их на восточный океан.	Если в наш район придут японцы, я буду драться с ними до их смерти.	Когда подрасту немножко, стану солдатом.

Михаил Пришвин

Добрый воин бобрового народа



Серая Сова в национальном костюме и военном головном уборе.

Тем, кто не читал книгу Серой Совы «Странники лесных пустынь», надо знать, что эта пересказанная мной с английского книга является художественной автобиографией индейца, канадского охотника за бобрами, прозванного своими сородичами за ночной образ жизни Серой Совой. Потомок гордой воинственной расы, истребленной почти до конца хищниками так называемой «цивилизации», влачил свое существование в Канаде в качестве лесного бродяги, охотника за бобрами, лодочника, грузчика, носильщика. Война 1914 года, во время которой индеец вынужден был поглядеть на «белый свет», положила конец иллюзиям охотника за бобрами: в период войны бобры почти до конца были уничтожены трапперами, североамериканскими браконьерами, леса же беспощадно уничтожались. В этот тяжелый период жизни случай свел Серую Сову, бесприютного бродягу, с отличной женщиной-индианкой Анахарео (пони), которая стала его женой, другом и очень повлияла на его поведение, или, вернее, на творческое его возрождение.

В книге «Странники лесных пустынь» Серая Сова рассказывает, как он с Анахарео и с другом своим Давидом Белый Камень пустились искать страну непуганых птиц и зверей, в какое-то Тулэйди, местность, по рассказам охотников-вралей, переполненную бобрами. Никаких бобров в Тулэйди не оказалось, но случайно в крайней нужде, убив самку бобра, Серая Сова и Анахарео взяли себе на воспитание двух осиротевших бобрят. Молодые супруги привязались к этим бобрятам как к собственным детям и через это поняли, что не истреблять надо чудесного зверя, а возрождать. Мысль о бобровой колонии в этих условиях была мечтой самой фантастической, самой невозможной для своего осуществления. В период охотничьего безделья, в промежуток зимнего и весеннего пушного сезона, Серая Сова, освежив свой неважный английский язык слушанием по радио, попытался написать в лондонский журнал о бобрах. Тогда у индейца оказался большой талант, и вскоре он сделался замечательным, всему свету известным писателем-анималистом. Известность помогла Серой Сове устроиться именно так, как он хотел. Канадский национальный парк пригласил его сотрудником, и в глуши девственных лесов, в небольшом домике на берегу озера Анджуан, он поселился вместе со своими бобрами. И вот именно **вместе**, потому что внутри дома Серой Совы бобры сделали свой дом, из которого они во всякое время могли по тоннелю уходить в озеро, а также прямо из озера мокрые приходить к Серой Сове и даже ложиться к нему на кровать. Так Серая Сова блестяще использовал славу писателя для устройства своего любимого, как он сам называет, **бобрового народа.** Этого человека слава не сумела искусить так, чтобы он в жизни разделился на двух: один, как писатель, другой, как человек. Серая Сова остался цельным человеком, который пишет о том, чем живет, что делает. Но уж, конечно, это лучшее счастье быть единым в мечтах, и планах, и делах не так-то легко завоевать, и не

даром оно дается. Трогательны признания Серой Совы о том, что когда он весной прощается с молодыми бобрами, уплывающими от него навсегда в неведомую им даль, когда он весной видит караваны летящих на север диких гусей, то и ему хочется бросить бобровый заповедник и тоже вместе с молодежью пуститься в поиски страны непуганых птиц и зверей. Однако, переборов себя, он вспоминает, что ему надо служить бобровому народу и что это **надо** создано им же самим и что вне этого повиновения для него нет нигде страны непуганых птиц.

Мало на свете есть людей, так любящих природу, чтобы постоянно чувствовать это **надо**. Огромное большинство людей в природе является просто потребителями, лишь в лучшем случае стремящимися здесь восстановить свои силы для возможности работать в городе. Иные из них развивают свою чувствительность и «жалость» к животным до крайности и носятся сами с собой, воображая, что они защищают природу.

Отношение к природе у Серой Совы, напротив, чисто деловое, мужественное и, назовем его, **производственное.** Да, конечно, он отказался от убийства бобров, но он вовсе не хочет отказываться от оружия и убийства врагов бобрового народа при охране его. Когда мы читаем о том, как ночной порой Серая Сова прислушивается во время своего караула, как он открывает приближение волка или другого хищника и в полумраке рассвета с помощью винтовки своей прекращает продвижение врага бобрового народа,— перед нами встает образ индейского воина. Единство самого нежного сердца с мужественной волей, с деятельным вмешательством в «естественный» порядок вещей — вот основные черты доброго воина бобрового народа Серой Совы.

Переведенная А. Ю. Макаровой повесть Серой Совы «Саджо и ее бобры» замечательна своей правдивостью и в этом отношении очень близка к лучшим традициям большой русской литературы. Кто хорошо знает книгу Серой Совы «Странники лесных пустынь», тому нетрудно в подвиге Саджо узнать Анахарео, жену Серой Совы, а в мальчике Шапиене — самого Серую Сову.

Героические воинственные образы индейцев, воспринятые нашей молодежью по американским романам, давно волновали нашу молодежь, и в мое время и раньше меня, во время В. Г. Короленко, множество детей пыталось убежать из гимназии в Америку, к индейцам. Мне лично тоже пришлось пережить такой побег на расстояние приблизительно тридцать верст от своей гимназии. На всю жизнь этот побег оставил мне материалы для раздумья и среди многих вопросов один немалый: по американским романам мы учились уважать героизм индейцев и в то же время по наставлениям учителей в гимназии и всех старших дома должны были чтить ту самую цивилизацию, которая стирала с лица земли этих индейцев. Американские романы того времени, однако, не давали никаких ответов на эти смутные вопросы, а только заманивали нашу молодежь в какую-то фантастическую Америку. Совсем другое писание Серой Совы, природного индейца, о тех же самых индейцах. Как большой реалист, он знает, что Синюю птицу поэзии, этот край непуганых птиц и зверей, в конце-то концов надо искать в правде повседневного труда. И оттого он берет материалы для своих книг из собственного опыта, из собственной жизни.

Прочитав Серую Сову о бобрах, хочется не бежать в несуществующую Америку, а повидать этих замечательных бобров, и тоже, быть может, как Серая Сова, сделаться пионером в каком-нибудь созидательном труде. И кто захотел бы идти этим путем Серой Совы, то в нашей стране всякому в деле приручения диких животных открыт великий простор. Так, недавно еще приручен и разводится как домашнее животное соболь — драгоценнейший пушной зверь сибирской тайги. Размножился в большой степени лось, и делаются удачные опыты приручения его как домашнего животного. Условия для разведения бобров у нас очень близки к канадским, и нет никакого сомнения, что в очень скором времени этот умница-строитель сделается у нас одним из самых любимых и близких животных. В лучшем бобровом заповеднике под Воронежем теперь уже насчитывают более тысячи бобров.

Саджо и ее бобры — это настоящая пионерская книга и не только пионерская в смысле возраста, а в смысле возбуждения желания в каждом что-то затеять новое, что-то начать.

★ ★ ★

СЕРАЯ СОВА

Саджо и ее бобры

Перевела и обработала Алла Макарова

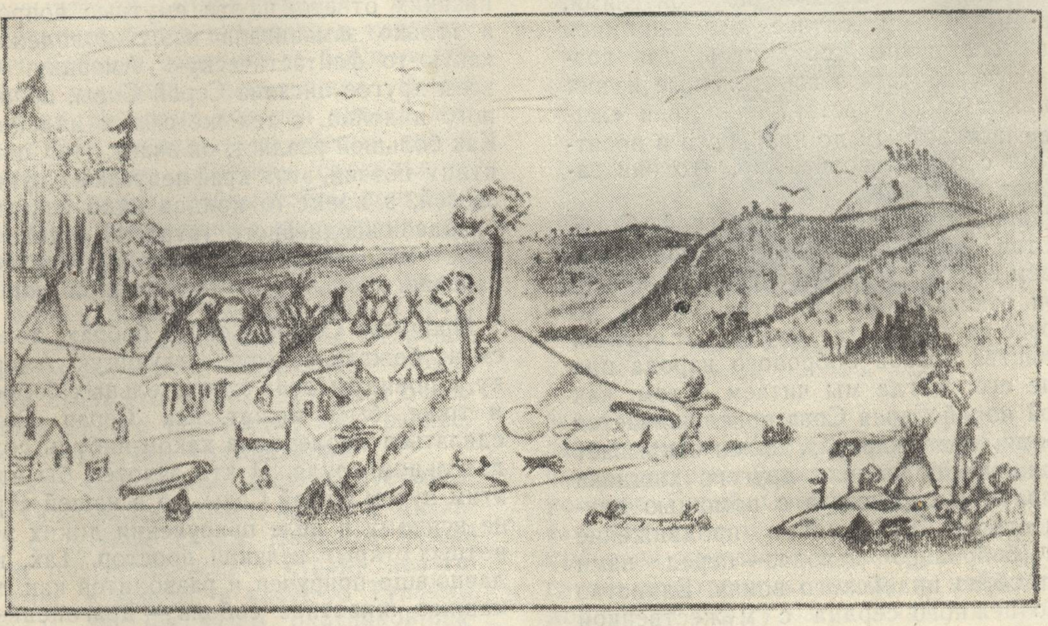
Рис. Серой Совы

Страна Северозападных Ветров

Далеко-далеко за городами, деревнями и полями Северной Канады лежит дикая, забытая страна. Если бы вам вздумалось взглянуть на нее, то пришлось бы проделать долгий путь через холмы и все дальше и дальше туда, где нет ни железных, ни проселочных дорог, ни даже тропинок. С индейцем-проводником вы поплыли бы на легком челне по рекам и озерам через бескрайние дикие леса, где олени, медведи, волки живут на свободе и олени бродят такими огромными стадами, что никто не мог бы счесть их.

Там, на Севере, вы увидели бы Америку такой, какой она была до того, как открыл ее белый человек. Даже теперь вы редко повстречаетесь там с бледнолицыми, потому что, кроме немногих траперов — охотников за пушным зверем — и торговцев, здесь живут только индейцы племени ожибвеев, которые называют свою родину Киуэйдин, или Страной Северозападных Ветров. Они поселились здесь так давно, что никто не знает, когда они сюда попали и откуда пришли. Далеко за пределами цивилизации они живут здесь так, как жили их предки сотни лет тому назад. Их вигвамы[1], среди которых лишь изредка виднеются бревенчатые избы, разбросаны небольшими деревушками в тенистых рощах и на открытых полянах, а иногда и на песчаном берегу озера.

Никто не сидит сложа руки в индейском становище, не исключая и ребят. Случается, что пушной зверь вдруг исчезает из округи, и индейцы следуют за ним, чтобы не умереть с голоду. Тогда весь лагерь снимается, все нагружают на ладьи или на сани, смотря по времени года, и отправляются в путь-дорогу за много-много миль. Во время зимних кочевок меднокожие мальчики и девочки становятся на лыжи и прокладывают тропу для целого каравана саней с собачьей упряжкой. Летом дети садятся за весла и вместе со взрослыми путешествуют по водным путям.



Индейское поселение на берегу озера.

Лес — это школа для индейских ребят. Там они узнают, как живут деревья, цветы и травы, какие обычаи и повадки у диких животных, как ловить их, как удить рыбу в любое время года, как разжигать костер во всякую погоду: в дождь, бурю, метель. Не

[1] Вигвам — шалаш из жердей, покрытых берестой.

только приучаются они узнавать голоса разных птиц и зверей: они умеют перекликаться с ними. Чтобы заставить слушаться ладью, они должны знать секреты движения воды в реках и озерах. Им надо научиться многому: владеть ружьем и топором, ходить на лыжах, водить караваны саней, не говоря уже о том, что необходимо знать, как мастерить мокасины, дубить шкуры и варить обед.

В далеких странствованиях по лесным пустыням они привыкают угадывать путь по солнцу, луне и звездам, очертаниям деревьев, форме холмов, по движению животных и многим другим приметам.

Не трудясь, не проживешь в индейском лагере, а тот, кто ленится, очень скоро остается без крова, одежды и голодает. В минуты нужды индейцы охотно делятся всем, что у них есть, но они не терпят лентяев.

Однако и в трудовой жизни есть часы отдыха. Часто в сумерках, при мерцающем свете северных звезд, труженики леса — большие и маленькие — собираются вокруг костра отдохнуть и послушать рассказы стариков. Здесь услышишь и про охотничьи скитания, и про индейцев далеких племен, и о великих людях седого прошлого, и о разных странных приключениях в лесу.

Но удивительнее всего рассказы стариков, побывавших в далекой стране на юге, где живут бледнолицые, — там, где огромные сани мчат на колесах по железной тропе, где дымящиеся ладьи плывут быстрее течения, где нет индейцев, почти нет деревьев — только ряды высоких-высоких домов.

Жадно слушают меднокожие детишки эти удивительные рассказы. Я рос среди них, вместе с ними сидел у костра и слушал рассказы о неведомых странах. Вот и мне захотелось рассказать про свою далекую дикую родину.

Много рек протекает в тех темных, дремучих лесах. Это водные пути для индейцев, которые странствуют в своих быстрых ладьях. Это пути и для многих животных: для выдры, норки, мускусной крысы. Неведомые тропы вьются в глуши лесной. Вы бы их ни за что не нашли. Это дороги сухопутных зверей. Есть среди диких зверей одиночки, которые не имеют постоянного жилья; другие живут обществами, строят большие города с подземными тоннелями и коридорами. Самые умные из них — бобры: они строят теплые дома, сооружают плотины, откладывают запасы корма на зиму, работают почти как люди и часто лепечут что-то друг другу в часы отдыха, словно разговаривают между собой. Индейцы удивляются уму и трудолюбию этих зверьков, с интересом наблюдают их жизнь и считают их чуть ли не младшими братьями человека.

Вблизи вигвама можно часто встретить ручного медвежонка или олененка, резвящегося на свободе, иногда и бобрят. Индейцы любят животных и охотно приручают их. Четвероногие малыши так привыкают к жизни индейского лагеря, что не уходят в лес; они покидают своих хозяев, только когда становятся взрослыми. Но их место скоро занимают другие питомцы лесов.

Я хочу рассказать вам про одного охотника-индейца, про его сына, дочь и двух бобрят. Вы услышите об их приключениях в глухих лесах Севера и в шумном городе. О том, как они все дружили, о разлуке и радостной встрече, страшных опасностях, минутах восторга и о том, что из всего этого получилось.

Итак, забудьте автомобили, радио, кино и перенеситесь вместе со мной в волшебную страну вигвамов, собачьих упряжек, быстроходных лыж и легких челнов. И там вы увидите огромные реки и озера, дремучие леса, животных, которые разговаривают, словно люди, и живут в своих собственных городах. Высокие деревья будут кланяться и кивать вам макушками, к вам донесется нежная песнь ручейка, а мы разместимся вокруг костра в дымном вигваме, и я поведаю вам свою повесть о далеком прошлом.

Гитчи Мигуон — Большое Перо

Вверх по быстрому течению Березовой реки в те дни, когда взор бледнолицего еще ни разу не скользил по ее прозрачным водам, индеец плыл в своей ладье.



Это был высокий, стройный человек с умными темными глазами и черными волосами, заплетенными в две длинные косы. Он был одет в обычное индейское платье из дубленой оленьей шкуры медно-коричневого цвета, украшенное такой же бахромой. Его пиро́га[1] была выкрашена соком ольхи, под цвет золотистых стволов желтой березы; все щели ее тщательно залиты темной сосновой смолой, чтобы не просачивалась вода. У пиро́ги на носу огромный расписной глаз, словно у сказочной птицы, а у кормы привязан лисий хвост. Для индейца пиро́га все равно что живая, и ему кажется, что она у него зорка, как птица, легка и проворна, как лиса. На дне лежали туго свернутая палатка, маленький мешок с провизией, топор, котелок и длинное старое ружье.

С верхушек берез доносился к холмам тихий шопот — шелест, который никогда не смолкал: это ветерок набегал и играл листьями. Индейцы так и назвали эти холмы Холмами Шепчущихся Листьев. Вдоль берегов тянулся темный бор, его высокие сосны далеко над водой распростерли свои могучие ветви. Реполовы, черные дрозды, зеленушки кружились над изумрудной травой и распускающимися почками пушистой

[1] Пиро́га — индейский челн из березовой коры.

ивы в поисках пищи. Воздух был напоен сладким ароматом шиповника и вереска, потому что это был май — месяц цветов.

Гитчи Мигуон — Большое Перо, так звали индейца — был из племени ожибвеев. Много дней плыл он в своем челне против быстрого течения Березовой реки и уже далеко отъехал от дома. Настойчиво, день за днем продвигался он вперед: то плыл по спокойной воде, как сейчас, то преодолевал быстрые стремнины, направляя свою легкую пирóгу вверх по бурным пенящимся порогам, огибая подводные скалы, с искусством, которым владеют немногие бледнолицые и далеко не все индейцы.

В это утро путь Гитчи Мигуона преградил водопад, дикий и прекрасный; он соперничал с соснами в своей высоте, и солнце играло радугой в пенящихся брызгах у его подножья. Пришлось причалить к берегу чуть пониже разъяренного, жадного водоворота, который чуть было не увлек пирóгу в глубину.

Взвалив челн дном кверху на плечи, Гитчи Мигуон понес ее вверх по берегу, чтобы обойти водопад. Он пробирался между шумящими великанами-деревьями по тропе, отмеченной столетними следами, тенистой тропе, на которую никогда не падал луч солнца. Индеец вернулся к месту причала за своей скромной поклажей, нагрузил челнок и продолжал путь по спокойной воде.



В зарослях промелькнула рысь.

Когда река сделала поворот, Большое Перо зорко посмотрел вокруг себя. Вот два настороженных пушистых уха приковали его внимание — другие звери куда-то скрылись, — два горящих глаза уставились на него из темноты леса. Вот серебристая рысь промелькнула в зарослях, словно тень. Испуганная лань бросилась вскачь, пронзительно свистнув и мелькнув белым хвостом между деревьями. А один раз он наткнулся на американского оленя, огромного, как конь. Олень стоял по грудь в реке, погрузив голову в воду, и откапывал со дна корни лилий. Занятый своим делом, он сначала не почуял Гитчи Мигуона, а потом вдруг прянул, вскинув могучую голову, в недоумении уставился он на охотника, вода струилась по его морде и шее. Потом олень повернулся, бросился к берегу и тут же исчез. Но тяжелые удары его копыт, треск ломающихся веток и подлеска все еще доносились несколько минут, пока животное мчалось, прокладывая себе путь в глубь лесной чащи.



Ничто как-то не радовало в тот день Гитчи Мигуона: он тосковал о дочурке и сыне, которых пришлось оставить дома. У них умерла мать, и сиротки были теперь совсем одни. Большое Перо обычно брал их с собой в охотничьи странствования, чтобы не расставаться надолго. Но на этот раз пришлось отправиться одному, так как он ждал опасных столкновений на своем пути. Индеец племени кри принес ему тревожную весть о том, что в их краях появилась шайка траперов-метисов, которые массами уничтожают бобров. Настоящий индеец никогда не станет ловить пушного зверя на чужом охотничьем участке, считая это воровством. Но метисы — полубелые-полуиндейцы, испорченные городской жизнью, — забыли старые индейские обычаи и готовы ограбить любой лесной участок. А что будешь делать без пушного зверя, как кормить семью, чем платить в обмен за хлеб?

Вот и пришлось Большому Перу отправиться на свой зимний охотничий участок, чтобы оградить его от набегов. Но он никого не встретил на своем пути и не нашел ничьих следов. А так как пора стояла теплая, весенняя, пушной зверь линял и не имел больше цены для воров, то Гитчи Мигуон решил, что делать тут нечего и назавтра можно ему собираться домой.

С этими мыслями он спокойно плыл вдоль берега, хотя все еще искал глазами следы непрошеных гостей. Вдруг он услы-

шал острый, пряный запах: какой-нибудь зверь, а может быть, и человек, пробирался здесь и растоптал листья мяты. Весь насторожившись, Гитчи Мигуон бросил быстрый взгляд на берег. Оттуда прыгнуло в реку—прямо перед носом его пиро́ги—маленькое, темное, коренастое тельце. Бултыхнулось в воду, словно камешек, и исчезло. Но через минуту показались черная голова и коричневая, покрытая мехом спина; зверек огибал лодку, пока не почуял запаха человека. Широкий плоский хвост громко плеснул по воде. Как стрела, метнулось маленькое тельце в глубину, подняв целый фонтан брызг.

Большое Перо отряхнул капли воды с рукава своей кожаной рубашки и улыбнулся. Его-то он и хотел видеть. Это был бобр. И не замер еще встревоженный крик бобра, как в ответ донесся другой, громкий и пронзительный, словно ружейный выстрел. Бобров было два.

Индеец снова улыбнулся: теперь он уже больше не сомневался, что никто не охотился здесь. Таких бобров ничего не стоит поймать. И если этих беззаботных зверушек, которые подпускали к себе так близко, никто не изловил,—значит, и остальные в целости и сохранности. Но все же, чтобы убедиться в этом окончательно, Гитчи Мигуон решил отыскать их жилье. Бобровую хатку нетрудно найти, потому что бобры во время своих странствований сгрызают там и сям тонкие побеги ольхи и вербы, объедают с них кожицу, и эти ободранные прутики, белые и блестящие, разбросанные по пути, всегда приведут к их жилью. Очень скоро индеец пришел к месту, где маленький ручеек впадал в реку; у его устья он обнаружил, как и ожидал, остатки бобрового обеда—кучку тонких блестящих прутиков. Не оставалось сомнения, что бобровый дом должен быть где-нибудь вверх по ручью, в какой-нибудь тихой заводи, какие любят бобры.

Бобры закусили на краю открытой полянки, где несколько сосен-великанов стояло врассыпную, словно забрели сюда из леса и не могли вернуться обратно.

Гитчи Мигуон развел костер и тоже решил здесь пообедать. Он воткнул тонкий шест одним концом в землю наискосок над пламенем костра, а на другой его конец повесил чайник: индейцы любят пить чай во время своих скитаний. После этого на прутики с развилком он наткнул кусочки мяса и укрепил их над горячими углями.

После обеда Гитчи Мигуон спокойно покурил, прислушиваясь к напевам ветерка, игравшего в соснах. Так сидел он некоторое время, прислонившись к сосне, и следил, как дымок рисует причудливые узоры в воздухе.

Отдохнув, Большое Перо перевернул свой челн вверх дном, спрятал под него снаряжение, взял свой дробовик и отправился вверх по берегу ручья в поисках бобрового пруда.

Он продвигался легкой походкой среди тишины словно задремавшего леса, его бесшумные мокасины не оставляли за собой следов. А высоко в ветвях щелкали и цокали ему что-то белки, и зимородки веселой стайкой провожали его, пересаживаясь с дерева на дерево; иногда они залетали вперед словно для того, чтобы лукаво взглянуть на него и присвистнуть, когда он пройдет. Гитчи Мигуон радовался этим встречам и шел неспеша.

Вдруг он остановился, прислушиваясь к чему-то. Его чуткий слух уловил какой-то странный, неожиданный звук. Он становился все громче и громче, пока не превратился в рев. И тогда Гитчи Мигуон увидел, как вниз по ручью, прямо к нему навстречу несется поток изжелта-мутной воды, увлекая с собой массу прутьев и сухой травы, разливаясь до самых краев речного ложа, бушуя с дикой силой. Что-то страшное случилось с бобровым прудом. Только одно объяснение было этому: человек либо зверь—кто-нибудь прорвал плотину; и стремительный поток—это та самая вода, которую с таким трудом берегли бобры и без которой они станут беспомощны.

Не теряя ни минуты, с ружьем в руках Гитчи Мигуон помчался через лес, который только что казался ему таким приветливым и вдруг сделался грозным и мрачным. Охотник бежал со всех ног, чтобы спасти бобров от гибели; он перескакивал через сваленные бурей деревья, продирался через лесную чащу, оставив далеко позади друзей—белок и зимородков,—несся с быстротой оленя через темный лес к пруду, веря, что он подоспеет вовремя. Он хорошо знал, что случилось.

Выдра—лютый враг всего бобрового народа — была на военной тропе, и бобры теперь уже бились не на жизнь, а на смерть.

Бобровый дом

Если бы мы поспешили вверх по ручью в то время, когда обедал Гитчи Мигуон, мы пришли бы к бобровому жилью до того, как выдра прорвала плотину. Мы очутились бы на берегу маленького глубокого пруда и на противоположной стороне заметили бы высокую толстую стену, которая перегораживала русло ручья. Она была сплетена из сучьев и прутьев, все щели были законопачены мхом, и все сверху было замазано илом. Вдоль всей стены наверху положены были тяжелые камни, чтобы придать стене бо́льшую прочность. Почти сто футов в длину и более четырех футов высоты имела эта стена. Пруд питался водой из ручья, которая стекала в него по жолобу, сооруженному из прутьев.

Всякий подумал бы, что здесь трудились люди: так искусно все было сделано, — а между тем это была работа животных. Стена удерживала маленькое озеро в его берегах. Без этой плотины не было бы пруда, здесь протекал бы только ручеек.

Пруд залит был солнечным светом. И так

тихо приютился он там, среди Холмов Шепчущихся Листьев, и зеркальная поверхность его была так прозрачна, что утки, дремавшие на воде, казалось, плыли в воздухе. И до того четко было отражение стройных тополей, что трудно было сказать, где кончалась вода и где начинались деревья. Очень красиво было там. Совсем как в сказке. И очень тихо, потому что ничто не двигалось. Если бы не дремавшие утки, можно было бы подумать, что там никто не живет.

Но это было не так. И стоило только приглядеться внимательнее, стараясь не шевелиться, не разговаривать и даже не шептаться,—вы заметили бы очень скоро, что вода около берега слегка подернулась зыбью. Темнокоричневая голова с круглыми ушами выглянула осторожно из-под воды, настороженно прислушиваясь и понюхивая. За головой показалось покрытое мехом тельце, и зверек быстро поплыл к противоположному берегу, уже совсем на виду, но беззвучно, и исчез в тростниках.

Высокие тростники раскачивались и трепетали минутку, пока зверек работал там, но скоро он снова появился, на этот раз с большим пучком травы. Он поплыл к огромному черному земляному бугру и нырнул возле него вместе с травой.

Не успел он исчезнуть, как другая голова, тоже с пучком травы, уже плыла с противоположной стороны. Кто-то пошевелился, и в ответ огромный плоский хвост тяжело ударил по воде, и тут же с громким всплеском голова и пучок нырнули под воду.

Такую именно сценку пришлось наблюдать Большому Перу в то утро. Огромная насыпь, выше роста человека, была бобровым домом, а зверьки — бобрами. Они были очень заняты.

Землянка возвышалась больше чем на шесть футов в высоту и тянулась на десять футов в длину. Она только недавно была вновь обмазана глиной; тяжелые бревна подпирали ее покатые стены. Все сооружение выглядело очень прочным, словно крепость, и если бы даже оленю вздумалось взобраться на его крышу, все равно ничего бы не случилось.

Сбоку виднелась широкая дорожка, по которой доставлялся строительный материал. И если бы вы были очень терпеливы или ветер не выдал бы вас этим чутким зверькам, вы увидели бы, как старый бобр, подрыв с берега ком земли, вместе с ним направился к хатке. Он плыл медленно, стараясь не рассыпать землю по дороге. Потом встал на задние лапы, выпрямившись во весь рост, совсем как человек, взобрался на крышу, держа ком в охапке, и там опустил его. После этого он стал заполнять землей щели и дыры и скреплять все прутьями.

Эта работа делалась неспроста: внутри причудливого домика, скрытые от всего света, жили четыре бобренка.

Маленькие пушистые зверьки с черными блестящими глазками, большими задними перепончатыми лапками, маленькими передними, так похожими на ручки, были очень хороши собой. Их плоские хвосты казались резиновыми. У них был прекрасный апетит и, наверное, очень хорошие легкие, потому что иначе они не могли бы заливаться такими громкими и протяжными криками. Старые бобры окружили их большой заботой.

Внутри землянки была большая комната. Даже человек, свернувшись калачиком, мог бы в ней поместиться. Она была очень чистая, в ней приятно пахло от устланного ивовой корой пола и подстилки из душистых трав.

Попасть в хатку можно было только через круглое отверстие в полу—нырялку; она вела в наклонный туннель, спускающийся к самому дну пруда. Нырялка всегда была полна водой до самых краев, и неуклюжие бобрята могли напиться из нее, не бултыхнувшись вниз. В случае же такой беды—а ее не всегда минуешь—они легко выкарабкивались оттуда.

Весь туннель вместе со входным отверстием у дна пруда был под водой, а поэтому никто из сухопутных животных не мог не только попасть в него, но даже его увидеть. Но если бы прорвало плотину и ушла бы вода из пруда, бобрам грозила бы страшная беда. Укрыться от врагов было бы негде: без воды бобры беспомощны.

Недаром старый бобр так внимательно следил за плотиной и лишь только обнаруживал течь, сейчас же начинал ее чинить. Много хлопот доставлял бобру и жолоб-водослив: нужно было все время вычищать из него всякий мусор, чтобы вода текла свободно, но не слишком быстро, иначе она затопила бы хатку; уровень воды в пруду необходимо было поддерживать на одной и той же высоте.

А сколько приходилось возиться с бобрятами! Одной бобрихе ни за что не справиться бы без помощи бобра. Заботливые родители очень часто меняли им травяную подстилку, приносили нежные побеги и листики для корма, причесывали и приглаживали их шерстку и бормотали им какие-то нежные бобровые слова, которые издали звучали, как тихая речь людей. Зато громкий жалобный плач бобрят, их лепет, прерываемый криками и взвизгиваниями, вырывался даже за толстые стены землянки. Очень шумными становились малыши, когда они были голодны, или радовались чему-нибудь, или же попадали в какую-нибудь беду. Только во время сна они притихали.

Весь день-деньской бобрята возились друг с другом, царапались, ползали всюду и по-своему были очень заняты. Потом наступала пора, когда они начинали учиться плавать в нырялке. Сначала они просто лежали на воде, случалось, и вверх ногами, или же барахтались там, визжа от радости. Они были очень легкими, их пушистый мех был совсем воздушным, поэтому им никак не удавалось погрузиться в воду достаточно глубоко, чтобы загрести воду одновременно двумя перепончатыми лапками. Вот и при-



Бобровая хатка.

ходилось подгребать то одной, то другой лапкой, переваливаясь с боку на бок, захлебываясь, извиваясь, барахтаясь. А старые бобры озабоченно плавали около них, подбадривая и, вероятно, давая советы на своем звучном бобровом говоре.

Но малыши быстро утомлялись. Тогда они вылезали из воды и отдыхали в сушилке. Сушилка была устроена немного ниже уровня пола, вероятно, для того, чтобы вода, струившаяся с шерсти зверьков, не замочила бы их зеленых постелей. Каждый бобренок очень тщательно выжимал, стряхивал, вытирал воду со своей шерстки: спереди, сбоку, сзади—отовсюду, куда только мог дотянуться. Они сидели на задних лапках, выпрямившись, и работали очень усердно, сопя и вздыхая. Наконец, когда это дело было закончено и все были сухие или же воображали, что это так, раздавался целый хор пронзительных криков. Тогда появлялись свежие зеленые листочки и водоросли, и крики нетерпения переходили в довольное чавканье и бормотанье. Скоро все затихало, маленькие глазки закрывались, и бобрята засыпали, сбившись в одну кучку.

И так день за днем на протяжении около трех недель, пока, наконец, не наступал чудесный праздник, когда бобрята, нырнув по темному туннелю, вдруг выплывали в неведомый ослепительный мир, который окружал их со всех сторон и которого они никогда еще не видели.

Сейчас бобрята спали. А родители поочереди оставались около них, поочерели осматривали плотину, следили, не подкрадывается ли хищник. Нужно было заготовить и корм и подстилку. Бобры хорошо знали, как только проснутся малыши, снова придется делать двадцать дел сразу: месяц цветов — очень хлопотливое время.

Наши маленькие друзья научились, наконец, нырять по-настоящему и уже не выскакивали из воды хвостом вперед, словно резиновый мяч; они могли уже проплыть довольно большое расстояние, не взывая о помощи, когда — в день нашей встречи с Гитчи Мигуном — старый бобр вдруг заметил, что вода в нырялке стала убывать. Он насторожился. И бобриха услышала бульканье и тоже пришла посмотреть, в чем дело. Вода, кружась воронкой, спускалась в туннеле все ниже и ниже.

Воды не стало.

Кто-то сломал плотину.

Бобры стремглав бросились вниз. Нельзя было терять времени. У них не будет воды, воды, от которой зависит жизнь детенышей! Их дом теперь открыт для всех на свете, а это грозит им смертью.

Четыре бобренка испугались очень сильно. Они почувствовали, что случилось что-то страшное, но были еще слишком малы, чтобы понять, в чем беда. Бобрята подползли близко друг к другу и тихо похныкивали. Родители ринулись вплавь по обмелевшему пруду, направляясь к плотине. Они обнаружили отверстие — величиной с бочку — в самом низу стены. В пруду совсем не останется воды. Бобры тотчас принялись за работу. Они таскали сучья откуда попало, выдирали большие комья земли с болотистого

берега, отгрызали своими острыми зубами ветки с упавших деревьев, катали камни. Они рыли глину и таскали ее к дыре в плотине; глина, смешавшись с водой, становилась вязкой и хорошо замазывала щели между сучьями, ветками и камнями. Плотина снова в порядке. Но, пока бобры трудились, в пруду совсем не осталось воды, а родниковая вода, которая питала пруд, собиралась очень медленно.

Усталые и измученные бобры брели к своим детенышам и к дому, который уже не был больше защитой для них. А как они трудились, чтобы построить его, и как нужен он был для семьи!

Бобры не умеют быстро ходить, и расстояние, которое они так легко могли проплыть, теперь превратилось для них в тяжкий путь по скользкому илу, через камни и заросли спутанных водорослей. Сколько драгоценного времени уйдет, пока они добредут, карабкаясь и спотыкаясь, к своей землянке! Любой зверь мог их настигнуть. А если повстречается волк или медведь, все погибло! Бобры беззащитны: природа создала их для работы, но не для схваток.

Скорее! Скорее! Гитчи Мигуон, беги со всех ног: твоя помощь очень нужна!

По вязкому дну пруда медленно продвигались два несчастных бобра, с болью переступая своими усталыми короткими ножками.

А в доме четыре бобренка, сбившись в одну кучу, с ужасом смотрели на блестящее черное чудовище с плоской гадкой головой. Оно подползало к ним медленно, оскалив зубы, шипя, как змея. Выдра! Голодная, злая, хитрая, она сломала плотину, осушила пруд, и теперь добыча была перед ней — четыре маленьких бобренка.



Ее длинное тело загородило вход — казалось, не было спасения. Она подобрала под себя лапы, готовясь к прыжку...

Как раз в эту минуту Гитчи Мигуон, запыхавшись, с ружьем наготове выскочил из тростников и в несколько прыжков очутился на камне перед бобровой хаткой.

Первое приключение

Выдра прыгнула. Жадная, она хотела схватить всех маленьких бобрят зараз! Но те отскочили, как четыре пружинки, в разные стороны. Не рассчитав прыжка, она упустила их всех, а сама со всего размаха налетела на стену. На минуту хищника оглушил удар. И это спасло бобрят. Они бросились к выходу, теперь уже свободному.

Разъяренная своей неудачей, выдра пустилась было вдогонку, но выход в конце туннеля был загорожен. Кем? Она еще не знала.

Не прошло и минуты, как началась жестокая схватка между выдрой и двумя бобрами.

Они пришли как раз вовремя. Выдра была кровожадна и ловка. Уж раз она вцепится зубами, она не выпустит своей жертвы. Но у бобров шкурка толстая — ее нелегко прокусить. Зато четвероногие строители, которые до сих пор пускали зубы в ход только для того, чтобы подтачивать стволы деревьев, с отчаяния впились в тело хищника.

Выдра билась жестоко — она была нетрусливого десятка — и все норовила стиснуть своими крепкими челюстями морду бобра, чтобы хоть один из них перестал кусаться. Но ей пришлось спасать свою собственную глотку.

Она вертелась, извивалась, как огромная мохнатая ящерица, забрасывая то влево, то вправо свою змеиную голову, шипя, щелкая зубами, рыча. Бобры же не издали ни звука, пока она таскала их с места на место, и только снова и снова впивались в нее зубами. Перед ними был враг, самый страшный из всех врагов, — его надо было доканать во что бы то ни стало.

И снова враги набрасывались друг на друга, боролись, кувыркались, пока не выкатились вниз по туннелю, извиваясь бесформенной массой ног, хвостов, сверкающих зубов, прямо к ногам Гитчи Мигуона.

Встреча с новым врагом обескуражила выдру. Метнувшись, что есть силы, она вырвалась на свободу и одним прыжком отскочила далеко в сторону.

Не обращая внимания на индейца, бобры побрели за убегавшим хищником, увязая в иле. А для выдры, наоборот, это была прекрасная дорога, в один миг она проскользнула футов на двадцать вперед. Два — три прыжка, и вот она уже у плотины. Махнула через нее и — поминай, как звали.

Никогда больше не станет она нападать на бобровый народ!

Большое Перо видел, как убегала выдра. Он направил было на нее дуло своего ружья, но, решив, что злодейка достаточно наказана, не стал стрелять: ведь бобрам она больше не причинит вреда!

Вода начала снова собираться: ее удерживала плотина. Пруд становился все глубже. Охотнику нужно было поспешить обратно к берегу.

Индейца немного беспокоила судьба маленьких бобрят. Он видел, как они бросились из хатки, но вернулись ли малыши, — этого он не знал. Поэтому, выбрав место, откуда его не было видно и нельзя было почуять, он присел на берегу и стал следить за тем, что происходит около бобровой хатки.

Он увидел, как бобриха стала собирать малышей. Двое бобрят появились из укромного уголка, где они притаились, спасаясь от страшного врага. Мать поочереди провожала их домой. Бобрята становились на плоский хвост бобрихи, придерживаясь лапками за ее шерсть, чтобы не упасть, и так,

словно на салазках, подъезжали ко входу в хатку. И, пока ехали, они смотрели во все стороны, разглядывали все кругом и, повидимому, были очень довольны.

Большое Перо улыбнулся, любуясь этой забавной сценкой. Потом он задумался. Присматриваясь ко всему, что происходило, он вдруг почувствовал, что очень жестоко убивать этих маленьких заботливых тружеников. Теперь только он понял, почему старики-индейцы часто называют бобров «Говорящими Братьями» и «Бобровым Народом».

Большое Перо решил переночевать у пруда, несмотря на то что не захватил с собой ни одеяла, ни еды: он боялся, что вернется злодейка-выдра или же появится другая, потому что эти хищники часто рыскают парами. Но никто не нарушил покоя бобрового пруда. К утру, когда Гитчи Мигуон покидал это место, пруд уже совсем наполнился водой и все, казалось, было в полном порядке, словно ничего и не случилось.

Индеец не подозревал, что двое бобрят, напуганные до полусмерти, выкарабкались из хатки, побрели по длинному потайному ходу под заболоченной землей и очутились около плотины. Вряд ли они знали, куда бредут, да, верно, они об этом и не думали, им только нужно было уйти от злого чудовища как можно дальше. Никем не замеченные, они перебрались на ту сторону плотины и продолжали свой путь по осушенному руслу ручья. Зловещее шипение все время преследовало их по пятам, словно в страшном сне. И так отчетливо оно вдруг стало слышно, что зверьки в ужасе забились в маленькую пещерку на берегу. Это было как раз вовремя: не успели они укрыться, как выдра, настоящая, страшная выдра, прошмыгнула мимо них.

Выдра не почуяла бобрят. И не удивительно: даже лиса своим чутким носом не почуяла бы их: бобрята, как и многие другие молодые зверьки, не распространяют никакого запаха.

Выдра мчалась без оглядки, все дальше и дальше; позади оставался пруд.

А скованные ужасом бобрята прижались друг к другу в своем убежище, не смея брести вперед, боясь вернуться обратно. И они стали поджидать свою мать.

Но отсутствие запаха, которое только что принесло им спасение, теперь оказалось для них бедой. Старые бобры обнюхали все кругом и не могли найти маленьких следов. Вот и сидели бобрята, забившись в свою пещерку, обездоленные, понурые, и все прислушивались, не донесется ли к ним голос матери.

Всю долгую ночь прождали они, дрожа от холода, голода и страха.



Большое Перо срезал березовую кору и смастерил корзиночку для бобрят.



Нескоро набрались зверьки храбрости, чтобы выглянуть на минутку, но сейчас же спрятались обратно: нужно было спасаться от огромного серого чудовища, которое спускалось на них сверху. Круглые желтые глаза заблестели близко-близко... Но вот оно взмыло вверх и уселось на ветку. А оттуда смотрело, смотрело на них и щелкало клювом, громко, протяжно кричало и очень страшно смеялось. Вопахо — Лесная Сова — Хохотунья — подкараулила их и хотела сделать своей добычей. И каждый раз, как они выглядывали из пещерки, страшные желтые глаза все еще глядели на них.

На рассвете сова исчезла. Вода уже струилась через плотину, и ручеек снова зажурчал. Бобрята спустились к нему и поплыли в поисках своего дома. Если бы они только знали, как близко была их хатка! Но у них все перепуталось. Не в силах бороться с течением, они отдались воле воды и спускались все ниже и ниже по ручью, все дальше и дальше от дома.

Так они плыли, слабые, голодные, не умея найти себе корм. И все-таки теперь они чувствовали себя как-то безопаснее, потому что были на воде.

Ручеек становился все спокойнее и спокойнее, и зверьки незаметно очутились на ленивых водах Березовой реки.

Лань, которая паслась на берегу, подняла голову и увидела их. Она насторожила уши и долго следила за ними своими красивыми глазами. Дальше на пути повстречалась ондатра—мускусная крыса,—она что-то громко пискнула им и прошмыгнула мимо. Птицы глядели на них с верхушек деревьев и что-то щебетали. А солнце грело так ласково! Мир был так прекрасен! И они продолжали плыть тихо, в дремоте, все дальше, неизвестно куда. Так бы они плыли, в забытьи от голода и слабости, пока не заснули бы, чтобы никогда больше не проснуться.

Но когда бобрята попали на зеркальную поверхность Березовой реки, их заметил Гитчи Мигуон.

Он сделал привал на опушке, у этого самого ручья, где недавно обедал. Спустив осторожно на воду свой челнок, он тихонько поплыл в нем. Бобрята услышали шум, приоткрыли глазки и увидели его. Но почему-то они не испугались, даже тогда, когда он поднял их за крошечные черные хвостики, чтобы опустить в лодку. Наверно, им все уже было безразлично. А может быть, они чувствовали, что индеец не обидит их: зверьки, даже самые маленькие, как-то чуют своих друзей.

Большое Перо осторожно взял бобрят на руки; их крошечные передние лапки сжались в кулачки, словно они приготовились к бою. Но круглые головки отяжелели и поникли, глазки смыкались. Индеец знал, что они умирают, и ему стало их очень жалко. Охотники часто бывают добрыми людьми.

Большое Перо решил во что бы то ни стало спасти бобрят.

Причалив к берегу, он достал банку с молоком, разбавил его водой и стал вливать зверькам в рот. Маленькие пушистые тельца распростерлись на огрубелых ладонях индейца, и он почувствовал, как слабо бьются их сердечки. С ними нужно было обращаться очень бережно.

Пока происходила кормежка, бобрята ухватились своими лапками, словно крошечными ручками, за сильные пальцы индейца. Большое Перо совсем растрогался. Однако нужно было спешить домой. Саджо и Шепиэн, наверное, уже заждались его. Дети были одни.

Но что же делать с бобрятами? Если их отнести к пруду, вряд ли они найдут дорогу к хатке: ведь надо целый пруд переплыть; оставить их тут на месте — еще хуже: они наверняка умрут с голода либо погибнут в когтях орла, ястреба или другого хищника. Большое Перо задумался: не взять ли бобрят с собой? Хотя он и понимал, что возни будет очень много. Приближался день рождения его дочери Саджо: ей исполнится одиннадцать лет. Забавные бобрята с курносыми носиками и черными глазками, наверное, очень понравятся девочке.

Бобрята были еще голодны. Если бы вы слышали их жалостные голоса! Как можно было покинуть малышей, которые плакали совсем, как дети? Гитчи Мигуон снова принялся хлопотать и поить их молоком.

Потом он подошел к березе, которая росла среди сосен, срезал с нее большой кусок коры и стал мастерить корзинку для бобрят. Из кедровых лучинок он сделал основу, обтянул ее берестой, а в стенках проделал дырочки, чтобы воздух проходил свободно. Еще он сплел ручку из коры кедра. Когда корзинка была готова, он выстлал ее дно травой и положил сверху сочные листики и молодые побеги тех растений, которыми питаются бобры.

Когда Большое Перо поднял своих питомцев за плоские хвостики, чтобы положить в корзинку, и они услышали запах душистой подстилки и нашли нежные почки и листики, которыми им так хотелось полакомиться, им сразу стало лучше. Казалось, теперь они забыли и страшное шипение выдры и сову с ее круглыми желтыми глазами. Они подползли друг к другу, что-то бормоча и урча про себя, и ели, ели, пока уже некуда было есть.

А Большое Перо, подгоняя веслами свою быструю пирогу на пути домой, очень радовался подарку, который вез детям. Он не сомневался, что и сынишка, хотя он и был тремя годами старше сестры, вместо с ней будет забавляться зверьками.

Разговаривая со своей пирогой, или с ружьем, быть может, с бобрятами, или просто сам с собой, он говорил:

— Минотакия! (Это хорошо). Кэгет минотакия! (Очень хорошо).

(Продолжение следует)



С Чапаевым

Воспоминания П. Евлампиева

Рис. Ю. Коровина

Нелегкое дело — рассказать о Чапаеве. Столько уже написано о нем и рассказов, и сказок, и песен разных, что, кажется, ничего нового и не расскажешь.

Служил я в те времена комиссаром 217-го Пугачевского полка Чапаевской дивизии и с самим Василием Ивановичем встречался довольно часто. Горячее было тогда время: что ни день, то бой. Бились и с белыми казаками и с кулачьём местным. А бои, надо сказать, были неравными. Частенько приходилось биться с противником, в два — три раза превосходившим нас численностью и вооружением. Но ничего — справлялись и не на шутку мяли ему бока.

Василий Иванович Чапаев формировал свои отряды в бывшей Самарской губернии. Там Чапаева народ хорошо знал. Его любили, ему верили. Знали, что он справедливый, честный человек, знали, что в империалистической войне он сражался храбро, не боялся смотреть смерти в глаза. И поэтому рабочие и крестьяне — бед-

няки и середняки — охотно шли в отряды к Чапаеву.

Чапаев очень любил народ. Сам испытав насилие царского строя, он строго следил, как бы кто не обидел крестьянина. Поэтому и народ относился хорошо к чапаевцам.

Однажды захватили мы село. А там пусто, никого нет. Крестьяне, над которыми колчаковцы зверски издевались, бежали в леса, в овраги.

Через полчаса смотрим: народ собирается, радуется. Все спрашивают: «Где Чапаев?» А Чапаев здесь же, на площади, в толпе. Появилась гармошка; бойцы, не успев отдохнуть, начали танцовать вместе с парнями и девушками. Смотрим, во всех хатах подоставали крестьяне припрятанные запасы и стали готовить самые лучшие кушанья. Когда наши красноармейцы приходили со своим хлебом, им говорили: «Зачем вы принесли свой хлеб, ваш хлеб черствый, кушайте наш, мягкий».

Был еще и такой случай. Получили мы приказ освободить город Уральск, окруженный белыми. Надо было в кратчайший срок перебросить дивизию под Уральск. А как это сделать, если почти все наши части пешие и лошадей нет? Вдруг смотрим: на площади перед штабом полным-полно повозок.

«Что за базар?» — думаем. А это, оказывается, приехали отцы, дяди, братья наших бойцов.

— Мы, — говорят, — Василий Иванович, ваших бойцов в два счета к Уральску подкинем.

Такая неожиданная помощь была очень кстати. Благодаря этой помощи мы освободили Уральск на целых шесть дней раньше срока. А на войне не то что день, час и полчаса имеют значение.

★

Василий Иванович всегда был вместе с бойцами, всегда в самой гуще боев. В картине «Чапаев» Василий Иванович разговаривает с Фурмановым и с командиром бригады Еланем. Раскладывая на столе картошку, он объясняет Еланю, где должен быть командир:

— Зачем ты пуле дал себя стукнуть? Не должен ты быть в том месте, — говорит Чапаев.

А Елань ему отвечает:

— Ты сам всегда впереди...

Так оно бывало и на самом деле. Сражались мы однажды у форпоста Бударинского. Вдруг зазвонил полевой телефон. У телефона Чапаев:

— Товарищи, я получил сообщение, что на вас движутся цепь за цепью примерно 5 цепей. Имейте в виду, у меня в резерве одна моя охрана — около 100 сабель. Другого резерва нет. Так что помочь нечем. Решайте сами — выдержите или не выдержите.

— Надо выдержать, — отвечаем.

Посоветовались мы с командиром полка и стали готовиться к отпору. А белые тем временем бросают в атаку конницу. Мы молча подпускаем их до рубежей, к которым заранее пристрелялись, и — трах! Летят кубарем из седел белые казаки, поворачивают назад коней.

Но тут же снова идут на нас новые цепи. Рассвирепели беляки, жмут напропалую. Силы наши все тают, и поддержки ждать неоткуда. Тяжело красноармейцам, но держатся. Вдруг смотрим: на левом фланге всадник в папахе и бурке.

— Чапаев здесь! Василий Иванович приехал! — понеслось по цепи.

И сразу поднялось настроение.

Двенадцать раз в тот день бросались в атаку белые казаки, и двенадцать раз мы отбивали их. А к концу дня сами пошли в наступление и разбили белых наголову.

Не только за храбрость—за ум, за справедливость, за чуткость любили Василия Ивановича бойцы. Он ведь во все мелочи вникал. И все, что в его дивизии делалось, знал лучше любого командира. Если случалось, что уставшим бойцам не давали своевременно обед, так он сам пускался разыскивать застрявшую где-нибудь кухню и уж по-своему, по-чапаевски, распекал растяп-кашеваров. Иной раз он раненых бойцов из самого горячего боя сам вытаскивал и сам перевязки им делал. А когда погибнет кто в бою, Чапаев писал письма родным погибшего и просил местные власти оказать помощь его семье.

★

Колчаковцы решили ни в коем случае не пускать Красную Армию за реку Белую. Здесь они решили дать нам бой. Переправляться было трудно: берег крутой, только в одном месте выдается небольшой мысок, а вокруг него проволочные заграждения, чуть ли не блиндажи.



А Чапаев здесь же, на площади, в толпе крестьян.

Собрали мы лучшие силы: авиацию, 46 орудий, тут же был полк иваново-вознесенских ткачей, которых привел Михаил Васильевич Фрунзе.

Отбили мы у колчаковцев два пароходика. Достали лодки. Решили ночью переправляться. Как только первый пароход причалил к берегу, наша артиллерия открыла убийственный огонь по колчаковцам.

За первым пароходом причалил к мысу второй. Белые сопротивлялись ожесточенно. Был такой момент: расстреляли мы все патроны, стали штыками драться, до камней дело дошло. В это время появил-

7*

ся Фрунзе. С криками «ура» перешли мы в атаку и заняли шоссе.

Вот тут как раз и произошла та «психическая» атака офицерья, которую все знают по кинокартине.

Что значит «психическая» атака? Идут цепью, сомкнутым строем, с винтовками наперевес. На нервы действуют. Кто стойче, смелее, у кого сильнее нервы, тот и выдерживает. Оказалось, что у большевиков, у рабочих и крестьян достаточно мужества — их не запугаешь «психическими» атаками.

«Чапаевцы не отступают» — любил говорить Василий Иванович. Не отступали мы и на сей раз, сами перешли в наступление и заняли Уфу.

Белые ненавидели чапаевцев звериной, лютой ненавистью. Однажды заняли мы форпост Бударинский. Вдруг слышим на правом фланге кто-то кричит: «Стой!» Подходим и видим: в яме лежат трупы красноармейцев, захваченных врагами. Уши отрезаны, на теле вырезаны пятиконечные звезды.

Увидали такое дело бойцы и дали клятву: в плен не сдаваться, нет патронов — штыками драться, нет штыков — прикладами, нет прикладов — руками, но в плен не сдаваться

★

Один из моих товарищей, работавший инструктором политотдела, был в Лбищенске вместе с Чапаевым, когда окружили их белые. Во время ночного боя он был ранен в обе ноги и лицо. Каким-то чудом добрался до старого сарая и спрятался в нем. Трое суток просидел он там.

Однажды возле сарая прошли здоровенные бородатые казаки, и один из них со страхом сказал:

— Был и исчез куда-то этот Чапай, три дня ищем, всю реку неводами перебудоражили, а его никак не найдем.

А другой раз мой товарищ услышал такой разговор:

— Слава тебе, господи, нет Чапаева, теперь и Самару и Москву возьмем.

Так боялись Чапаева белые. По наивности своей их солдаты даже думали, что в нем одном вся сила Красной Армии. Им казалось, что без Чапаева разобьют они красных в два счета. Но не тут-то было! Узнав о гибели своего любимого командира и мстя за его смерть, наши бойцы еще крепче ударили по белым. А вскоре мы окончательно разгромили белых казацких генералов и с честью закончили войну с угнетателями, в которой погиб замечательный народный герой Василий Иванович Чапаев.

Чапаев не отступает!

Из воспоминаний Героя Советского Союза М. Слепнева

Почти год мы учились рыть окопы, строить проволочные заграждения, устраивать фугасные ямы, прокладывать дороги. Учились мы много и быстро: каждый стремился скорее окончить ускоренный курс Военно-инженерной академии и отправиться на фронт. Со всех сторон республика была сдавлена кольцом белогвардейских войск, и Красная Армия наносила белогвардейцам героические удары, чтобы разорвать это кольцо. Время было тревожное и тяжелое.

Наступил день выпуска новых красных командиров. Нам выдали значки об окончании Академии, кожаное обмундирование и по нагану. С оркестром музыки нас проводили на вокзал и погрузили в эшелон, который шел на восток: мы ехали бить Колчака.

Под ударами Красной Армии части Колчака откатывались в Сибирь. Мне дали назначение в город Уральск.

Долго шел эшелон, нагруженный лопатами, кирками, мотыгами и другим инженерным имуществом. Наконец, в ясный день подошли мы к бывшей столице яицких казаков — Уральску. Из эшелона выскакивают люди в огромных папахах с красной лентой, в правых карманах у них лежат наган и патроны, в левых — бутылочная граната, которую звали «фонариком». Мы идем в город знакомиться со



И приказал нам Чапаев построить мост не в три месяца, а в три дня.

штабом. Узнаем, что революционными отрядами руководит знаменитый народный военачальник Чапаев—человек легендарной храбрости, молниеносный в нападении, беззаветно любимый бойцами.

Подстать Чапаеву были бойцы его «беспощадного отряда имени Стеньки Разина». Большинство их было односельчане Чапаева, матросы Балтийского флота, такие же отважные и беспредельно преданные революции люди. Они звали Чапаева любовно «Чапа», и надо было видеть, как загорались их глаза, когда они начинали рассказывать про Чапу.

Чапаев готовил наступление на белоказаков генерала Толстого. Надо было обеспечить тыл от набега белоказачьих банд. Инженеры предложили устроить проволочные заграждения перед хуторами и селами. Чапаев засмеялся:

— Вы что ж думаете, что белые прямо на проволоку пойдут? Враг может напасть отовсюду. Надо села окружить проволокой со всех сторон...

Инженеры возражали Чапаеву, утверждая, что такой тактики нет, надо укрепить только более опасные места. Но Чапаев знал, что гражданская война имеет свои законы и что подвижные белоказачьи отряды могут напасть отовсюду.

И вот, вооружившись топорами, кирками, мы принялись оплетать проволокой, часто даже не колючей, а снятой с телеграфных столбов, целые станицы. И метод Чапаева оказался превосходным: белоказаки не могли ворваться в защищенные проволокой станицы.

Белоказаки повели наступление. Чапаев задумал разбить их встречным ударом. Однажды он вызывает меня.

Полевой штаб Чапаева помещался в украинской мазанке. Кругом стояли оседланные кони, вестовые варили в котлах кашу. Начальник штаба доложил обо мне. Чапаев в папахе и френче ходил по комнате, заложив руки за спину.

— Привет, товарищ командующий!

— Здорово! Слышал я, что вы ко мне прибыли,чтобы помочь нам разбить эту гадину, генерала Толстого. Имею я намерение перейти через Урал на киргизскую сторону. Мне нужно построить мост через Урал, да такой, чтобы пушки не утонули...

— Есть, товарищ командующий...

Я собрал совещание инженеров. Долго мы подсчитывали, сколько весят пушки, какова нагрузка на квадратный метр моста, какова скорость течения бурного и широкого Урала, какие нужны материалы. После совещания отправился к Чапаеву:

— Товарищ командующий, мост можно построить. Через три месяца, а если похуже строить, через месяц он будет готов...

Чапаев поднялся из-за стола:

— Вот что, браток, через месяц мост твой мне ненужен. Мне мост нужен через три дня. И указ мой вам такой: приказываю построить мост в три дня. А ежели не построите, тогда у нас разговор будет другой...

Подумали мы, подсчитали, потом я опять пришел к Чапаеву и докладываю:

— Товарищ командующий, мост через трое суток будет, но я должен прямо сказать: на четвертые сутки мост поплывет, и если вы будете отступать, то придется бойцам по реке плыть...

— Вот и хорошо. А отступать не будем: Чапаев не отступает! Мне бы на ту сторону перебраться, а там — тони мост...

Закипела у нас работа. Уральск стоит в степи, леса кругом нет. Громадными ручными пилами резали мы телеграфные столбы. Из них мы делали козлы. Подводы непрерывно подвозили снятые с домов двери, ворота, заборы. Двор мельницы был заставлен пылающими горнами кузнецов. Воздух звенел от ударов молотов, кругом сыпались золотистые искры. Кузнецы ковали скрепы и длинные болты — «ерши». Сильное течение реки сносило козлы, но мы настойчиво ставили все новые и новые. Поверх козел настилали бревна, а на них клали плетни и двери.

Меньше чем через трое суток я доложил Чапаеву:

— Мост готов!

Чапаев отдал приказ переправляться. Конники и прислуга конных упряжек орудий забросили стремена через седла и начали переправляться вплавь. Течение далеко сносило лошадей, но все же все бойцы благополучно переправились.

А по трясущемуся, зыбкому мосту на руках протащили орудия. За ними перевезли обозные повозки.

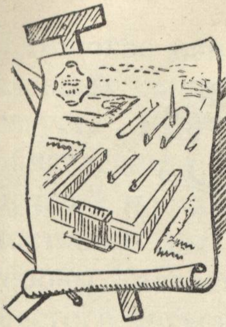
На другой стороне Урала, на горке, стоял Чапаев со своим штабом. Мимо него скакали кавалерийские отряды, батареи, проходили обозы.

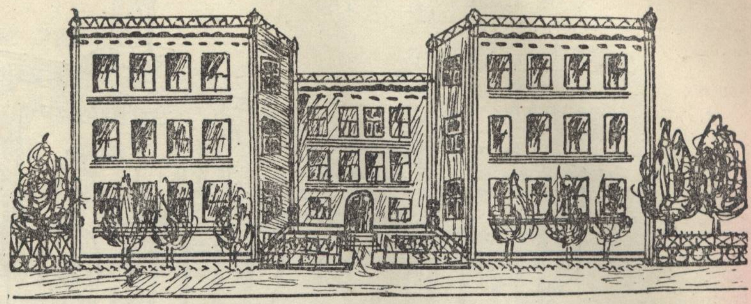
Над дорогой после прохода конницы стояла высокая туча пыли. Далеко за горизонт уходили по степи чапаевские отряды добивать врагов, боровшихся против рабоче-крестьянской власти.

А дня через два получаю приказ:

«За лихую наводку моста через реку Урал краскому Слепневу объявляю благодарность».

Строим город на Дальнем Востоке





Это жилой дом. Во дворе есть сквер и садик с двумя беседками и площадками для детей. По вечерам двор освещают прожектора, установленные на углах дома.

Мила Живилова,
Г. Елатьма

Доктор архитектуры проф. Н. Колли

Будущим градостроителям

Строить город! Что может быть интересней для архитектора? Когда архитектор строит отдельное здание — будь то жилой дом или клуб, театр или стадион, вокзал или завод,— он напрягает все свои творческие силы. А ведь спроектировать и построить целый город, поселок, новое колхозное село — дело во стократ более трудное и ответственное.

Нужно так выбрать место для города, так распланировать направление улиц, так расположить жилые дома и промышленные кварталы, чтобы на протяжении столетий многие поколения жителей города вспоминали градостроителей только добрым словом.

Проблема градостроительства издавна волновала лучших архитекторов.

Полторы тысячи лет тому назад, в античной Греции, стали строить города с ровными, пересекающимися под прямым углом улицами. Знаменитый греческий философ и ученый Аристотель считает, что новый принцип планировки города изобрел архитектор Гипподам из греческого города Милета в Малой Азии. Уже в 479 году до нашей эры в городе Милете улицы были правильно распланированы, пересекались под прямым углом, образуя совершенно одинаковые прямоугольники или квадраты..

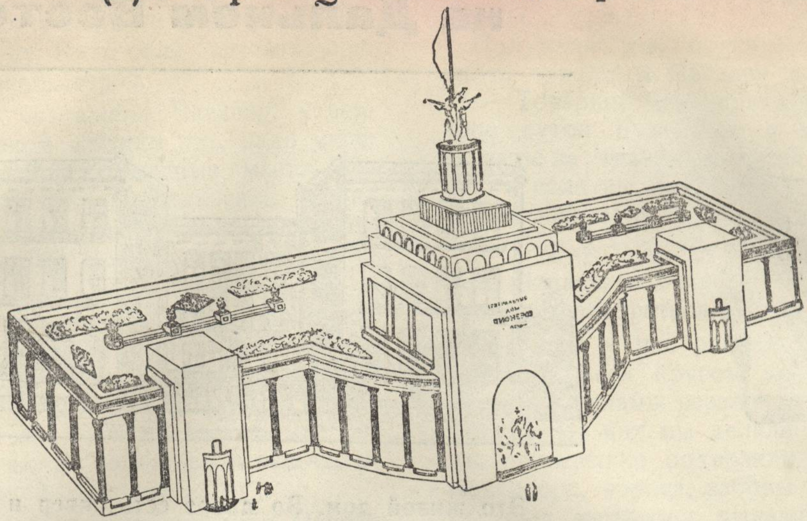
Передовые мыслители задумывались над тем, как будут жить люди в будущем, часто сочиняли планы идеального города.

Великие мечтатели Томас Мор и Фома Кампанелла описывали в своих книгах города будущего. В книге «Город Солнца», вышедшей в 1623 году, Фома Кампанелла рисует контуры идеального города, расположенного на высоком холме, возвышающемся на обширной равнине. Город разделяется на семь поясов один внутри другого. Пояса соединяются между собой четырьмя улицами, направленными к четырем странам света.

Но все планы идеальных городов были лишь утопиями, прекрасными грезами. Там, где господствует частная собственность, градостроителям делать нечего. Там каждый капиталист цепляется за свой дом, за свой клочок земли. Чтобы в капиталистическом городе проложить новую улицу, надо преодолеть жестокое сопротивление десятков собственников. Поэтому в России вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, а в странах Западной Европы и Америки и по сей день, градостроительство сводилось к робкой и неуверенной переделке или к небольшим улучшениям отдельных частей города.

Только в нашей великой стране, где земля и все богатства принадлежат народу, можно строить такие города, где все подчинено сталинской заботе о человеке. На необъятных просторах нашей родины, подчас в совсем еще не обжитых местах, в глухой тайге, в тундре, в степных просторах возникли сотни новых городов с прямыми, широкими улицами, с парками и садами, с

Дворец пионеров



Я сделал для нашего города проект Центрального дома пионеров. Здание трехэтажное, светлое. Входы в Дом пионеров — в левой и правой башнях. В этих же башнях находятся лифты и раздевалки. В средней башне четвертый и пятый этажи занимает большой зал, в котором происходят общегородские собрания, демонстрируются кинофильмы, ставятся пьесы. Шестой этаж башни занимает библиотека-читальня. На плоской крыше дома в летнее время разбит сад.

Юра Коган,
г. Баку

прекрасными жилыми домами. В этих городах нет грязных окраин, с полуразвалившимися домиками, заселенных беднотой, как и нет центральных кварталов с особняками богачей. В наших новых социалистических городах — и в центральных частях города и на окраинах — всюду одинаково хорошие условия для жизни трудящихся.

В нашей стране не только вновь строятся города, но и старые города коренным образом перестраиваются и переделываются. Старые, выросшие в капиталистических условиях города превращаются в новые, по существу, города социалистического типа. Лучшим примером такой перестройки является Москва, которая по плану, подписанному 10 июля 1935 года товарищем Сталиным, не по дням, а буквально по часам превращается в лучший, красивейший, благоустроенный город мира.

Журнал «Пионер» предложил своим юным читателям увлекательную игру — построить новый город на Дальнем Востоке. Читатели горячо откликнулись и прислали в редакцию разнообразные проекты, касающиеся не только планировки города или строительства отдельных зданий, но его благоустройства и технического оснащения.

Юра Церков, Шура Косарев и Леня Светославов предлагают устроить в городе электромагнитную почту. Борис Гольдберг (г. Рогачев, БССР) делает вполне осуществимое предложение применять в новом городе не черный, а цветной асфальт. Многие читатели (Б. Гольдберг, Арон Кипнис) предлагают построить в новом городе подвесную электрическую дорогу.

Особенно интересны предложения по распланировке города и его «зонированию», т. е. распределению территории города под жилые кварталы, общественные здания, промышленные предприятия, парки и т. д.

Совершенно правильно провел работу Вячеслав Кулагин. Он проанализировал местные условия — направления господствующих ветров, направления течения реки — и дал вполне правильное распределение территории города. Очень обоснованно он предлагает разместить заводские площадки на северовостоке от города, в подветренной части. Не застраивая островов, а отводя их под парк культуры и отдыха, он верно учитывает особенности места (вспомните парк на Кировских островах в Ленинграде), правильно решает и экономическую задачу: если строить на островах жилые дома, тогда надо было бы соорудить много мостов, проложить в сложных условиях большую водопроводную сеть, газопровод, канализацию. Верно отводит В. Кулагин место для постройки больницы на левом берегу. Надо пожелать, чтобы В. Кулагин продолжил свою работу и прислал бы свои мысли изложенными ввиде проекта.

Памятник героям Хасана

Никогда наш народ не забудет славных защитников родины, в августе 1938 года проучивших обнаглевших японцев. На самой лучшей площади нашего города поставим мы памятник «Слава героям Хасана». Ежегодно, в день шестого августа, у памятника будет собираться народ и с гордостью вспоминать о славных днях Хасана.

Веня Беляев

г. Людиново, Орловской области.



Рис. Вени Беляева

Очень интересное и по существу вполне зрелое предложение делают Вл. Саппак, В. Амитин, А. Баратов, Мурик Вакмауер, сочетая в планировке города радиальную и и кольцевую систему так, как это мы имеем в Москве. Красиво проводят они основные восемь радиальных магистралей города, связывающих основные пункты периферии — вокзал, аэропорт, промышленные предприятия, товарную станцию — с центром города. Однако в некоторых местах вследствие избранного ими направления магистралей мосты через реку или оказываются слишком близко расположенными друг к другу, или приходятся на самую широкую часть русла реки, или одна магистраль трижды пересекает реку. Но в целом эскиз планировки «города Радости», как его называют авторы, дает вполне приемлемое, здоровое и архитектурно правильное решение.

Интересные и хорошо архитектурно продуманные предложения по планировке физкультурного городка на одном из островов нового города делает Валя Степанов. Его центральная площадь городка физкультуры решена как большое, красиво расчлененное колоннадами, скульптурами и фонтанами архитектурное пространство.

Проект жилого дома на две семьи Володи Иванова говорит об его умении выразить в архитектурной форме идею небольшого жилого дома.

Интересные предложения для проектов Центрального дома пионеров и почтамта дают Юра Коган (Баку) и Лева Алферов.

Неплохо, с хорошим чувством архитектуры задумал Марк Бубнов (Москва) свой проект речного вокзала. Большое внимание уделяют молодые авторы скульптурному оформлению площадей, парков и зданий города. Здесь и предложение Коли Силина об устройстве обелиска Сталинской Конституции, и проекты памятников: героям Хасана (Веня Беляев), Павлику Морозову (скульптура Коли Романова).

Трудно в кратком обзоре охватить все многочисленные и столь же интересные предложения других авторов. Можно только сказать, что все они направлены к тому, чтобы новый город на Дальнем Востоке был самым красивым, самым благоустроенным.

Остается лишь пожелать, чтобы авторы продолжали свою работу, совершенствовали и разрабатывали свои предложения и вместе с тем работали над изучением и освоением важнейших задач архитектуры, ее композиционных приемов и ее богатейшего культурного наследия.

Я уверен, что в результате этой интересной игры выявятся будущие советские архитекторы, которые сумеют в самом ближайшем будущем воплотить в образах архитектуры все величие нашей сталинской эпохи.



Интересный урок *Фото С. Васина*



Дорогие ребята, читатели и читательницы нашего журнала!

Вот вы снова в школе, за партами. Парты и стены пахнут свежей краской. Вы подросли, загорели, поздоровели, отдохнули в лагерях, на дачах, соскучились о своих товарищах и, конечно, с удовольствием вспоминаете летние приключения на реке, в лесу, в деревне. За окном осень — чудесная пора! Поля убраны. По всем дорогам к станциям тянутся телеги, автомобили; грохочут поезда, нагруженные хлебом, фруктами, хлопком, овощами.

Вы всем обеспечены. У вас есть силы, здоровье, есть школы, учебники, книги для чтения, музеи, театры, кино, и вам остается только: „Учиться, учиться и учиться“, — как говорил Ленин.

Придет зима, замерзнут реки, хорошо тогда покататься на коньках, на лыжах, на санках! Но еще приятнее кататься тем, у кого нет ни одного неуда.

Редакция желает всем нашим школьникам учиться отлично, и сама постарается так вести журнал, чтоб вы, открыв его на досуге, всегда могли найти интересные повести, рассказы, очерки о путешествиях, о жизни народов нашей страны, о спорте, о науке, о жизни советских ребят. Давайте уговоримся, ребята: вы исполните наше пожелание, а мы исполним свое обещание.

* * *



В школу.

Что случилось в классе?

Жора Миллер (Москва)

Ждали Кирилла Васильевича, учителя истории. Пока его не было, ребята разговаривали между собой. Но вот в класс вошел Кирилл Васильевич. Это был человек лет 35—40, немного выше среднего роста. Он был довольно строгий учитель. Рассказывал он очень интересно, но несмотря на это некоторые ребята почему-то не любили его уроков и шумели на них.

Кирилл Васильевич подошел к столу. Ребята сидели на своих местах, и лишь человек десять встало.

— Здравствуйте, ребята,— сказал Кирилл Васильевич.

Ребята недружно поднялись.

— Садитесь, — сказал учитель, — начнем быстро урок, а то мы и так задержались.

Он развесил таблицы, карты и стал спрашивать. Первым он вызвал Гаврика Азирова. Гаврик уверенно начал отвечать:

«Египет занимает территорию по течению реки Нила, от его первых порогов до дельты. Ширина Еги...»

Он не кончил. Бумажная пуля, пущенная Сережей Борисовым, попала в учителя. Кирилл Васильевич встал.

— Кто это сделал? — спросил он.

Ему никто не ответил. Ребята молча переглядывались.

— Кто же? — повторил Кирилл Васильевич.



Класс молчал. Гаврик хотел сказать, что это сделал Сережа, но Сережа заметил это и стал грозить ему кулаком. Гаврик испугался и промолчал. «Еще и взаправду изобьет»,—подумал он. Нина Шевякова также хотела сказать про Сережу. Она подняла руку, но сейчас же опустила. Кирилл Васильевич это заметил.

— Ну, кто? — спросил он у Нины.

— Нет, это я так, кофточку поправила,— смущенно ответила Нина.

«Сказать что ли? — подумал Толя Зибов.— Нет, скажу, а он опять отколотит. Пусть кто-нибудь другой скажет».

— Кто это сделал? — тихо спросил Женя Милов у Володи Чегодова, прозванного ребятами «философом» за то, что много разговаривает.— Ты не видел?

— Видел, да не скажу,— также тихо отвечал «философ»,— ты прояберничаешь. Ты ведь известный ябеда.

— Так не скажете? — уже возмущенно спросил Кирилл Васильевич и, немного побледнев, быстро вышел из класса.

Только закрылась за Кириллом Васильевичем дверь, как в классе поднялся шум.

— Скажу! Обязательно скажу! — кричал Женя Милов.

— А я говорю, не нужно. Он ведь не хотел попасть в Кирилла Васильевича,— еще громче протестовал Володя Чегодов.

Нина Шевякова молчала. Она смущенно глядела по сторонам, и по лицу ее было видно, что она еще не решила: сказать ей или нет.

— Эй, ребята! — крикнул Сережа.— Если кто скажет, то в нос дам. Поняли?..

Он хотел что-то еще сказать, воинственно размахивая руками, но в это время дверь открылась и в класс вошли Кирилл Васильевич и директор школы.

— Что случилось?..— спросил директор...

ОТ РЕДАКЦИИ:

Нетрудно догадаться, какой разговор был у директора с ребятами этого класса. Да и нужно ли догадываться? Ведь дело не в том, «что будет», а почему так вышло, что ребята равнодушно отнеслись к оскорблению учителя и не заставили Сережу Борисова признаться в своем поступке и извиниться перед Кириллом Васильевичем.

Гаврик Азиров, Нина Шевякова и Толя Зибов знали обо всем, но промолчали, потому что струсили. Они испугались, что Сережа Борисов их побьет. А разве правду не нужно отстаивать, даже если бы и пришлось поплатиться за это?! Не только один Сережа Борисов, но другие, похожие на него, ничего не смогли бы сделать, если бы против них дружно, как один, выступили и Гаврик, и Нина, и Толя — весь класс.

В классе, где много трусливых и равнодушных ребят, дезорганизаторы часто берут верх. И это только потому, что ребята боятся их запугиваний.

Класс — это коллектив. И если этот коллектив дружный, то он всегда сумеет подчинить своей воле таких ребят, как Сережа Борисов.

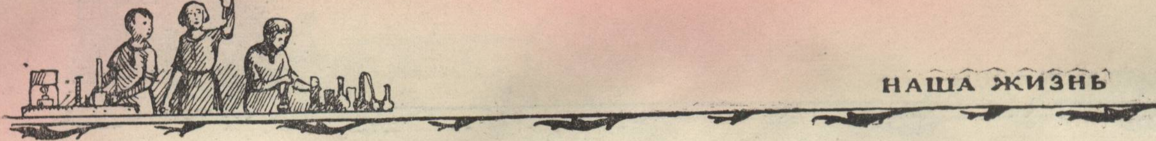
Класс, о котором пишет Жора Миллер, видимо,— не дружный класс, и многие ребята в нем просто трусливы, боятся постоять за правду.

Женя Милов хочет сказать правду, но его называют ябедой. А в самом деле, ябеда ли — Женя?

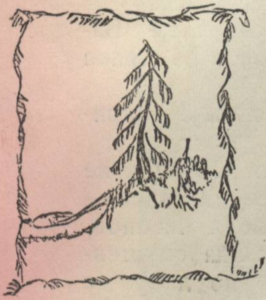
Ребята, мы обращаемся к вам с такими вопросами для того, чтобы вы, продумав все это, внимательно присмотрелись к себе и к своим товарищам по классу, отряду.

Есть ли среди вас такие, как Гаврик Азиров, Нина Шевякова и Толя Зибов? Как поступили бы вы сами на их месте, и как поступаете, когда в вашем классе некоторые ребята плохо себя ведут?

Ждем от вас писем об этом.



Мои друзья животные



Миша Гришин,
станция Сетунь, Западной железной дороги,
2-я средняя школа

Рис. Юры Шибаева,
Москва

Раньше, когда я был совсем маленький, мы жили в Сибири. Папа мой и дядя часто охотились, и я каждый раз просил их принести мне какого-нибудь зверенка. Я все время мечтал о том, как приручу его и буду за ним ухаживать.

Однажды папа принес мне трех маленьких барсучат. Были они совсем крошечные, еще слепые. Я сделал для них клетку из ящика и поместил на террасе. Жили они у меня целое лето, зиму и только в начале следующего лета убежали.



Мне захотелось приручить какую-нибудь птицу. На крыше у нас жил журавль. Я решил его поймать. Когда я его схватил, он захлопал крыльями, зашипел и так стукнул меня клювом, что я уж больше никогда не думал о том, чтобы его приручить.

Больше всего я мечтал о хорошей собаке. И вот, наконец, у своего дяди я достал немецкую овчарку. Собака эта была уже старая и все время убегала к дяде. Так было, пока у нашей с дядей собаки не родились щенки. Тогда я взял одного щенка. Был он веселый и умный. Когда я ласково просил его, он проделывал с удовольствием всякие фокусы. Только и тут мне не повезло: щенка моего разорвали зимой волки.

Тогда мне было всего семь лет, и за животными я не умел ухаживать, а только играл с ними. Сейчас мне тринадцать. Я попрежнему люблю животных, но завожу их уже для того, чтобы за ними наблюдать и ухаживать.



Дома у меня осенью и зимой целый живой уголок. Стоит клетка с белкой, живет ежик, на окнах чижики и щеглы, аквариум с рыбками. А каждую весну я всех выпускаю. Белка и еж, когда жили у меня, очень часто дрались. Иногда еж схватит белку за хвост и тянет. Белка злится, бьет его, но еж ведь колючий, так что она себе же только делает больно. Белка эта была страшная воровка, так и норовила утащить что-нибудь со стола и запрятать на окне между рамами. Там у нее был «склад». Чего-чего только не было в этом «складе»: и сахар, и хлеб, и колбаса, и грибы сушеные, и конфеты.

Были у меня и ужи. Только мама не разрешила держать их в комнате. Они хоть и жили в ящиках, но очень часто выползали и забирались в постели... Тогда я перевел их в сарай. И вот тут-то случилось очень интересное, чего я даже и не подозревал раньше. В сарае было много крыс. И когда поселились там ужи,— крысы все пропали. Бывало, войдешь утром в сарай, на полу валяются две — три крысы, а на головах у них ранки, и сочится кровь. Очевидно, это ужи убивали крыс. Я вот только не знаю, жалили ли они их: ведь ужи неядовитые.



В это лето я особенно много занимался своими питомцами. Сейчас у меня есть два кролика. Когда я уезжал в пионерский лагерь, то взял их с собой. Там был у нас живой уголок.

Как-то раз я нашел беличье гнездо. Посмотрел на маленьких белок, они как крысы — даже с голыми хвостами, и ушел потихоньку, чтобы ребята не увидели и не разорили гнезда. Неподалеку я нашел на дереве

грибы. Они были наколоты на веточку и сушились на солнце. Так белки готовят себе запас на зиму. Я взял грибы и отнес в лагерь нашей белке. Но наша белка не стала их есть, хотя и были они совсем целые, не червивые. Она, наверно, почувствовала, что эти грибы собирала и сушила другая белка.

Потом деревенские ребята принесли мне трех птенчиков мухоловки. Совсем малюсенькие, серые. Я не знал, как с ними быть: никогда у меня не было таких малышей. Но все оказалось очень просто. Я вынес их на крышу, прилетела их мать мухоловка и стала их кормить. Так она летала к своим птенчикам и кормила до тех пор, пока они не подросли и не улетели.

Один раз я сам нашел гнездышко мухоловки. А найти его очень трудно. Запрятано оно так, что и не найдешь — сделано в траве и закрыто травой — совсем невидно.

Был у нас в лагере дятел. Я кормил его муравьиными яйцами. Но он наделал много хлопот. Он любил мух и ловил их на окне и так цокал по стеклу, что два раза выбил окно.

Когда я уезжал из лагеря, белку выпустили, а кроликов я забрал опять домой. Дятел же упал из окна и разбился. Он не мог летать, потому что был подбит.

Скоро я опять устрою у себя дома живой уголок на зиму.

Жаль, что у нас в школе нет кружка юннатов, а то можно было бы проводить всякие опыты.

На первом сборе своего звена или отряда я обязательно расскажу, как интересно наблюдать за разными животными и птицами. Может быть, тогда и уголок у нас будет.



Колхозники возвращаются с поля. Рисунок Володи Белянина, Москва.



Победительницы Всесоюзных оборонных соревнований пионеров и школьников: Римма Застенская, Валя Лебедева, Нюра Ступина и Тамара Евсеева.

ПОДРУГИ

Нас четверо, и всегда мы вместе. Наверно, это потому, что мы учимся не только в одной школе, но даже в одном классе и живем все на одной улице.

А скорее всего сдружились мы так, когда в нашей школе организовался санитарный пост. Это было два года назад. Записались мы и стали выполнять все, что требовалось от члена санитарного поста. Римму выбрали начальником поста. Сначала мы стали следить за чистотой и порядком в своем классе и во всей школе. А потом мы начали готовиться к сдаче норм на значок БГСО. Нормы сдали, но не хотелось бросать занятий, и мы продолжали перевязывать друг друга и тех, кто хотел быть «раненым».

Правда, без инструктора дела у нас шли неважно — мы спешили и сбивались и никак не могли научиться быстро и точно все делать. Но зато когда пришел к нам инструктор, риммин папа, все пошло по-другому.

Один раз товарищ Застенский говорит нам:

— Вы уже хорошо все делаете. Будете участвовать в городских соревнованиях.

Этого мы не ожидали и от радости так подготовились, что заняли первое место не только на городских, но и на областных и республиканских соревнованиях. Поэтому попали и на Всесоюзные оборонные соревнования пионеров и школьников. И вот мы вышли на поле.

— Внимание! — раздался голос главного судьи.

Мы выслушали его команду и, надев противогазы, побежали на поле. Нужно было надеть противогазы на «пострадавших» и вывести их из «отравленной зоны».

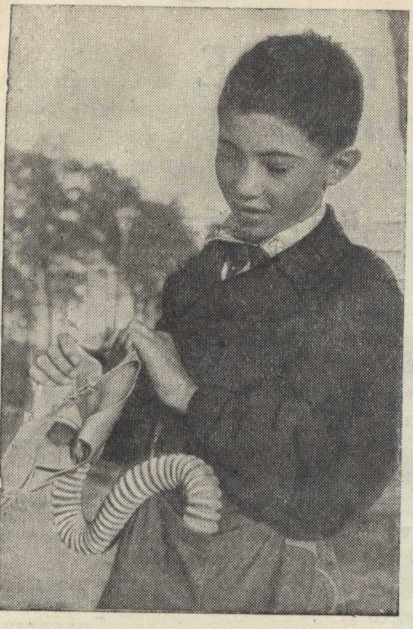
Если это сделать за 15 секунд, то будет считаться, что сделано отлично, а мы все вместе сделали это в среднем за 5,1 секунды. А Римма — даже за 4 секунды.

Потом мы накладывали жгуты «раненым» и делали это в 35 секунд вместо нормы в 2 минуты; оказывали помощь при закрытом переломе и выносили «раненых» из «зараженной местности» за 22 секунды, хотя по норме на это полагается от 3 до 5 минут.

Наши показатели при оказании помощи «пострадавшим» признаны рекордными. Нам сказали, что таких показателей даже ни у кого из взрослых не было. За это нас премировали велосипедами. Если бы так же хорошо работать во время настоящего боя!

Римма Застенская, Нюра Ступина, Валя Лебедева, Тамара Евсеева

г. Мичуринск.



Гера Габриэлян из Узбекистана быстрее всех надевает противогаз. На соревнованиях он потратил на надевание ровно одну секунду.



Петя Нот из Белоруссии — один из самых метких стрелков СССР. На соревнованиях он выбил 95 очков из 100 возможных.



Зина Серикова (из команды Центрального транспортного совета Осоавиахима) надела противогаз еще быстрее Геры — за 0,9 секунды. На этом снимке Зину перевязывают Зоя Глазеева и Женя Горболысова. С Зиной ничего не случилось — она изображает «пострадавшую».



НА ОЗЕРЕ

Рассказ Николая Гильманова,
ст. Балашиха

Было тихо. Луна то исчезала в тучах, то опять показывалась. На берегу озера горел маленький костер, возле него сидели трое ребят из ближнего колхоза. Они пришли на ночь ловить рыбу.

Один из них подошел к воде и поправил удочки. Потом опять подсел к костру.

— Холодно, ребята,— сказал он, кутаясь в пальто.

— Еще как холодно. Я, Сережа, совсем замерз,— сказал Сеня, самый маленький из мальчиков.— Гриша, кидай в костер побольше хвороста.

Гриша взял из кучи валежника сучья и стал подкладывать. Все трое придвинулись ближе к костру.

Огонь бегал по веткам, они потрескивали. Густой дым, извиваясь, поднимался кверху. Было тихо.

— Сережа, ты боишься ночью? — спросил Сеня, ближе придвигаясь к Грише.

— Ничуть. А чего бояться-то?

— Ну, разбойников...

— Нечего их и бояться.

— Он сам боится, вот и спрашивает,— сказал, смеясь, Гриша.

— А вот и не боюсь. Я так.— Сеня сел.— А если фашисты нападут?

— А пограничники? Вся Красная Армия?

Сережа вскочил, но опять лег и докончил:

— Эх, ты, сказал тоже. Фашисты... Раз-два — и готово, и нет их.

Но Сеня не унимался:

— А если они нападут на нас всем народом?

— Всем народом не пойдут,— сказал Гриша.— Потому что рабочие за нас. Крестьяне за нас. Всего-то одни буржуи за фашистов.

Сеня и сам все это знал, а спрашивал вообще, так, чтобы разговаривать. Он подумал и сказал:

Рисунок Вали Тишкина, ст. Новогиреево, Дзержинской ж. д.



С озера донесся всплеск воды. Он прислушался.

— А буржуи, наверно, как на картинках. Маленькие, пузатые и в шляпах. Я как подумаю про них, то обязательно мне представляется наш боров Буржуй — на задних ногах и в шляпе. Всех буржуев можно перебить палкой.

— Ну палкой-то подожди бить. Знаешь, они какие хитрые,— сказал Сережа.

Они еще долго говорили, и потом все трое заснули.

Сережа проснулся от холода. Было темно, небо заволокло тучами. Костер погас. Сережа собрал в кучу оставшиеся ветки и хотел разжечь. Но в это время ему послышались голоса. Он прислушался.

С озера донесся всплеск воды.

— Сережа, кажись, кто-то сюда едет на лодке? — тихо спросил проснувшийся Гриша.

— К берегу подойдут, узнаем. Наверно, рыбаки.

Они стали ждать.

Вскоре лодка подошла к берегу и причалила недалеко от ребят.

Из лодки выскочил человек, он подтянул к берегу лодку. Вылезли еще двое.

— Да вы не беспокойтесь,— проговорил хриплым голосом тот, который выскочил первым,— тут и самого чорта нету.

— Уж больно голос знаком,— сказал тихо Гриша, сидя за кустами.

— Знаешь, голос как будто Ефимыча,— прошептал Сережа.

— Ну, Ефимыч, болтай поменьше,— сказал в это время один из незнакомцев.— Веди нас.

— Да вы не бойтесь! Главное уж прошли, теперь нестрашно, я устрою.

Они зашагали в глубь острова.

Сережа догадался, что Ефимыч ведет людей в сарай, где раньше находились разные принадлежности рыбаков.

Ефимыч, видно, был пьян, он шел сильно качаясь.

Рисунок Вадима Казанского, д. Кузьминки, Московской обл.



Вскоре лодка подошла к берегу.

— День просидите здесь, а завтра ночью я вас дальше переправлю. А там летите,— он говорил без умолку.— Так-то. А денег-то дали мало, надо бы прибавить.

Ребята, крадучись, шли за ними.

Гриша прошептал:

— Как бы Сеня не проснулся. Начнет звать.

— Ничего. Он крепко спит,— ответил Сережа.

Из-за деревьев показался рыбацкий сарай. Ефимыч пошел вперед и отодвинул со скрежетом железную задвижку, дверь открылась.

Ребята подкрались ближе.

— Ну, вот и дворец,— сказал Ефимыч.— Днем темно будет, окон нету. Не обессудьте.

Все трое вошли в сарай.

— Наверное, шпионы?

— Если перешли границу, значит, шпионы,— прошептал Сережа, внимательно глядя на сарай.— Хорошо, что мы пришли рыбу ловить. Теперь не уйдут.

— А что будем делать?— спросил Гриша.— Надо бежать на заставу.

Сережа, немного подумав, вдруг выскочил из-за куста и, быстро подбежав к двери, захлопнул ее.

Потом с силой задвинул проржавевшую задвижку.

— Все в порядке! — закричал он.

— Здорово! — восхитился Гриша.

В дверь начали сильно стучать.

— Открой! Какой там еще чорт балуется? — послышался хриплый голос Ефимыча.— Эй, открывай! Ну!

Немного погодя в дверь ударили чем-то тяжелым.

— Выдержит дверь? — сказал Гриша.

— Выдержит. Здоровая.

Издали послышался голос Сени:

— Эй вы, ребята! Куда убежали?

— Иди сюда! — крикнул Гриша.

Сеня прибежал.

— Почему вы ушли? И удочки оставили.

Сережа ему все рассказал.

— Эй, откройте! — неслось из сарая.

— Вот что, ребята,— тихо сказал Сережа,— вы оставайтесь здесь караулить. А я побегу на заставу.

— Бежим все, им теперь не убежать,— сказал Сеня.

— Зачем же всем? Надо и здесь караулить. А я и один сбегаю.

Сережа побежал к берегу, где стояла лодка.

— Быстрее беги! — крикнул Гриша.

— Я сразу.

Гриша и Сеня сели под дерево напротив двери. Пошел дождь.

— Эй вы! Слушайте, ребята,— раздалось из сарая.— Слушайте!

— Ну? — сказал Гриша.

— Откройте! Хотите, дадим денег. Столько денег, что и удочки и даже охотничье ружье сможете купить. Ну? Хотите?

Ребята не отвечали.

— Ну, соглашайтесь, черти! — кричал Ефимыч. — Вам, дуракам, столько денег дают...

— Молчи, проклятый! — сказал Сеня.

— Открывайте! Убью, сукины дети!

В дверь с силой начали стучать чем-то тяжелым. Дверь затрещала.

Дождь все усиливался. Ребята промокли. Трава была мокрая, и сидеть было холодно.

Утро.

Тучи совсем разошлись, и из-за озера выглянуло веселое, теплое солнце. К заставе, окруженные пограничниками, шли двое нарушителей границы и протрезвевший Ефимыч. Он зло смотрел из-под седых бровей. В лесу пели птицы. Где-то близко куковала кукушка.

Ребята весело шли домой, возбужденно рассказывая о ночных переживаниях.

Рисунок Жени Андреенко, ст. Новогиреево, Дзержинской ж. д.



Ребята подкрались ближе.



В НАШЕМ ДВОРЕ

Вася Цветков, вожатый форпоста „Юный ленинец"

Москва, Большевистская улица, д. 23/18

Наш двор тесный и совсем без зелени. Провести целое лето в таком дворе не очень интересно.

А в это лето вышло так, что почти все ребята нашего двора остались в городе. На дачи никто не выезжал, а в лагере были только двое.

И как раз, когда нужно было придумывать, как же провести поинтереснее лето, обнаружилось, что мы, все ребята нашего двора, совсем не дружим. Не то, чтобы мы часто ссорились или дрались, а просто не дружим, друг без друга обходимся.

Но, как выяснилось, всем хотелось подружиться и повеселее провести лето, только никто не решался заговорить об этом первым.

Во дворе, кроме нас, еще много малышей. Им хорошо: они всегда дружат и всегда вместе.

Один раз смотрим: играют они целой гурьбой в углу двора. И так у них там весело и дружно все идет, что нам завидно стало. Пошли мы смотреть, как они играют. Подходим, а они еще издали кричат:

— Не мешайте нам! Это наш форпост. Сделайте сами, тогда и играйте.

В углу были какие-то дощечки, песок, камешки, «классы» начерчены, на стенке дома наклеены картинки всякие.

Мы посмотрели на этот «форпост» и ушли. После этого мы подумали о настоящем форпосте.

Клава Листяева, Надя Глазунова, Валя Невдяева и я решили организовать форпост и пошли в детский Дом культуры имени Павлика Морозова просить руководителя.

Руководителя нам дали. Уже на следующий день все пошло по-другому. Мы сами поставили во дворе мачту, из угла в угол двора протянули разноцветные флажки, внизу мачты выложили из песка и цветных камешков звезду. Стало и во дворе веселей. Только звезду нашу часто ломали кошки, и мы потом огородили ее узкими досочками и засадили цветами. И дружба как будто наладилась. Собрались ехать за город. Вечером сговорились, что назавтра утром соберемся и все вместе поедем. Утром собрались, смотрим, нет Нади Глазуновой и Клавы Митяевой. Оказывается, они проспали. Мы на них обиделись за это, перессорились и никуда не поехали. Но не так поссорились, чтобы совсем раздружиться: вечером мы снова собрались играть в волейбол.

Девочки наши так увлеклись, что организовали команду и несколько раз обыгрывали команду мальчиков соседнего двора.

Больше мы уже не ссорились и за город ездили часто. Уедем на целый день и забудем, что мы не в лагере. Плавали на другую сторону озера за цветами, играли в военную игру, а на Лену Голубецкую раз упала еловая шишка, как настоящая бомба.

Все-таки очень хорошо, что мы сдружились. А то неизвестно, когда бы выучились плавать Женя Трофимов, Толя Гуторенков, Ледик Зорин, Леня Митяев и Вова Ларионов. Стали как-то мы купаться и узнали, что они не умеют плавать. С тех пор когда шли купаться, учили их плавать. Выучили. А Леня Митяев и Вова Ларионов после этого записались в физкультурный кружок при Доме культуры.

Лето уже кончилось. Мы ходим в школу. Но форпост еще не забыт: я и Миша Глазунов сделали педальную машину новой марки — «ФЮЛ», это значит «Форпост юный ленинец». Так называется наш форпост.

Все мы попрежнему дружим, только вместе бываем уже редко, потому что учимся в разных школах и в разных сменах. Хорошо было бы, если бы в нашем звене была такая же дружба между ребятами.

Я обязательно расскажу ребятам своего звена про наш форпост и про своих друзей во дворе.





МОГИЛА МИКОЛЫ

Стихи Шуры Каганова,

Гомель

Рисунок Вали Тишкина,

Ст. Новогиреево, Дзержинской ж. д.

За лохматым бором,
У самого дола
Стоит одиноко
Могила Миколы.
Песнь поют Миколе
Высокие сосны.
Славу о Миколе
Птицы разносят

. . . .

По деревне скачут
Польские уланы.
— Эй, щенок, поди-ка,
Где партизаны?!

Парень оглянулся,
Чуть расправил плечи
И сказал с улыбкой:
— Тут, недалече...

И повел уланов
По густому бору.
Каркал громко в небе
Одинокий ворон.

Час водил по лесу
Парень тех уланов.
— Где ж, щенок поганый,
Где же партизаны?!

Солнце опустилось,
Приближался вечер.
Говорил все парень:
— Тут, недалече...

Капитан ругался.
В злобе щелкал плетью.
Парень улыбался:
— Тут, недалече...

А потом и смеркло.
Ехали уланы,
Ехали, ругаясь,
Вслед за капитаном.

Ехали уланы.
У самого дола
Вдруг раздался выстрел,
И упал Микола.

. . . .

За лохматым бором,
У самого дола
Стоит одиноко
Могила Миколы.
Песнь поют Миколе
Высокие сосны.
Славу о Миколе
Птицы разносят.



Я была в СССР!

Летом в Москве вместе с семьей отдыхал антифашистский датский писатель Мартин Андерсен Нексе. Дочь писателя Дитте Андерсен Нексе через журнал «Пионер» написала письмо советским ребятам.

Дорогие товарищи!

Если бы вы знали, как я рада, что мне удалось побывать в СССР. Так хорошо и весело!

Наши школьники мне, наверно, не поверят, как вы тут живете! Ведь в Дании для ребят нет никаких развлечений. Вот мне 13 лет, а я еще никогда не была в настоящем театре. Детских театров у нас нет, а в единственный на весь Копенгаген «Королевский театр» детей не пускают. Да и не всякий взрослый может попасть туда. Билеты в этот театр страшно дорогие, и нашим рабочим не по карману. Но если бы рабочему и удалось каким-нибудь чудом получить билет в «Королевский театр», то все равно его бы туда не пустили из-за того, что он одет не так нарядно и богато, как остальная публика.

В нашей школе есть сцена, и мы ставим на ней различные пьесы. Играем, конечно, сами. Нам очень хочется посмотреть игру настоящих артистов, но сколько мы ни просили, их к нам не приглашают.

У вас, ребята, много своих газет и журналов, а у нас на всю Данию только два детских журнала: один — монархический, другой — церковный. Правда, в коммунистической газете тоже бывает «страница для детей». Но всего лишь одна страничка и всего лишь один раз в неделю!

Некоторые учителя рассказывают нам об СССР всякие небылицы, и я постоянно спорю с ними из-за этого.

Как-то учитель сказал, что СССР всячески старается вызвать войну. А в мирное время русские будто бы только и делают, что режут друг друга. Я не выдержала и нарочно громко кашлянула. Учитель поставил меня за это до конца урока к доске и сказал: «Нехорошо, когда маленькие девочки суют нос не в свои дела». А на перемене ребята окружили меня и говорили: «Он сказал неправду и сам себя выдал тем, что наказал тебя за кашель. Ведь ты могла закашлять и по-настоящему!» И теперь никто этому учителю не верит, когда он говорит плохое о Советском Союзе.

А другой учитель задал нам сочинение на тему «Еврейский вопрос». Папа дал мне много книг, я хорошо подготовилась и написала о том, как в СССР евреи живут наравне с русскими и другими народами. Описала, как спокойно и гордо они трудятся на полях Биробиджана. Учитель даже не сделал оценки моему сочинению, а только покачал головой и тоже проехался насчет «маленьких девочек с длинными носами». А ребята сразу догадались, что я написала о евреях что-то хорошее.

То же самое повторялось и на всех уроках, где только встречается слово «русский» или «советский».

Учитель географии вызвал меня к карте показать границы европейских государств. Все было хорошо, пока я не дошла до СССР: учитель сразу же прервал меня.

— Неверно! — он схватил указку и провел границу где-то чуть не через Киев и Минск.

Я страшно возмутилась и при всем классе сказала ему, что ошибаюсь не я, а он, так как я учила границы СССР по той карте, которая висит у папы и которую он привез из Советского Союза. Ее делали советские географы, а они, наверно, знают границы своей страны лучше чем кто-нибудь другой. Учитель рассердился и вызвал «для объяснений» мою маму.

И вот теперь, когда я попала в вашу страну, я вижу, что правду мне говорил о ней только папа, потому что он очень любит вашу страну и ваш народ. Мне очень хочется, ребята, переписываться с вами. Непременно отвечайте мне на это письмо.

Всем, всем вам привет!

Дитте Андерсен Нексе



М. Ильин



Изобрели бумагу китайцы. Около 2000 лет тому назад, когда в Европе греки и римляне писали еще на египетском папирусе, китайцы умели уже делать бумагу.

Материалом служили им волокна бамбука, некоторые травы и старое тряпье. Поместив материал в каменную ступу, они растирали его с водой в кашицу. Из этой кашицы они отливали бумагу.

Формой для отливки служила им рамка с сетчатым дном, сделанным из тоненьких бамбуковых палочек и шолковых нитей. Налив в форму немного кашицы, принимались трясти форму во всех направлениях, чтобы волоконца переплелись и образовали войлок. Вода стекала, а на сетке оставался сырой бумажный лист. Его осторожно снимали, клали на доску и высушивали на солнце. Пачку листов отжимали в заключение под деревянным прессом.



Таким ручным способом китайцы делают бумагу и сейчас.

Удивительный это народ! Начиная с бумажного абажура и кончая книгой или фарфоровой вазой — китаец во все вкладывает массу терпения и изобретательности. Китайцы раньше европейцев додумались до фарфора, книгопечатания, пороха, бумаги.

Прошло много лет, прежде чем бумага попала из Азии в Европу. Случилось это вот как.



В 704 году арабы завоевали город Самарканд в Средней Азии. Вместе с другой добычей они вывезли оттуда секрет изготовления бумаги. В завоеванных арабами странах: Сицилии, Испании, Сирии — появились бумажные фабрики. Была такая фабрика, между прочим, и в сирийском городе Мамбидше, или, как произносили европейцы, Бамбице. Вместе с другими восточными товарами: гвоздикой, перцем, благовонными маслами — арабские купцы привозили в Европу «бамбицину» — бумагу, сделанную в городе Бамбице. От этого-то слова и произошло, вероятно, наше слово «бумага».

Самой лучшей считалась багдадская бумага, которая шла в продажу ввиде листов большого размера. В Египте изготовлялось много сортов, начиная от огромных листов александрийской бумаги и кончая крошечными листочками, которые употреблялись для голубиной почты.

Делали эту восточную бумагу из старого тряпья. На вид она была желтоватая, с темными пятнами. На свет видны были даже кое-где кусочки тряпок.

Прошли века, прежде чем в Европе появились свои бумажные фабрики, или «бумажные мельницы», как тогда говорили. В XIII веке такие мельницы можно было уже найти и в Италии и во Франции.

Случается иногда, что в руки историка попадает старинная грамота или историческая запись, в которой не указан год ее составления.

Как этот год узнать?

Ученый обращается за разъяснениями к самой бумаге: рассматривает ее на свет. И потом говорит: «Эта грамота написана не ранее 1317 года, потому что бумага, на которой ее написали, сделана была в 1317 году; а вот эта грамота написана на столько-то лет позже».

Каким образом узнал это ученый?

И что такое видит он, рассматривая бумагу на свет?

Видит он на бумаге прозрачный водяной знак.

У каждого мастера был свой водяной знак, своя марка. Нередко мастер, кроме знака, проставлял также год и свою фамилию. Марки бывали самые разнообразные: маркой могла быть и голова человека, и половина оленя, и башня, и верблюд, и перчатка, и единорог, и лев, и русалка, и крылатый лев с птичьей головой, и папа римский, увенчанный тиарой, с ключом в руках.

Водяной знак получали таким способом. Бумагу отливали в форме с дном из проволочной сетки. Из проволоки делалась также фигура, которая укладывалась на дно формы. Там, где была проволока, бумага ложилась более тонким слоем чем в других местах. Поэтому, рассматривая бумагу на свет, вы и видите прозрачные полоски в том месте, где была проволочная сетка, и водяной знак там, где была проволочная фигура.

Самый старый водяной знак — это круг. Увидев на бумаге этот знак, вы можете сразу сказать, что бумага сделана в 1301 году.

К нам бумага попала в XIV веке через Новгород, куда ее привезли ганзейские купцы. Бумага эта была итальянская. В XVI веке путешественник Барберино побывал в Москве. В своем дневнике он пишет: «Затеяли они также ввести делание бумаги и даже делают ее, но все еще не могут ее употреблять потому, что не довели этого искусства до совершенства».

Первая русская бумажная мельница построена была на реке Уче, в 30 верстах от Москвы. Но она работала недолго.

Лет через сто опять построили бумажную мельницу, на этот раз на реке Пахре, рядом с мукомольной мельницей. Помощником бумажного мастера был «хлебный мельник». Начали делать бумагу, но весной 1657 года «пошла вода с гор и учала плотину портить». Мельница была разрушена. Вместо нее построили другую, на реке Яузе.

Бумагу делали на этой фабрике большого размера с водяным знаком, изображавшим герб города Амстердама. Это потому, что наши «бумажные мельники» старались делать бумагу по образцу голландской, которая тогда считалась лучшей.

В XVII веке бумага уже расходовалась у нас в большом количестве. На ней печатали книги, которые продавались в книжном ряду в Китай-городе. На ней в приказных канцеляриях писали и переписывали бесконечные выписи и отписки, памяти и указы, челобитные и розыски. Вместе с бумагой появилась, словно ее тень, и бумажная волокита. Нередко какое-нибудь «сыскное дело о чародействе и порче» тянулось годами.



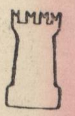
«А дела клеили в столбцы и сбирали в годовые большие столпы, которые, лежа в палатах, от сырости расклеивались и гнили, и мыши их портили. И от того многие старые дела, докладные выписи и указы, валяясь по разным местам в небрежении, терялись и вовсе пропадали».

Так говорится в одной старой «грамоте» — 1700 года.

Один путешественник оставил нам описание московской канцелярии XVII века:



«Между тем рассматривал я находящиеся в сем же здании канцелярские комнаты. Они все под сводами, с маленькими окнами и похожи на темницы. На сей раз тут находились одни лишь канцеляристы, которые сидели по два человека на ящиках, стульях и скамейках, иные выше, другие ниже, без всякого порядка. Я даже видел одного, стоявшего на коленях. Они все занимались письмом или перебиранием свитков бумаг, которые развивали и свертывали с большой ловкостью. Сии свитки суть длинные полосы, составленные из листов бумаги, вдоль разорванных и склеенных».



Бумага шла к нам в это время главным образом из Голландии. Петр I велел в 1716 году построить бумажную мельницу около Дудергофа, а в 1720 году была построена и вторая «мельница» — за «Галерным двором».

Бумагу этих «мельниц» можно узнать по водяному знаку: как и на гербе Петербурга, на ней были изображены якоря. Был издан указ о том, что бумага будет продаваться в Адмиралтействе, и об этом объявлено было во всеуслышание с барабанным боем.



Конечно, на этом история бумаги не заканчивается. Можно бы многое рассказать о современных бумажных фабриках, где работают гигантские машины — самые большие машины в мире, о целюлозно-бумажных комбинатах, которые, подобно сказочному великану, ежедневно «поглощают» целую небольшую рощицу деревьев. Но это особая тема.

Здесь было рассказано только о «младенчестве» и «отрочестве» бумаги.

НАША библиотека

И. РАХТАНОВ

„Поучительная история". Семена Гехта

Я почти убежден в том, что кто бы вы ни были, сколько бы вам ни исполнилось лет, какие бы отметки у вас ни стояли в дневнике, книгу писателя Семена Гехта «Поучительная история» вы прочтете залпом. Это очень интересная книга. В ней многое случается, многое описано.

Тут и детство героя в маленьком городке около Киева, тут и строительство большого металлургического завода в Зауралье, тут и сама поучительная история о том, как невинного и хорошего человека обвинили во вредительстве и чуть-чуть... Но рассказывать книгу нет нужды. Если вы ее еще не читали, то вам это сделать необходимо, а читать в коротком пересказе — все равно, что не читать вовсе.

Итак, давайте поговорим о книге, будто вы ее уже прочли. Мне в ней больше всего понравилась первая часть — там, где детство трех мальчиков, где маленький городок и Антонина Ивановна Хомякова, артистка Киевской оперы, однажды согласившаяся дать в маленьком Литине концерт в пользу ОЗЕТ. Как ее слушали литинцы! Она пела много и охотно. Вот тогда-то, в тот вечер, три мальчика влюбились в артистку. Они написали ей письмо, когда она вернулась в Киев. Главная солистка Киевской оперы ответила мальчикам, даже больше того, она прислала им огромную посылку по почте: конфеты в блестящих бумажках. Все то, что рассказывает Гехт об Антонине Ивановне, очень хорошо. Сначала она отзывчивая и милая. Она помогает Моисею, одному из трех влюбленных в нее мальчиков, устроиться в жизни, хлопочет о нем, но потом, когда выросшему Моисею Гублеру действительно понадобилась ее помощь, артистка забыла о нем. А вот Мизикевич, который кажется сперва читателю человеком сухим, черствым, специально едет с Севера в Зауралье, чтобы довести дело до конца, чтобы разорвать хитро сплетенные врагами нити вокруг Моисея Гублера.

Книга Гехта — о людях. В ней каждый из вас узнает себя. И каждый должен посмотреть: «А не похож ли я чем-то на артистку Антонину Ивановну?» И



Рисунок художника Л. Голованова из книги «Поучительная история»

каждый должен взять себе в пример Мизикевича, Моисея Гублера, многих описанных в книге хороших людей. Судьба товарищей пусть волнует нас не меньше чем своя собственная. У нас в стране каждый опирается на плечо соседа. Только так и можно жить. Но еще не все люди таковы. В книге мы видим Макса Тененбаума, друга детства Моисея, который для своего блага готов был утопить товарища. На этом человеке есть еще много родимых пятен капитализма, он скверный член нашего общества, и вот почему он оказался на скамье подсудимых. С самого детства спекулировал он махоркой, а потом, когда попал на строительство большого завода, оно мало интересовало его.

В древнем Риме сложили поговорку «Человек человеку — волк». За рубежом, в волчьем мире капитализма, где забота о деньгах и борьба за существование — главное в жизни человека, эта поговорка еще жива.

7 января 1889 года Чехов написал своему издателю Суворину письмо. Вот что он писал: «Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по уро-

кам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества,—напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по капле раба, и как он, проснувшись, в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая».

Вот об этом Гехт и написал свою умную книгу. Конечно, у него молодые люди не похожи на тех, что нарисовал Чехов. Но лучшие из них освобождаются от рабской крови, лучшие из них — настоящие люди — участники великой социалистической стройки. На их дороге, мешая им, стоят рабы, люди с рабской, а не настоящей кровью, с родимыми пятнами капитализма. Они не понимают величия времени, в которое живут. Их пока еще много, и поэтому книга Гехта очень серьезна и нужна.

И не важно, что обстоятельства вашей жизни не похожи на те, которые нарисовал Гехт. Внимание к товарищу, заинтересованность в его делах необходимы не только на строительстве. Школа, класс, пионерский отряд—все это состоит из людей, а раз так, значит здесь можно встретить и Гублеров и Тененбаумов.

Мы не хотим делать для вас никаких выводов, но пусть каждый, кто прочтет книгу, подумает о себе и о своих товарищах. Вот за этим Гехт и написал такую толстую и такую интересную «Поучительную историю».

Старые знакомые

Веселые и необычайные приключения капитана дальнего плавания Христофора Бонифатьевича Врунгеля вместе с Ломом и Фуксом на яхте «...беда», описанные А. Некрасовым и нарисованные К. Ротовым, помнят все читатели «Пионера» за 1937 год.

Читатели журнала за 1938 год увлекались школьной повестью Немировой «Судьба товарища», задумывались над тем, как выйдет из трудного положения капитан советского теплохода в рассказе Л. Кассиля «Губернаторский пассажир».



О смелом мальчике, отыскавшем летчика, потерпевшего аварию в лесу, подожженном диверсантами, вы читали не так давно в рассказе А. Гайдара «Дым в лесу».

Все эти произведения доставили немало интересных и веселых минут тем, кто их прочел на страницах журнала.

Теперь можно встретить этих старых знакомых снова: Детиздат ЦК ВЛКСМ выпустил их отдельными книжками. С хорошими и интересными книгами приятно встречаться несколько раз: каждый раз находить в них что-нибудь новое, незамеченное раньше.

Расскажите о них своим приятелям и подругам — пусть и они приобретут хороших друзей.







ТЕЛЕГРАФ

Рассказывают, что во время коронации императора Павла Первого между Петербургом и Москвой были расставлены солдаты один от другого на расстоянии звука ружейного выстрела.

Когда император возложил на себя корону и из пушек, находившихся в Кремле, дали салют, первый солдат выстрелил в воздух из своего ружья. Услышав звук этого выстрела, тотчас же выстрелил второй солдат, за ним—третий, пока выстрелы таким образом не дошли до Петербурга, где сейчас же тоже был произведен салют, но уже из пушек Петропавловской крепости.

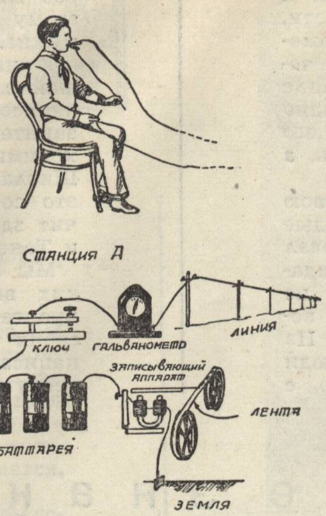
Несмотря на то что выстрелы без промедления следовали один за другим, все же прошло около шести часов между салютом в Кремле и салютом в Петропавловской крепости.

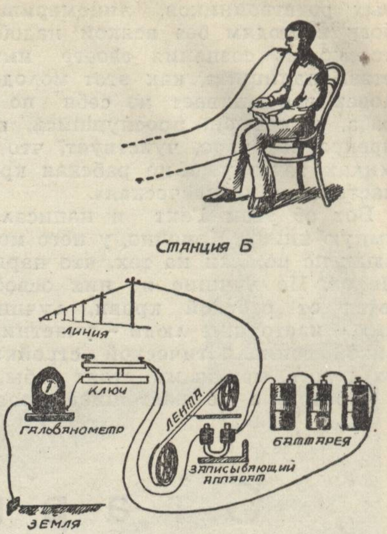
Такой способ «телеграфирования» нам теперь кажется смешным, а скорость, с которой «телеграмма» шла от Москвы до Петербурга,—совсем незначительной.

Ведь теперь за такое же время можно послать телеграмму несколько раз вокруг всего земного шара, причем это будет не просто мгновенный сигнал, а длинная телеграмма, состоящая из многих слов и фраз.

Все это сделалось возможным после изобретения электрического телеграфа.

Первая телеграфная линия была сооружена в Англии Куком и Уитстоном ровно 100 лет тому назад. Но широкое распространение телеграфа сделалось возможным лишь несколько лет спустя, после того как Самуил Морзе усовершенствовал первоначальный аппарат и изобрел свою знаменитую телеграфную азбуку, посредством которой любую букву алфавита можно передать, пользуясь только двумя простыми знаками, а именно точкой (.) и тире (—).





Современный, усовершенствованный телеграфный аппарат, конечно, сильно отличается от первого телеграфного аппарата Морзе, однако принцип действия и схема его в основном остались те же самые.

Попробуем соорудить простейшую модель телеграфного аппарата. Из материалов вам потребуются два длинных провода, лучше всего изолированных, т. е. покрытых обмоткой из ниток или заключенных в резиновую трубку. Можно взять провод от электрического звонка или двойной шнур от электрического освещения.

Затем вам потребуются две столовых ложки и две вилки. Ложки и вилки должны быть из разных металлов, например ложки можно взять алюминиевые или серебряные, а вилки — медные, никелированные или железные.

Прежде всего очистите концы проводов от изоляции. Затем обмотайте один конец провода вокруг черенка ложки, а другой конец—вокруг вилки. То же самое сделайте и с другим проводом, прикрепив к его концам вилку и ложку.

Когда это сделаете, перережьте ножницами один из проводов недалеко от вилки и очистите от изоляции перерезанные концы. Ваш телеграфный аппарат почти готов, и можно приступить к телеграфированию. Сядьте на стул в конце комнаты и положите себе одну из ложек под язык, а вилку с маленьким, перерезанным концом провода положите на язык.

В другом конце комнаты посадите своего товарища и попросите его проделать то же самое с другими ложкой и вилкой.

Если вы теперь возьмете в руки концы перерезанного провода и приложите их один к другому, то и у вас и у вашего товарища сейчас же станет на языке кисло, причем язык будет легко покалывать. Разъедините концы проводов — и кислота сейчас же исчезнет. Соедините снова провода—кислота опять появится.

Если вы воспользуетесь телеграфной азбукой Морзе, то вам нетрудно будет передать вашему товарищу любое слово или фразу. Для того чтобы передать точку, вам нужно будет соединять концы проводов лишь на одно мгновение; для передачи тире концы проводов следует подержать некоторое время соединенными.

Для того чтобы осуществить так называемую двухстороннюю связь, т. е. чтобы передавать и получать телеграммы могли вы и ваш товарищ, нужно один

из проводов также перерезать вблизи вилки товарища. Теперь, когда вы будете передавать телеграмму, а ваш товарищ получать ее, то он должен держать концы перерезанного провода все время соединенными. Когда же передает телеграмму товарищ, а вы ее принимаете, то вы должны держать концы проводов соединенными.

Кислота появляется от того, что при соединении проводов по ним начинает проходить электрический ток. Откуда же взялся электрический ток?

Дело в том, что два различных металла, разделенных влажной прокладкой или жидкостью, образуют гальваническую пару, которая и является источником электрического тока. Ложка и вилка, приложенные к языку, как раз и образуют такую гальваническую пару. Таким образом, наш телеграф, так же как и настоящий, действует при помощи электричества, хотя мы имеем здесь ток весьма слабый как по силе, так и по напряжению.

В заключение мы приведем схему действия телеграфного аппарата Морзе.

Предположим, нам требуется послать телеграмму со станции **А** на станцию **Б** (см. чертеж).

Для этого вы на станции **А** нажимаете так называемый **ключ** и этим самым включаете ток, идущий от гальванической **батареи**. Ток, так же как и в нашей модели, идет по двум проводам, из которых один провод (линия) подвешен к столбам, а в качестве другого провода служит земля, которая является прекрасным проводником электрического тока. Прежде чем поступить в линию, ток проходит через так называемый **гальванометр**, т. е. прибор для **измерения тока**. Точно так же и из батареи ток, прежде чем поступить в землю, проходит предварительно через **записывающий аппарат**.

На приемной станции ток поступает в обмотку записывающего аппарата. Мягкое железо, вокруг которого намотана обмотка, намагничивается и притягивает к себе рычажок с прикрепленным к нему пером; перо прижимается к бумажной ленте, проходящей под ним, и чертит на ней знаки азбуки Морзе.

В. Дасманов

ЛУПА ИЗ ПИПЕТКИ

Простую и очень сильную лупу можно сделать из обыкновенной стеклянной пипетки. Для этого возьмите пипетку ввиде стеклянной палочки с маленьким круглым шариком на одном конце; другой конец пипетки обычно делается плоским, чтобы за этот конец ее было удобно держать пальцами. Такую пипетку можно найти в любом аптекарском магазине. Постарайтесь выбрать такую пипетку, у которой шарик на конце имеет правильную форму, на свет совершенно прозрачен и имеет диаметр не менее 25 миллиметров. Прежде всего ребром стального подпилка осторожно подпилите пипетку около основания шарика. Затем опустите пипетку в сосуд с водой и под водой ножницами отломите шарик по месту царапины, сделанной подпилком.

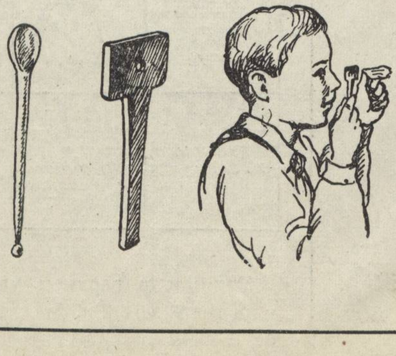
Если у основания отломанного шарика останется острый выступ, то на точильном бруске осторожно сточите этот выступ. Из толстого картона вырежьте небольшую лопаточку и зачерните ее с обеих сторон чернилами. В середине широкой части лопаточки просверлите круглое отверстие диаметром немножко поменьше чем диаметр стеклянного шарика.

Теперь нужно вставить шарик в отверстие — и ваша лупа готова. Такая лупа дает очень большое увеличение, но фокусное расстояние очень маленькое, поэтому ее приходится очень сильно приближать к рассматриваемому предмету.

Так как диаметр лупы очень маленький, то глаз также должен находиться очень близко от лупы.

Лучше всего через такую лупу видны прозрачные предметы вроде, например, крыла мухи, кожицы лука и т. п. Для этого предметы зажимаются между двумя стеклами и рассматриваются против света.

В. Дасманов



КАК СЕРЕБРИТЬ

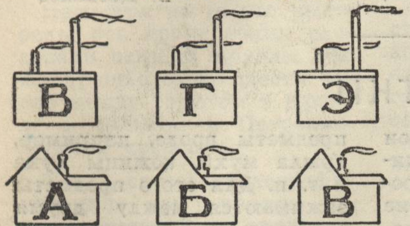
Многие из ребят-фотолюбителей выливают отработанный фиксаж. Но его можно полезно использовать для серебрения медных вещей. Для этого мы в отработанный фиксаж добавляем мел, тальк или соду до тех пор, пока не получится густоватая жидкость. Потом берем тряпочку и натираем этой жидкостью предмет, который нужно посеребрить. Натираем до тех пор, пока предмет не посеребрится хорошо. После этого моем его. Предмет, который вы желаете посеребрить, надо сначала хорошо вычистить, а потом уже серебрить.

Эня Григорьев и Вова Пашкевич
(Свердловск)



Загадки

ВОДА, ГАЗ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВО



На прилагаемом чертеже изображены три дома, обозначенные буквами А, Б и В. Кроме того на чертеже изображены: водопроводная станция (В), газовый завод (Г) и электрическая станция (Э). Требуется проложить трубы для снабжения всех трех домов водой и газом и электрические провода. При этом провода тоже прокладываются под землей. Ни трубы, ни провода не должны на чертеже пересекаться друг с другом.

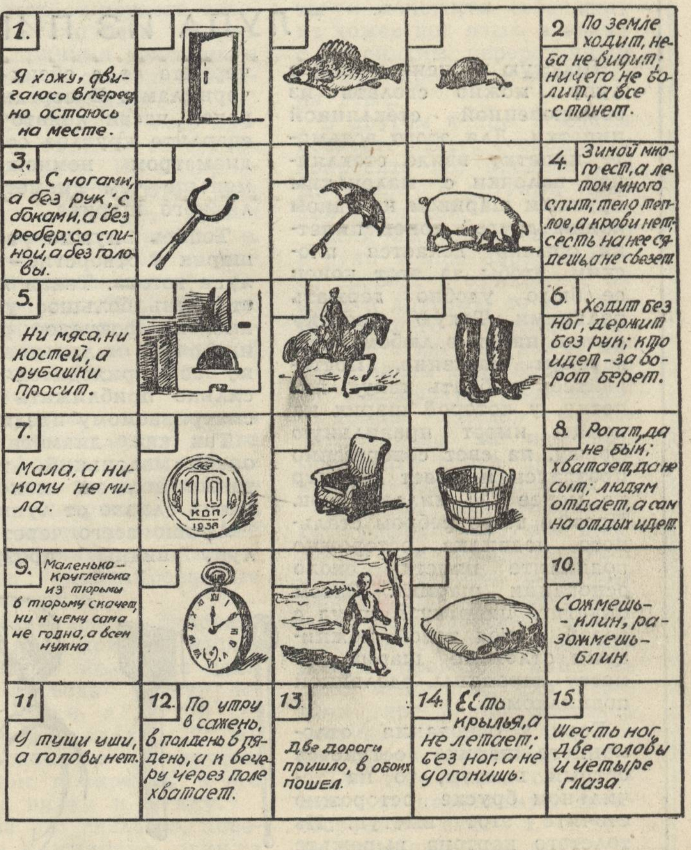
ПОПРОБУЙ СЛОЖИТЬ

(Прислано Б. Пульвером из Москвы)



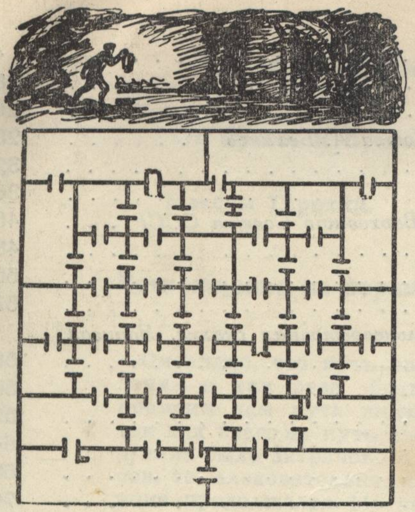
Это карта одной из частей света, разделенная на куски (сектора). Попробуйте переставить их так, чтобы карта приняла свой настоящий вид.

Загадки и отгадки



Напиши в верхнем углу каждой картинки-отгадки номер народной загадки, на которую картинка дает ответ.

СОКРОВИЩА ЗАМКА



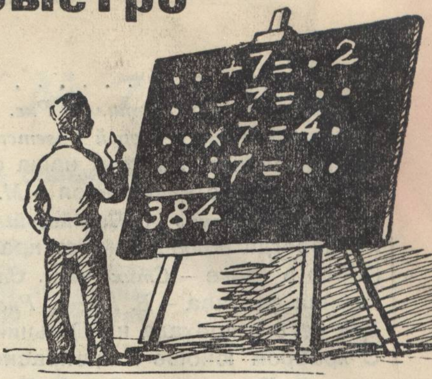
На чертеже изображен план подземелья средневекового замка, в одном из отделений которого владельцем замка были замурованы драгоценности. В завещании, найденном после смерти хозяина, было указано, как найти скрытые в подземелье сокровища. Для этого нужно было войти в одно из крайних отделений подземелья и, начав с этого отделения, пройти все двери подземелья только по одному разу; в простенке налево от двери, которая будет пройдена последней, и замурованы драгоценности. Предлагается указать на рисунке место, где были скрыты сокровища.

ЧТО ТУТ НАПИСАНО?



Петя написал на доске эту фразу и нарочно пропустил некоторые слова. Второе и третье пропущенные слова образуют первое пропущенное слово. Разгадайте это слово.

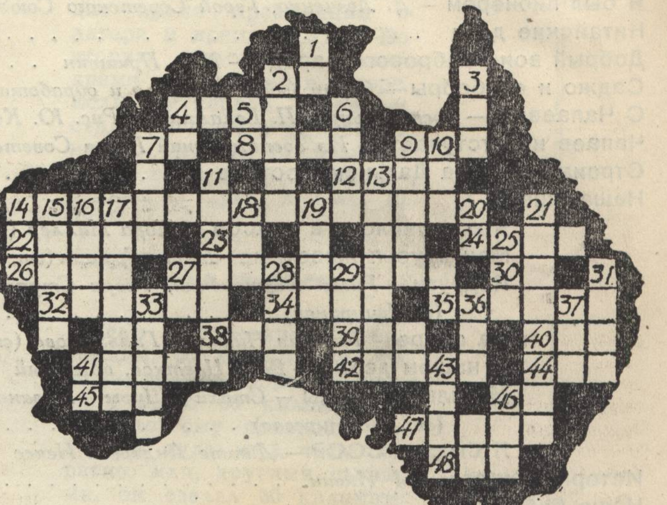
Решите быстро



Если вы наблюдательны, вы решите эту задачу в две минуты. Надо найти 4 числа, сумма которых равна 384. Вы получите одинаковую сумму, если к первому числу при вите 7, от второго отнимете 7, тре умножите на 7, а четвертое раз лите на это же число.

КРОССВОРД

прислан Володей Казак из города Алма-Ата.



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Отец. 7. Двойник человека у египтян. 8. Мужское имя. 9. Экипаж в Англии. 12. Взгляд. 14. Авария на море. 22. Болотное растение. 23. Мера земли. 24. Зной. 26. Немецкий философ. 27. Город в Армении. 30. Горный бык. 32 Знаменитый ученый-естествоиспытатель. 34. Телесное повреждение. 35. Государство в Америке. 38. Число. 39. Река, впадающая в озеро Балхаш. 40. Город на Аляске. 41. Город в Японии. 42. Птица. 44. Противоположность добру. 45. Волшебник. 47. Штат в Америке. 48 Произведение Гоголя.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Подтверждение. 2. Палатка. 3. Невольник. 4. Движение в танце. 5. Река в Италии. 6. Сосуд. 7. Остров из группы Антильских. 9. Предшественница трамвая. 10. Озеро в Америке. 11. Сказание. 13. Предмет туалета. 14. Повар. 15. Военный термин. 16. Река во Франции. 17. Работница театра. 18. Советский шахматист. 19. Сосуд с прахом. 20. Животное. 21. Штат в Америке. 25. Город на Дальнем Востоке. 27. Китайская мера земли. 28. Государство в Азии. 29. Растение. 31. Известный грузинский большевик. 33. Жидкость. 36. Порода попугаев. 37. Морское сооружение. 41. Немецкий физик. 43. Наклон судна. 46. Голос.

Укажите также, какую часть света изображает кроссворд.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке — картина художника Г. Нисского „Дальневосточный берег".

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды", 24, комната 822, тел. Д 3-30-73

Отв. редактор **П. К. ШАРИ.** Отв. секретарь **В. А. Поддубная.**
Зам. редактора **Н. В. ИЛЬИНА.** Худ. редактор **М. З. Аскинази.**

Сдано в набор 3/VIII 1939 г. Подписано к печати 16/IX 1939 г. Изд. № 914

Уполномоченный Главлита № А — 16872. 82×110. 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.

Типография газеты „Правда" имени Сталина. Москва, ул. „Правды", 24. Зак. № 2570. Тираж 90 000

Ответы на задачи № 7

От буквы к букве

Максим Горький.

Восхождение на вершину

Очевидно, что путь вверх занял в три раза больше времени чем путь вниз. А так как всего на путь вверх и вниз было затрачено 6 часов, то, следовательно, путь вниз продолжался $1\frac{1}{2}$ часа. А за $1\frac{1}{2}$ часа, идя со скоростью $4\frac{1}{2}$ километра в час, путешественник прошел 6 и $\frac{3}{4}$ километра — это и есть расстояние в километрах от подножия холма до его вершины.

Который час!

Два часа дня.

Собака и заяц

Число прыжков, которые должна сделать собака, чтобы нагнать зайца, обозначим через X. Так как 5 прыжков собаки равны 9 прыжкам зайца, то 1 прыжок собаки равен $\frac{9}{5}$ прыжка зайца, а X прыжков собаки равны $\frac{9}{5}\ X$ прыжка зайца. Формула $\frac{9}{5}\ X$ представляет путь собаки, выраженный в прыжках зайца.

Собака делает 2 прыжка в то время, когда заяц делает 3 прыжка; отсюда следует, что в то время, когда собака сделает X прыжков, заяц сделает $3 \cdot X/2$ прыжка.

Учитывая сказанное, имеем: $\frac{9}{5}\ X = 45 + \frac{3}{2}X$, или $18X = 540 + 15X$, откуда $X = 150$.

Размещение больных

Чтобы больные не могли сообщаться между собой и первым больным, занимающим комнату № 49, их надо поместить по комнатам 18, 44, 29, 6, 39.

Загадки

1. Пулемет, 2. Фотоаппарат.

Сколько дней!

В первую половину входит время пребывания в лагере и время в пути. Во вторую половину — только время пребывания в лагере. Если из первой половины отнять 5 дней и прибавить их ко второй, то разница будет в 10 дней. Следовательно, в пути я был 10 дней.

Ванина скорость

Если до петиной дачи, скажем, 30 километров, то Ваня туда и обратно проехал всего 60 километров. На это ему понадобилось 3 часа туда и 2 часа обратно, или, другими словами, он сделал 60 километров в 5 часов, что составляет среднюю скорость в 12 километров в час.

Арифметический лабиринт

В большом круге должна получиться сумма 1051.

Морской чайнворд

1. Штурвал. 2. Люк. 3. Клотик, 4. Кок. 5. Компас. 6. Секстант. 7. Трап. 8. Порт. 9. Трос. 10. Склянки. 11. Иллюминатор. 12. Рация. 13. Яхта. 14. Аврал. 15. Лоцман. 16. Норд. 17. Док. 18. Кук.

Цена 1 руб. 50 коп.